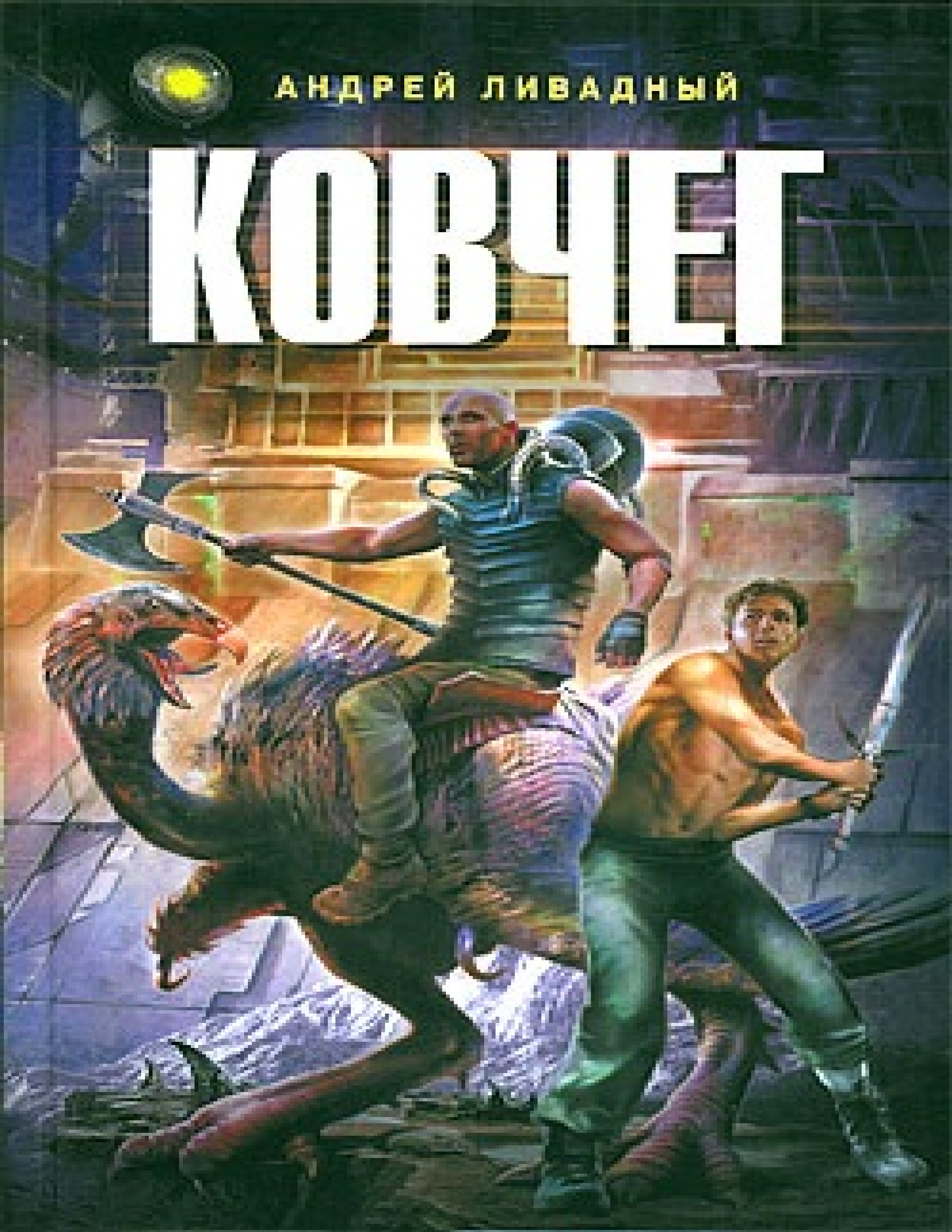

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
КОВЧЕГ

Annotation

Две тысячи лет назад глобальная катастрофа превратила межзвездный исследовательский корабль «Ковчег» в «летучий голландец». Однако жизнь на нем сохранилась. Полуразумные обитатели различных планет, собранные для проведения эксперимента по ускоренному развитию интеллекта, выстояли, приспособились к новым условиям и принялись сражаться за лидерство под искусственным солнцем Ковчега, храня память о таинственных и могучих Богах, когда-то низвергнутых их предками, и страшась возмездия. Но однажды старые легенды нашли реальное подтверждение…

Андрей Ливадный Ковчег

…Случилось это в далеком, укутанном дымкой легенд прошлом?

Или, быть может, история любой цивилизации действительно напоминает собой бесконечное движение по спирали, где каждый новый виток повторяет некоторые события предыдущего, вознося их на более высокий уровень прогресса, – и тогда все описанное произойдет в далеком для нас будущем?

Я не знаю. Пусть каждый из вас судит об этом сам…

Автор

Пролог

Маленький шар видеосканера неторопливо плыл вдоль стены широкого, вырубленного в монолите скалы прохода, придерживаясь своего обычного, предписанного программой маршрута.

Он являлся лишь простым, весьма бесхитростным автоматом с ограниченным набором функций.

Главной задачей «глаза» (так в шутку называли его техники) была передача данных, осмыслить которые он не мог. Для этого под титановой оболочкой шара размещалось слишком мало электронных мозгов.

Простой видеосканер. Глупый прибор, переживший своих хозяев. Один из немногих немых свидетелей падения Богов.

Сканер продолжал свой нелепый полет.

Нелепый, потому что его работа больше не требовалась тем, кто валялся на кафельном полу тоннеля в лужах собственной крови.

Сканер плыл в генерируемом им же самим поле антигравитации, а вокруг лениво мигал аварийный свет, да еще монотонный голос, исторгаемый из динамиков общей сети интеркома, механически твердил набор одних и тех же отрывистых, несущих ясный, законченный смысл фраз.

То был глас осиротевшего кибермозга, который вещал с похоронной монотонностью отлично отлаженной машины:

– ВНИМАНИЕ!.. ОПАСНОСТЬ!.. НЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ!.. ЗАФИКСИРОВАНО ВТОРЖЕНИЕ ЧУЖИХ ОРГАНИЗМОВ ИЗ СЕКТОРА ЭКЗОБИОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ!..

Люди лежали там, где их застала внезапная смерть. Лица некоторых еще хранили на своих чертах печать безмерного удивления и какой-то горькой обиды, словно все, что произошло тут, являлось не просто смертью, а неким предательством, страшным, несправедливым, не сообразующимся ни со здравым смыслом, ни с понятиями элементарной благодарности.

Те, кто привел сюда смерть, едва ли понимали, какой отлаженный, тщательно продуманный механизм поддержания жизни разрушают в своем первобытном гневе. Для них не существовало таких понятий, как «жизнеобеспечение». До осознания смысла данного слова варварам предстояло пройти свой путь развития длиной в миллионы лет…

Но был ли им отпущен необходимый для такой эволюции срок?!

Скорее всего нет. Ведь последствия их безумства уже сказывались. Что-то рушилось, тяжко содрогаясь, и по уцелевшим компьютерным терминалам, со следами ритуальной крови на брошенных клавиатурах, метались безумные гаммы предупреждающих огней.

Те, кто уничтожил Богов, сами умирали в тяжких корчах разрушающегося Мира. Они попытались использовать то, чего не могли осмыслить, и техника Богов щедро воздавала им за глупую, варварскую самонадеянность.

Толпы примитивных, обезумевших созданий носились в ужасе по новым, открывшимся волею катастроф ареалам обитания, день ото дня ожидая своего неминуемого конца, но… наступил некий переломный момент – взрывы пошли на убыль, все реже рушились стены или обваливались секции высоких, порой недостижимых для глаза потолков. Мир все еще содрогался, но реже стали странные, громоподобные голоса, больше не вырывались из покореженных, туннелеподобных труб безумные, сметающие все на своем пути смерчи, где-то выросли новые стены, непонятно какой силой изринутые из монолитного на вид пола и… Мир выжил!

Проверка катастрофой, тест на предельную нагрузку показали, что предки тех людей, чьи тела валялись на полу коридора, воистину создали то, что нельзя разрушить!.. И долгая, затянувшаяся на неопределенный отрезок вечности агония их детища явилась трагичным, посмертным свидетельством инженерного гения…

Жизнь продолжалась там, где ее присутствие казалось немыслимым, неуместным…

…И тот самый видеосканер еще долгое время продолжал скользить вдоль закругляющейся стены, на которой кое-где виднелись побуревшие отпечатки окровавленных ладоней, а монотонный голос машины по-прежнему вещал, исправно исполняя свой бесконечный погребальный гимн, которому было суждено теперь звучать столетиями меж этих неживых стен:

– ОПАСНОСТЬ!.. ВТОРЖЕНИЕ!.. ПОТЕРЯ УПРАВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИЙ!.. СИСТЕМА ТЕПЕРЬ ПОД ВОЕННЫМ КОНТРОЛЕМ! ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ НЕМЕДЛЕННО ПРОСЛЕДОВАТЬ В УБЕЖИЩА!.. ПОВТОРЯЮ: СИСТЕМА ТЕПЕРЬ ПОД ВОЕННЫМ КОНТРОЛЕМ! ВСЕМ ПРОСЛЕДОВАТЬ…

Часть I Рожденный из грязи

Глава 1 Подарок алтаря

Эргавс, удрученный своими совсем, надо сказать, невеселыми мыслями, медленно брел по дороге вдоль высокой, закругляющейся кверху стены. По правую руку от Управляющего простиралось поле, совсем недавно засеянное соей. Вид у посадок был удручающим, и именно это безрадостное зрелище торчащих из земли чахлых, обглоданных побегов заставляло Эргавса вздыхать и качать головой.

Нашествие крыс оказалось внезапным и опустошительным. Глядя на тонкие стебельки, сочные макушки которых начисто объели полчища грызунов, Управляющий понимал, что от этого поля в данном сезоне уже не будет никакого толка.

«Мрачные Боги… – думал он. – Вы обрекаете меня на мучения, а за что?! – Эргавс нахмурился, отчего сошлись вместе его кустистые брови, а нос чуть вздернулся, приподнимая верхнюю губу. Из глотки Управляющего вырвалось низкое, раздраженное рычание. – Вы несправедливы ко мне, – мысленно продолжал он свой монолог, адресованный незримым, но вездесущим, по мнению Эргавса, оппонентам. – Ведь Амбуш не станет слушать никаких оправданий. Это его предки свергли вас с сияющих престолов, так за что должен страдать я – потомок невинного народа?» – Такая своеобразная, раздраженная молитва крутилась в голове Управляющего, пока он шел краем разоренного поля. Теперь ему придется отчитаться за будущий неурожай. Конечно, Амбуш не станет выслушивать его объяснений – ведь Высокородным этнамам нет никакого дела до трудностей своих подданных. Тот, чьи руки обагрены кровью Богов, не станет снисходить до мелких, сиюминутных проблем собственных вассалов…

«Эх, если бы у меня было достаточно клонгов, чтобы поставить пост у каждой дыры, что проделало время в стенах Мира, то уж, пожалуй, крыс можно было б остановить…» – думал Эргавс, машинально повернув в длинный тоннель, что отходил от края поля, в том месте, где стена Мира начинала плавно изгибаться. Недавно тут, разбирая старинный завал, нашли несколько скрытых помещений, и он, погрузившись в безрадостную задумчивость, вдруг неосознанно подчинился давнему желанию – пойти взглянуть, что же там, собственно, обнаружили?..

Когда Эргавс понял, что ноги самостоятельно принесли его к обрушившемуся участку стены, поворачивать назад было поздно. Часовой,

оставленный подле дыры, что вела в новый придаток их Мира, уже заметил его и лениво встал с грязного пола тоннеля, выставив вперед длинное копье.

– Стой! – хрипло и недружелюбно произнес он, гортанно растягивая звуки.

Верхняя губа Эргавса опять злобно вздернулась, – часовой был грязным, тщедушным и оборванным, но он принадлежал к народу этнамов и потому думал, что ему позволено орать на Управляющего, который, к своему непреходящему разочарованию, родился среди сенталов…

«Сын дохлого шерстобрюха… – подумал Эргавс, замедлив тем не менее свой шаг. – Твоя мать, должно быть, согрешила не с этнамом, а с крысой, дав тебе такую гнусную рожу…»

Действительно, внешний вид стражника никак не соответствовал утверждению Правителей Эрди об их божественном происхождении. Тот, в ком течет кровь Падших Богов, никак не может быть таким грязным, словно это не этнам вовсе, а какая-то замызганная половая тряпка. Голубой подшерсток, давно не мытый и не чесаный, покрывал тело этнама сплошной серо-голубой коростой, а на лице, как успел мысленно подметить Эргавс, он отсутствовал вообще, открывая взгляду коричневые складки кожи.

– Ты не узнаешь меня, этнам? – тем не менее вежливо осведомился он, остановившись в нескольких шагах от часового, который выставил вперед копье, целя в грудь непрошеного визитера. – Я – Управляющий Полями!

– Вот и иди на свои поля! – зло мурлыкнул часовой.

– Но я должен осмотреть новый участок Мира, – резонно возразил ему Эргавс. – Амбушу не понравится, если пригодный для возделывания участок будут пропущен только из-за того, что ты не пустил меня осмотреть новую землю!

Слова Эргавса, сказанные уверенным тоном, заставили часового задуматься. Конечно, он узнал Управляющего Полями, но разве мог этнам, чьи предки свергли Богов и завоевали Мир, подчиниться требованию какого-то сентала – волосатого слуги? По крайней мере, делать это сразу было неприлично. Этнам для того и рожден этнамом, чтобы волосатые знали свое место… Хотя, с другой стороны, не пускать его совсем не было никакого резона…

– Ладно… – хмуро кивнул часовой, проведя такой мысленный диспут с собственным, не очень, кстати, развитым, сознанием. – Ты можешь войти, – он опустил копье и с безразличным видом вновь сел на грязный

пол тоннеля. – Только предупреждаю: нет там никакой земли. Только больное железо и старый Алтарь,[1] – высокомерно поведал он. – Да еще Пасть-Которая-Жрет-Отходы,[2] – добавил часовой, уже потеряв всякий интерес к Эргавсу и впадая в обычную для себя сонную меланхолию.

Управляющий Полями не стал тратить время и силы на гнев. К этому чувству можно вернуться позже, а сейчас он просто протиснулся мимо часового в узкую щель, которая больше напоминала трещину в стене, чем нормальный вход.

Новый участок Мира показался Эргавсу даже более бесполезным, чем предположил охранник. Несколько комнат с провисшим потолком, соединенных между собой арочными проходами, заливал тусклый, красноватый свет.

Остановившись на «пороге», сразу за трещиной, Эргавс некоторое время, подслеповато прищурившись, созерцал «больное железо», которое торчало тут и там, демонстрируя рыжие пятна поразившей его шелушащейся проказы, а затем сплюнул на покрытый гладкими пластинами и заваленный мусором пол. «При таком освещении тут, конечно, ничего не будет расти, – решил про себя Управляющий, – даже если я велю клонгам натаскать сюда земли…»

Конечно, разве день, начавшийся с нашествия крыс, может принести что-нибудь, кроме новых разочарований?

Пока он размышлял, стоя у стены, глаза свыклись с красноватым сумраком, и он, движимый не до конца удовлетворенным любопытством, пошел вперед.

Эргавс никогда не понимал, отчего Мир устроен именно таким образом. Слушая легенды о могуществе Падших Богов, он все чаще начинал сомневаться в рациональности современного положения вещей. Предания рассказывали о том, что раньше, до первого греха, этнамы и сенталы жили в покое и счастье. Вокруг было много еды и света, Боги часто навещали их, а когда те отсутствовали, то горячая молитва перед Алтарем всегда оставалась услышанной, и любой, кто взывал к Богам, как правило, получал то, что хотел.

«Зачем этнамы нарушили то течение жизни? – часто спрашивал себя Эргавс. – Если предания не лгут, то Мир был гораздо лучше, когда им управляли Боги. Теперь же все совсем не так, как то живописуют легенды. Когда этнамы в своем стремлении уподобиться Богам бросили тем вызов, все изменилось, и далеко не в лучшую сторону…»

Такие мысли считались преступлением, но Эргавс не боялся явной

крамолы, что жила под его волосатым, чуть приплюснутым черепом. В конце концов, никто не мог узнать о ней, а в обществе он всегда вел себя благоразумно, не высказывая подобных суждений вслух. Просто он понимал, что ему как Управляющему Полями жилось бы намного проще, возьми на себя часть его забот Падшие Боги.

Но это было невозможно. От Богов остались лишь Алтари да перекореженный Мир, полный больного железа. И еще глупые, скрипучие голоса, что часто донимали тех, кто осмеливался покинуть обжитой участок и выйти на простор Сумеречной Зоны – огромного мертвого и опасного пространства, которое простиралось над освещенным, плодородным участком, где уже много лет обитали два народа: этнамы и сенталы…

Легенды говорят, что раньше, при правлении Богов, предки Эргавса обитали намного выше, в тех местах, где Сумеречная Зона сейчас оканчивается мрачными, непреодолимыми вершинами Перевала Тьмы… Там, за ними, лежит та земля, которую утратил его народ…

«Нет, Падших Богов не вернуть… Они ушли, бросив Мир на медленную погибель… И земли, что лежат за Перевалом Тьмы, не больше чем очередная, красивая сказка…»

Размышляя таким образом, Управляющий Полями прошел две арки и оказался в последнем, третьем помещении, которое было намного просторнее предыдущих и оканчивалось глухой стеной. По полу бежала длинная полоса изрядно обветшавшего железа, из которой, словно зубы, торчали острые куски толстого стекла.

«Очевидно, что тут когда-то была перегородка, делившая надвое этот участок Мира», – проницательно заключил Эргавс, задрав голову. На обвисшем потолке четко выделялась точно такая полоса с зазубренными краями.

«Бессмысленный кусок Мира… Один хлам…» – с досадой подумал он, озираясь вокруг.

Однако при более тщательном осмотре внимание Управляющего привлекли два устройства, явно принадлежавших некогда Падшим Богам. Одним из них был Алтарь, а другим Пасть-Которая-Жрет-Отходы. Подойдя ближе, он заметил, что слева от Алтаря возвышается еще несколько прямоугольных постаментов, на которых, словно крысиные глаза, тускло горели маленькие, злобные огоньки.

Эргавс поежился. От этого места пахло древностью. Теми временами, когда тут ходили Падшие Боги.

«Может быть, этот Алтарь еще слышит голос тех, кто возносит

молитвы? – мелькнула в его голове облеченная в форму слабой надежды мысль. – Что, если попробовать?»

Взглянув на мертвое, квадратное око Алтаря, Эргавс уловил в его глубинах собственное отражение, тусклое и неясное в красноватом свете. Внезапно Управляющего охватила дрожь. Он понял, по слою пыли и отсутствию крови, что еще никто не прикасался к Алтарю, с тех незапамятных времен.

Каждый младенец из народа сенталов знал, что Алтари непредсказуемы. Обращаться к ним – то же самое, что играть в лотерею, которую иногда устраивал Амбуш, чтобы обобрать своих не особенно умных подданных: никогда не знаешь, что выиграешь, но почти всегда отдашь больше, чем получишь. Иногда Алтари могли убить, если вдруг взрывались с треском и голубым светом. И очень редко исполняли желания. Наверное, в том были повинны Падшие Боги, что, умирая, прокляли Мир, поразив железо ржавчиной, а Алтари – безумием. «Но, может, этот не такой? – с сомнением и страхом подумал Эргавс, осторожно приближаясь к темному оку. – Может, Боги забыли проклясть его?»

Управляющий отступил на шаг и воровато, затравленно огляделся. Он был убежденным материалистом, как и большинство его сородичей. Жизнь сентала была трудна и полна тяжких невзгод. Выживали в основном те, кто уповал на собственные силы, а не на мифы ушедших поколений.

«Хоть бы одну крысу… – нервно поежившись, подумал он. – Чем же я воздам Алтарю, когда буду высказывать просьбу?»

Ритуальная кровь была обязательным условием обращения к Богам. По крайней мере, так утверждали легенды…

«Не отдавать же свою собственную?.. – с некоторым страхом подумал Эргавс. – А быть может, мне покормить Пасть? – вдруг осенило Управляющего. – Не зря же она стоит рядом с Алтарем!.. Может, жертвоприношение, отданное Пасти, распространит свое действие и на это темное око?!»

Мысль показалась ему здравой. Управляющий знал, что Пасти – а их на территории плодородных земель было несколько – жутко прожорливы. Они охотно пожирали все, вплоть до экскрементов, и никогда не выказывали недовольства. Но они обладали едва ли не большим могуществом, чем Алтари, – стоило забыть покормить хотя бы одну из них, и последствия наступали почти немедленно. Сначала начинал мигать свет, потом он мог погаснуть, и тогда несчастные, что проявили такую беспечность, могли блуждать во мраке до тех пор, пока не исправят свою ошибку или не умрут от наступавшего вслед за мраком холода.

Эргавса все больше лихорадило от внезапного возбуждения. «Этнамы тупы… – злорадно подумал он, торопливо собирая с пола валявшийся там в изобилии мусор. – Взглянув на этот свет, можно было догадаться, что перед ними голодная Пасть», – мысленно рассуждал он. Набрав достаточно различных обломков, он осторожно подошел к темной Пасти и привычным движением ноги открыл зев приемника. Вывалив туда подношение, он отступил на шаг и застыл в ожидании эффекта от своего действия.

Прошло не меньше десяти или пятнадцати минут, прежде чем оцепеневший от страха и любопытства Управляющий Полями заметил первые признаки того, что был абсолютно прав в своей догадке насчет голодной Пасти.

Он ждал, что начнет разгораться свет, как это обычно бывало в других местах, когда тупые клонги забывали покормить свою Пасть, но в этот раз все происходило иначе. Яркие огоньки, похожие на жадно горящие во тьме крысиные глаза-бусинки, вдруг суматошно забегали по темному материалу прямоугольного выступа, который располагался в нескольких метрах от проглотившего приношение приемника отходов, и почти сразу, на глазах у парализованного ужасом Эргавса, начал оживать Алтарь.

Поганые Боги, как же он испугался! Одно дело слушать невнятные россказни старух, уже выживших из ума и ни на что не способных, кроме как болтать про старину, а другое – воочию убедиться в том, что под их словами, оказывается, крылась правда!..

Темное, квадратное око Алтаря вдруг осветилось ровным, голубым светом, и в его призрачных глубинах начали суматошно возникать какие-то значки, словно там роились черные мухи…

Эргавс вскрикнул и хотел было бежать, но запоздал с этим разумным решением…

Он стоял слишком близко к Алтарю и, что самое ужасное, не предложил тому ритуальной крови, как то предписывала традиция. И одно и другое показалось Эргавсу непростительной ошибкой, когда от Алтаря вдруг отделились два тонких, извивающихся провода. Словно живые, они метнулись к его голове и, проскользнув меж спутанных, грязных волос, плотно приросли к вискам.

Управляющий Полями не мог двинуться с места. Его ноги ослабли и начали подкашиваться. Он ждал, что обиженный, не насытившийся кровью жертвы Алтарь сейчас высосет из него всю жизнь, без остатка. Совершенно ошалевший от страха Эргавс даже на секунду представил, как с глухим стуком упадет на пол его сморщенная телесная оболочка, – но, к его изумлению, шли секунды, которые складывались в голове Управляющего

Полями в гулкую вечность, а ничего страшного не происходило. Если Алтарь и пил его жизнь, то это не вызывало болезненных ощущений, только в висках чувствовалось легкое покалывание, словно там в кожу впилось какое-то насекомое.

Он так и стоял, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в скошенный край Алтаря, на котором располагалось множество светящихся квадратиков с какими-то символами; рот Управляющего Полями был перекошен и открыт, словно в нем застыл немой крик, – так продолжалось до тех пор, пока два впившихся в виски провода вдруг не выскользнули из-под спутанной шевелюры Эргавса и страшный, гулкий голос, который шел из ниоткуда, не произнес:

– ВНИМАНИЕ! В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО! ЗАРЕГИСТРИРОВАН НЕДОПУСТИМО НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА! СИСТЕМА В АВАРИЙНОМ РЕЖИМЕ! ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА ЦЕПЕЙ! В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД, ПОСЛЕ ЧЕГО БИОКРИОГЕННЫЙ МОДУЛЬ ПОТЕРЯЕТ УПРАВЛЕНИЕ! ИНИЦИИРОВАН ПРОЦЕСС ЭКСТРЕННОЙ РЕАНИМАЦИИ! ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ! ПОВТОРЯЮ: КАПСУЛА ВЫШЛА ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩЕГО РЕЖИМА!..

Эргавс рухнул на колени перед Алтарем, в благоговейном ужасе закрывая голову волосатыми руками. Управляющий Полями не владел священным языком и не понимал ни слова, но голос – глухой, идущий сразу со всех сторон – не вызывал никаких сомнений в его божественной сути.

Разум Эргавса был подавлен не поддающимся осмыслению, страшным величием этих секунд. Он слышал голос, который, несомненно, принадлежал Падшим Богам!..

– ВНИМАНИЕ, КАРТОЧКА ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА ВЫДАНА! – При этих словах из беснующегося огнями прямоугольного ящика на пол перед ошалевшим Эргавсом вылетела тонкая серая пластина, способная уместиться в ладони. – ТЕРМИНАЛ ОТКЛЮЧЕН! КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА ЭНЕРГОСИСТЕМЫ!..

Дальше в понятии Управляющего Полями наступил конец Мира, который множество раз предрекали тайные служители культа Падших Богов. Алтарь внезапно вспыхнул неистовым светом и рассыпался тысячью обжигающих искр, при этом от грохота у Управляющего заложило уши, глаза ослепли, а в нос ударил едкий, противный запах, от которого Эргавс забился на полу в приступе мучительного кашля.

Когда он наконец сумел несколько раз судорожно вдохнуть, дым уже

понемногу начал рассеиваться. Преодолевая ужас, он открыл глаза, еще не веря в свое чудесное спасение, и с замиранием сердца огляделся вокруг.

В помещении, где еще плавал сизый дым от взорвавшегося Алтаря, по-прежнему горел тусклый, красноватый свет. Пожирающая отходы Пасть безразлично щерилась открытым зевом приемника. Из квадратного ока Алтаря, в котором зияла безобразная дыра, еще сыпались искры. Крысиные глаза на темном прямоугольном ящике погасли, но – ПОГАНЫЕ БОГИ!..

ОН БЫЛ ОТКРЫТ!

Эргавса сотрясала крупная дрожь. Управляющий Полями никогда не считал себя трусом, но он привык иметь дело с существами из плоти и крови, которые имели хорошую привычку умирать после доброго удара дубиной или меткого попадания копья, а общение с духами было для него в новинку…

Выпучив глаза, он встал, пошатываясь от внезапной тошноты, которая была вызвана плавающим вокруг едким дымом.

Он знал, что не должен заглядывать в открывшийся ящик. «Нужно бежать…» – твердил себе Управляющий Полями, но – такова уж, видно, природа всех мыслящих существ из плоти и крови – как только их разум хоть на секунду выскальзывает из цепких, корявых пальцев смертельного страха, в нем тут же просыпается неистребимое и не совсем здоровое любопытство.

Опираясь на край ящика, чтобы утвердиться на ватных ногах, он только одним глазком взглянул на его содержимое – просто бросил один-единственный, ничего не значащий мимолетный взгляд внутрь и тут же взвыл от запоздалого раскаяния и нового приступа тошнотворного страха.

В темных глубинах ящика лежало меленькое, красное, сморщенное существо – едва родившийся детеныш, но ЧЕЙ?!..

Управляющий Полями уже всерьез подумал о том, что такого сделал взбесившийся Алтарь с его головой, разве могло привидеться нормальному сенталу такое отвратительное уродство?!

В первый момент, глядя на красное, сморщенное, влажное существо – эдакий комок осклизлой плоти, он с отвращением подумал, уж не детеныш ли это какой-нибудь гигантской крысы, посланный ему Падшими Богами в отместку за то, что он поскупился на каплю собственной крови для подношения Алтарю, но, с содроганием присмотревшись, он понял, что у сморщенного тельца, что распласталось на дне ящика средь каких-то тонких проволочек и других непонятных предметов, наблюдается большое сходство с сенталами, если не брать в расчет то, что голова ребенка была непропорционально большой для столь крохотного тела и сильнее

походила на округлое яйцо, чем на нормальный, приплюснутый череп сенталов, с выпяченной челюстью и тяжелыми, нависающими над глазами надбровными дугами…

«Скорее всего появление подобного уродца в обыденной жизни можно было отнести к тому редкому случаю, когда самка из народа сенталов вдруг понесет от перепившего Высокородного…»

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове собравшегося бежать Управляющего Полями, но этому здравому желанию так и не суждено было воплотиться в жизнь.

Ребенок вдруг дернулся и закричал – тонко, беспомощно…

Этот слабый, писклявый крик буквально пригвоздил Эргавса к месту. Ему очень хотелось бежать как можно скорее и как можно дальше от этого жуткого, полного таинственной воли Падших Богов места, но что-то вдруг шевельнулось в первобытной душе Управляющего, заставив того вновь обратить взгляд на странное, уродливое существо. Разве не так кричали его собственные дети, когда хотели есть или просто чувствовали потребность в материнском тепле? Пусть этот крохотный комок плоти не больше чем исчадие Алтаря, но ведь он, Эргавс, так или иначе, повинен в его появлении на свет…

Откуда же было знать Управляющему Полями, что тот, о ком он думал, размышляя над мерой своей ответственности, родился много сотен лет назад и его жизнь, доверенная в вихре разрушительных событий заботам одной из немногих уцелевших автоматических систем, была просто приостановлена процессами низкотемпературного сна…

Конечно, ни о чем подобном Эргавс даже и не думал.

Просто ему вдруг стало жаль это маленькое, пискляво орущее создание, посланное ему древним Алтарем в отместку за скупость…

Протянув руки, Управляющий Полями, содрогаясь от отвращения, коснулся волосатыми пальцами холодного, покрытого какой-то желеобразной массой тельца, и легко вытащил его из ящика.

Младенец тут же затих, бессильно свесив свою большую уродливую голову.

Совершив этот неоправданный с точки зрения здравого смысла поступок, Управляющий Полями, не оглядываясь, поспешил к выходу, уже раскаиваясь в том, что проявил секундное милосердие. Но бросить притихшее существо на пол тоже оказалось выше его сил. Единственное, на что втайне уповал Эргавс, так это на реакцию стража, который сидел у входа в новый участок Мира. «Может быть, грязный и кровожадный этнам убьет это существо или по крайней мере отнимет его у меня?» – со слабой

надеждой подумал он, боком протискиваясь в трещину.

Увы, его надеждам не суждено было сбыться. У выхода в тоннель никого не оказалось.

«Куда же подевался часовой?!» – с изумлением подумал Эргавс, озираясь вокруг. Он знал, как ревниво и жестоко Правитель Амбуш поддерживает воинскую дисциплину среди своих сородичей, и такой поступок, как отсутствие на посту, мог стать причиной долгой и весьма болезненной смерти даже для этнама…

Однако все его сомнения были разрешены спустя несколько секунд, когда он увидел, как в тоннель со стороны Города вдруг ввалилась целая толпа возбужденных этнамов, которые, не обращая внимания на Управляющего Полями и его странную ношу, пробежали мимо с громкими гортанными криками:

– Амбуш! Амбуш! У повелителя родилась дочь! Радуйтесь! Сегодня родилась Нейра – первая среди этнамов!

Эргавса едва не растоптали. Управляющему Полями пришлось распластаться по стене, чтобы поток не смел его с дороги.

Дождавшись, пока пронесется мимо толпа ликующих этнамов, он, глухо ворча, направился к себе домой.

«Вот уж не знаешь, благодарить Алтарь или проклинать его… – думал Эргавс, сжимая в руке теплое тельце диковинного ребенка. – Я хотел просить Падших Богов, чтобы гнев Амбуша по поводу разоренного поля миновал меня, и смотри – у Правителя родилась дочь. Теперь ему несколько недель будет не до крысиных набегов и запасов сои. Может, так все и забудется?..»

Так он и донес свое нежданное приобретение до самого дома, не придушив странного ребенка и не выкинув его, как собирался, в ближайшую же канаву.

В тот день Управляющий Полями Эргавс, сам того не подозревая, решил судьбу Мира, принеся в свой дом новорожденного наследника Падших Богов.

Глава 2 Крысеныш

Огромный, вонючий шерстобрюх медленно полз по иссохшему полю, поднимая за собой плотные клубы удушливой пыли, от которой першило в горле и щипало глаза. Животное казалось необъятным, тупым и уродливым. Внешне оно напоминало небрежно сваленную на волосяной подстилке гору мяса, которая колыхалась, будто студень, натужно скользя по пыльной поверхности земли. У него не наблюдалось ни ног, ни глаз, ни каких-либо иных органов движения или осязания. Все жизненные функции отправлялись им при помощи миллионов ложноножек, что росли на брюхе, будто густая, жесткая шерсть. Ими он осязал, на них же передвигался и ел тоже исключительно при помощи своего плоского, волосатого живота. Одного взгляда на этот простейший организм, по непонятным причинам разросшийся до непомерных, слоноподобных размеров, было достаточно, чтобы понять: если шерстобрюха создала природа, то значит, либо не все ладно с мудрой матерью всего сущего, либо она загнана в какие-то не свойственные ей рамки…

Действительно, шерстобрюх относился к порождениям загаженных и перепутанных радиоактивных тоннелей. Его сородичи ползали по ним в кромешной тьме, жадно обирая со стенок комковатую слизь, что копилась там веками.

Этот же был ручным – вслед за животным на длинных веревках волочилось бревно, из которого в пыльную почву уходили острые клиновидные осколки пластика.

Эргавс, Управляющий Полями, стоял чуть в стороне от полосы взвешенной в воздухе пыли и смотрел, как медленно ползет по полю шерстобрюх и как толкаются мальчишки, чьей обязанностью было сидеть верхом на этом самом бревне, чтобы оно глубже царапало почву, продавливаясь под их весом и оставляя в ней следы-борозды. Среди детишек постоянно шла молчаливая, злая борьба за место с края бревна, где пыль казалась не такой плотной.

«С пылью ничего не поделаешь…» – думал он, в очередной раз наблюдая, как с бревна на вспаханную почву отлетел выпихнутый своими волосатыми сверстниками семилетний уродец, у которого все тело было голым, а волосы росли лишь на самой макушке круглого, как шар, черепа. Сонный надсмотрщик, который, обернув лицо куском ткани, плелся вслед за шерстобрюхом, тут же достал его щелчком кнута. Пацаненок взвыл,

подскакивая на одной ноге, и полез назад на бревно, но погодки не пускали; сразу несколько волосатых рук потянулись к нему, чтобы отпихнуть назад, под кнут, но, на счастье Рогмана (так Эргавс окрестил странный подарок Алтаря), шерстобрюх как раз достиг края поля и с влажным чавканьем вполз на заготовленное для него угощение – лужу тоннельной плесени, что выплеснул сюда работник. Через пару минут он всосет ее дочиста и тогда – снова в путь по пыльной земле, до противоположного края.

«Да, с пылью ничего не поделаешь… – вновь повторил про себя Эргавс, отворачиваясь от чавкающего и всхлипывающего животного. – Если на поле окажется хоть капелька влаги, шерстобрюх ни за что не тронется с места, встанет и будет сосать драгоценную почву…» Это Управляющий знал наверняка из богатого личного опыта. Приходилось специально высушивать поля и мириться с меньшим из двух зол.

Рогман, на которого Эргавс взглянул лишь мельком, тоже воспользовался минутой передышки. Размазывая по лицу слезы, которые, смешавшись с пылью, тут же превращались в разводы грязи, он, прихрамывая, отошел в сторону от кучки своих сверстников, которые уже не обращали на него никакого внимания, – теперь они забавлялись тем, что тыкали в шерстобрюха длинным шестом и с восторженным рычанием отскакивали в стороны, когда тот сначала боязливо поджимал край своей волосатой платформы, а потом вдруг выбрасывал в сторону обидчиков струйку вонючей жидкости.

Рогмана не привлекали такие забавы. Он не блистал физическими данными – мускулистые, волосатые товарищи откровенно глумились над его голым, лишенным шерсти телом. Бесконечно проигрывать в молчаливой возне было и обидно, и больно.

Присев в сторонке, мальчик покосился на своего приемного родителя, но тот, как всегда, оказался занят собственными проблемами, разве было ему какое-то дело до жестоких забав ребятни? Да и счесть их жестокими Эргавс не мог – обычная возня, и нечего размазывать слезы…

Рогман упрямо поджал трясущуюся от обиды губу.

Жизнь в доме Эргавса не приносила ему никаких привилегий. Сам Управляющий относился к мальчику терпимо, молчаливо прощая найденышу его уродство, но остальные, в том числе и взрослые, не могли спокойно пройти мимо: кому-нибудь постоянно требовалось сорвать зло…

Рогман не понимал этого. Он просто жил, а его память до определенного момента вела себя, как дырявое корыто, – сколько ни лей, все утечет в землю. Может быть, оттого и выжил, что не копил в себе каждодневных обид?

Уткнувшись острыми локтями в коленки, он сел поодаль от вонючего, чавкающего тоннельного слизня. Боль от кнута все еще пульсировала в ноге, но слезы уже высохли. Детству, даже такому, как выпало Рогману, не свойственно угрюмое постоянство обид, и через пару минут он уже с интересом и некоторой долей наивной зависти наблюдал за своими сводными братьями, которые с рычанием отскакивали прочь от плюющегося во все стороны шерстобрюха.

Над его головой ровно сияли секции низкого потолка. Кое-где среди светящихся сегментов виднелись решетчатые квадраты, в которых гнездился таинственный мрак. Мальчик иногда пытался вообразить, что же там, за ними, но на это у него не хватало фантазии. Что он видел в своей короткой жизни, кроме нескольких полей да короткого тоннеля, что соединял между собой участки Плодородной Равнины и дом Эргавса, в котором жила большая половина общинных сенталов со своими семьями? Да ничего. Дом представлял собой длинную глубокую нишу, которая вдавалась в стену Мира. Внутреннее пространство походило на грязный, запутанный лабиринт многоярусных клетушек, в которых проживало около сотни волосатых, низколобых крестьян. Другой такой же дом находился неподалеку, ровно через один тоннель, и там под охраной надсмотрщиков обитали рабы – клонги. Все они являлись такими же сенталами, как и свободные члены общины, а угодили в рабство по разным причинам: кто за какой-то проступок, а кто и по праву рождения – дети клонгов навечно оставались клонгами, тут уж ничего не попишешь.

Рогман тоже считался рабом, хоть и жил в доме Управляющего Полями.

Сейчас, сидя поодаль от шумно пожирающего угощение шерстобрюха, он уже не всхлипывал. Боль приходит и уходит, ее Рогман научился терпеть. Скоро он вырастет, его мускулы окрепнут, и тогда что-нибудь изменится в жизни – в этом мальчик убедил себя сам. Возможно, он станет этнамом – ведь он своими глазами видел, что похож на таинственных Хозяев Жизни. Только вот голубой подшерсток на теле у него не растет да зубы не такие острые, как у них… Но это ничего… Вот повзрослеет, и все будет не так…

Рогман в своих детских мечтах искренне верил в грядущие перемены.

Этнамы, утверждавшие, будто их предки свергли Богов с Сияющего Престола, не утруждали себя работой. Они являлись Хозяевами Жизни и всячески подчеркивали это в отношении сенталов, которые и обеспечивали своим рабским трудом на полях ту самую «жизнь»…

Естественно, Младший Народ от постоянных тягот существования не

становился более приветливым, и частенько раздражение крестьян, измученных трудом на соевых полях, выливалось на Рогмана, чье неясное происхождение и явная физическая беззащитность позволяли пинать безродного клонга с полным осознанием того, что ниже этого безволосого крысеныша разве что грязь под ногами…

Иногда его осыпали насмешками, а зачастую просто жестоко и угрюмо били, вымещая таким образом скопившееся за день раздражение…

…Окончательно погрузиться в мрачные размышления ему не дал лающий выкрик надсмотрщика. Шерстобрюх доел и теперь сам тянулся к пашне – он хоть и был туп, но все же сумел усвоить, что на той стороне поля его обязательно ждет новая порция тоннельной слизи.

Рогман встал, обреченно направляясь к оживившейся стайке волосатых сверстников, которые уже размещались на бревне.

* * *

Шло время.

Рогман не знал, что такое безысходность. Не имея ничего иного, он просто жил, как жили другие рабы, да, впрочем, и свободные сенталы тоже, – от работы к побоям, от скудной пищи к тревожному сну, и снова к тяжелой, изнуряющей работе на полях. Дни казались серыми, унылыми, похожими друг на друга близнецами-шерстобрюхами, медленно ползущими мимо в неведомую даль, но все реже кривились его губы и дрожал подбородок. От непосильного труда и непрекращающейся возни со своими сверстниками мускулы мальчика окаменели, кожа стала грубой, а глаза слишком уж серьезными.

Он научился многим вещам. Прежде всего не бояться боли, отвечать ударом на удар и насмешкой на насмешку. Те из сверстников, что раньше походя спихивали его с бревна, прямо в пыль, под раздраженный удар хлыста тащившегося вслед за слизнем надсмотрщика, теперь не всегда решались задеть безволосого раба-приемыша, особенно если не наблюдалось численного перевеса со стороны насмешников.

Первым это заметил Эргавс.

Неудивительно, что Управляющий Полями следил за судьбой своего выкормыша. Под приплюснутым черепом старого сентала, чью поредевшую шерсть уже побила первая проседь, умещалось чуть больше мозгов, чем у работавших на полях сородичей, иначе он бы не занимал столь значительный пост. К тому же он был единственным, кто знал правду о рождении Рогмана.

Мысли Эргавса, когда он наблюдал за тем, как растет исторгнутый

Алтарем крысеныш, превращаясь в стройного, мускулистого, поджарого юношу с необычной формой черепа, роднящей его с этнамами, но абсолютно голым, безволосым телом, носили вполне практический характер. В них не было ничего от мистики. Рогман казался ему намного смышленее других соплеменников, и, когда наступил очередной сбор урожая, старый Управляющий внезапно освободил его от полевых работ, поставив Рогмана считать мешки и сопровождать их в городские склады.

Так, в свои неполные пятнадцать лет безродный клонг впервые покинул поля и попал в Город.

Для него это оказалось шоком.

* * *

На всю оставшуюся жизнь он запомнил тот момент, когда вместе с Управляющим впервые переступил порог огромного зала, всю площадь которого занимали невысокие, сложенные из различных подручных материалов дома.

Это место из-за своих размеров в первый момент вызвало у него головокружение и сосущее чувство тревоги. Разум мальчика, сформированный в замкнутых пространствах, не принимал такого глобального понятия, как «горизонт». До определенного возраста он почти не выходил из дома; потом, когда он повзрослел и вместе с другими подростками племени сенталов начал регулярно работать на полях, то его свобода соответственно ограничивалась Плодородной Равниной, которая представляла собой нескончаемую цепь прямоугольных залов, где потолок висел над самой головой, а его поверхность ярко светилась, позволяя растениям жить. Естественно, что, воспитанный в таких условиях, он не имел никакого понятия о психическом расстройстве, которое его далекие предки именовали агрофобией.

Ноги Рогмана подкосились. Эргавс, который сопровождал его в этой первой доставке груза к городским складам, недовольно заворчал, но все же дал ошалевшему клонгу несколько минут, чтобы тот смог опомниться, свыкнутся с новым чувством.

Хотя поля и Город разделяло всего несколько километров пути по прямым широким тоннелям, до сего момента Рогман ни разу не бывал тут.

Город этнамов потряс его. Долгое время в сознании мальчика этот необъятный зал, чьи стены возносились вверх на тридцать-сорок метров, будет оставаться чем-то потрясающим, находящимся на грани понимания…

Отвесные стены тянулись все вверх и вверх, так что приходилось

запрокидывать голову, пытаясь разглядеть их. В первый момент мальчику пришлось вступить в борьбу с внезапной тошнотой и слабостью, но он все же сумел задрать подбородок и широко распахнуть глаза, чувствуя, что сейчас просто потеряет сознание от нахлынувших на него впечатлений.

Впервые в жизни он не смог различить потолка. Там, куда он устремил свой помутившийся взгляд, на головокружительной высоте молочными полосами тянулись сгустки испарений, за которыми оказалось невозможным разглядеть структуру перекрытий, был виден только источаемый ими свет… Ошалевший взгляд Рогмана скользил поверх крыш одно-, двухэтажных домов и нигде не находил преграды – зал оказался столь велик, что его противоположной стены не было видно из-за расстояния и тумана, который вился над постройками и медленно, лениво утекал в огромные, забранные решетками зевы вентиляционных труб. Чуть выше, приблизительно на уровне двадцати метров от пола, из стен зала торчали опаленные и перекрученные балки обрушившихся в незапамятные времена перекрытий, над которыми виднелись черные глазницы входов в какие-то туннели, но, куда они вели и бывал ли кто-то в них, Рогман, естественно, не знал.

Из транса его вывел грубый толчок.

– Хватит глазеть… – проворчал Эргавс, толкнув его по направлению кривой и узкой улицы. – Запоминай дорогу.

В тот момент Рогману казалось, что он попал в несбыточную страну своей мечты.

Город давал пьянящее ощущение свободы, на его улицах толклось столько народа, что никто просто не обращал внимания на клонга, который шел вслед за Управляющим.

На обратном пути, когда груз уже был сдан, Эргавс обратил его внимание на то, как под потолком начал тускнеть свет.

– Теперь будешь ходить в город сам, – глухо проворчал он, ухватив Рогмана за волосы и резко задрав его голову к потолку. – Видишь, свет тускнеет? Смотри, это называется «ночь». Ночь – время Высокородных. Они охотятся по ночам на этих улицах на глупых, заблудившихся клонгов. Никто не смеет противиться воле этнама, запомни: задержишься тут, когда тускнеет свет, – умрешь.

– П-почему? – задыхаясь, переспросил Рогман.

– Этнамы – хищники. Они едят мясо. Этнамы любят кровь. Они не могут все время есть сою и овощи. Днем они спят, а ночью выходят на охоту.

– Они едят сенталов?! – в ужасе отшатнулся Рогман.

– Они едят клонгов! – раздраженно ответил Эргавс.

«Какая разница?! – не в силах совладать с ужасом и отвращением, подумал Рогман. – Ведь рабы – это провинившиеся сенталы!»

Однако у него хватило сообразительности не высказывать вслух своих умозаключений. Судя по тому, как Эргавс озирался по сторонам, пока они преодолевали последнюю сотню метров до освещенного входа в тоннель, он и сам не чувствовал себя в безопасности на улицах быстро пустеющего и погружающегося в сумерки города.

Рогман накрепко запомнил преподанный урок, но все же беда не миновала его…

* * *

…Это случилось спустя два года после первого посещения Рогманом Города. Он уже закончил дела на складах, но возвращаться пока не собирался – в последнее время Эргавс все чаще давал ему различные мелкие поручения, которые приходилось выполнять, отрывая время от своего сна, но он не роптал, наоборот, – угрюмый юноша, вечно прячущий свое лицо и тело под рабской хламидой, бледный, с источенными худобой чертами, частенько задерживался в Городе сверх срока и по собственной воле. Слишком притягательным оказалось это место, так разительно не похожее на унылые, однообразные квадраты полей.

В этот раз его любопытство, замешанное на мнимом ощущении некоторой свободы, привело к весьма плачевному результату…

– Эй, клонг! Ну-ка, постой!

Каркающий голос, раздавшийся за спиной, заставил Рогмана вздрогнуть и остановиться. Все произошло помимо его воли, властный окрик припечатал подошвы к влажному покрытию улицы еще до того, как смысл сказанного был понят им.

Он повернулся, привычно глядя мимо приближающегося к нему этнама. Смотреть в глаза Хозяину Жизни считалось дурным тоном. За это могли убить.

Этнам остановился в двух шагах от юноши, придирчиво рассматривая его. Он был высок, даже по меркам своей расы, но Рогману, в котором насчитывалось не меньше ста семидесяти сантиметров роста, Высокородный едва доставал макушкой до плеча. Застывшие за спиной этнама лимминги, вооруженные своим исконным, биологически выращенным оружием, вообще приходились ему по пояс.

Критически осмотрев Рогмана, Высокородный удовлетворенно

хмыкнул:

– Ты пойдешь со мной.

От этих слов юношу бросило в жар. Он моментально вспомнил предостережения Эргавса, и его взгляд затравленно метнулся по сторонам. Наверху уже темнело, кривые улицы погружались в сумерки. Срывающийся из-под далеких сводов мелкий, нудный, моросящий дождь только усилил ощущение безысходности.

– Господин, я служу у Управляющего Полями… – едва слышно попытался возразить он.

Глаза этнама гневно сверкнули.

– Клонг… – прошипел он, делая едва заметный знак лиммингам.

Рогман уловил его жест.

За несколько секунд, пока злобные карликовые создания выдвигали из-под хитина панцирных пластин свое оружие, он успел пережить такую волну парализующего ужаса, что от него оцепенел не только разум, руки и ноги свело судорогой, и липкий холодный пот прошиб кожу…

– Нне-е надо… – задыхаясь от страха, просипел он, отшатнувшись к стене, но лимминги не понимали речь: они знали лишь язык жестов, а их хозяин не собирался останавливать своих дрессированных убийц. Глядя, как смертельно побледнел наглый раб, он испытывал нечто близкое к экстазу: рот этнама чуть приоткрылся, в отвратительной усмешке обнажив заостренные зубы хищника, и в уголках его пухлых розовых губ выступила слюна. Он уже предвкушал, как сейчас удар костяной стрелки, выпущенной из дыхательного сопла лимминга, взломает черепную коробку клонга, и окровавленный мозг возбуждающим пятном размажется по стене…

Рогман затравленно огляделся, но улица была пуста из конца в конец, в этот поздний вечерний час в городских кварталах редко встретишь запоздалого прохожего. Лимминги не торопились: их хозяин наслаждался муками припертого к стене существа, чей разум не мог противостоять ни его похотливому взгляду, ни влажным, отвратительно поблескивающим трубочкам, которые выросли из-под хитиновых покровов дрессированных убийц.

Предвкушение крови исказило черты лица этнама.

* * *

Почему над Городом этнамов темнело? Почему там ощущался не просто ток воздуха, а ветер? Почему тут бывало тепло или холодно, в то время как над полями, в помещениях, где пол покрывала плодородная почва, никогда не гас свет и температура не прыгала, словно подраненная

крыса в поисках выхода из ловушки?

Этого Рогман не знал, но уже тогда юношу мучили смутные подозрения, что в этом повинны те жерла таинственных тоннелей, что торчали на недосягаемой высоте, словно пустые глазницы гигантского черепа. Как-то раз Рогман видел, что из одного такого тоннеля вырывался пар, который тут же улетал вверх, к поднятому на сорокаметровую высоту светящемуся потолку, и клубился там, принимая форму облаков, из которых явно собирался идти дождь…

Все это казалось юному рабу странным и любопытным, в то время как ни сенталы, ни тем более этнамы не обращали на это никакого внимания – для них все казалось привычным порядком вещей, не более…

* * *

Он очнулся глубокой ночью.

Все тело полыхало огнем, несмотря на пронзительный холодный ветер и нудный дождь, что моросил из-под далекого, темного потолка, погружая пространство под уличными факелами в желтоватую муть.

Со стоном перевернувшись на спину, Рогман дотронулся рукой до виска, где пульсировала тупая, ноющая боль. Пальцы наткнулись на липкие волосы. «Кровь…» – отрешенно подумал он.

Через минуту или две чьи-то шаги грузно прошлепали по мелким лужам и стихли возле скорчившегося на тротуаре раба.

Естественно, это был страж. Кому еще взбредет в голову шататься ночью по улицам города?

Рогман даже не стал поворачивать голову, когда заостренный конец тонкой стальной пики кольнул его под ребра.

– Встань! – раздался голос.

Тупея от боли, он кое-как поднялся на четвереньки, потом, хватаясь руками за стену, встал. Лицо стража исказила презрительная гримаса.

– Клонг? – протянул он, разглядев, с кем имеет дело. – Ты почему валяешься здесь?

Рогмана мутило. По виску и щеке вдруг начали сбегать, смешиваясь с дождем, горячие щекотливые капли. Кровь, разбавленная дождем, капала на изодранную одежду. Очевидно, его вид был слишком уж жалок. Страж не прельстился его беспомощностью, не стал издеваться или задавать вопросы. Он презрительным жестом приказал ему убираться прочь и пошел дальше по своим делам.

Рогман был благодарен ему. Клонгам не полагалось врать. А если бы страж спросил, кто так изуродовал его, то ответ – скажи он правду – привел

бы его к немедленной смерти. Высокородные не зря носили свой вычурный титул. Они относились к категории существ, которым дозволено все. Без исключения.

Дождь усилился. Рогман брел по пустынной улице, держась рукой за шероховатые стены домов. Боль притупилась. Сквозь прорехи разодранной одежды пробирал ледяной холод.

Его мучил стыд. Лучше бы этнам просто убил его… Но нет. Они редко убивали клонгов, все-таки последние имели свою цену. Но издеваться над низшими можно было где угодно и сколько угодно. Рогман представил, как когти рвут его плоть, а похотливые розовые губы жадно слизывают свежую кровь, и его вырвало.

Несколько минут он стоял, схватившись рукой за стену, и часто дышал, пытаясь как-то справиться с взбунтовавшимся желудком.

Ему нужно как можно быстрее добраться до дома… Только там, в освещенных залах, можно будет отдышаться, отереть кровь, почувствовать, что избежал отвратительной, бессмысленной смерти…

Однако его злоключения в эту роковую ночь еще не закончились. Очевидно, у Правителя Города, Амбуша, проходил какой-то праздник – до слуха Рогмана, который, съежившись, пробирался вдоль влажных, молчаливых стен, то и дело доносились выкрики, пару раз он слышал заунывный вой и чьи-то отчаянные вопли, похоже, что ночное веселье было в самом разгаре.

«У этнамов своя жизнь…» – в такт бухающим ударам сердца твердил про себя он, стараясь слиться со стенами, превратиться в тень, исчезнуть…

Не получилось.

Внезапно в конце освещенной неровной цепочкой факелов улицы появились носилки, которые волокли на спине два десятка вставших на карачки лиммингов. Под их темно-коричневые, поделенные на сегменты брюшки были пропущены ремни от двух толстых пластиковых жердей, что составляли основу носилок. Над этой своеобразной упряжью возвышалась коробка с окнами, завешенными шторами из плотной ткани. Внутри, пробиваясь сквозь щели в завесях, виднелся неверный огонек свечи.

Рогман попытался отползти, слиться с фундаментом, но, видно, сегодня ему предстояло испить до дна всю чашу негаданных бед, носилки, покачнувшись, остановились как раз напротив него. Левый ряд лиммингов, привязанных к жерди, повернул в его сторону свои головы. Они являлись не только движущей силой данного транспортного средства, но и охраной своего хозяина. Лимминги показались съежившемуся от страха Рогману на редкость жирными, противными и смышлеными. Они не просто

повернулись в его сторону, но и выдвинули самые кончики влажно поблескивающих дыхательных трубок, в глубинах которых таились зазубренные костяные стрелки с сильным парализующим ядом. Стоило такой твари резко выдохнуть, и отравленное жало с чавкающим хлопком устремлялось к жертве. Неудивительно, что за этой повозкой не было видно ни телохранителей, ни свиты, – двадцать лиммингов способны зажалить насмерть кого угодно и сами по себе являлись отменной охраной…

Занавеска дрогнула, приоткрывая узкую щель, откуда на влажную мостовую упал мятущийся на сквозняке свет свечи.

– Встань, клонг… – раздался скучающий, мурлыкающий голос.

Рогман не мог сопротивляться. С детства его болезненно учили повиноваться любому приказу этнама. Цепляясь онемевшими пальцами за шероховатые выступы фундамента, он встал.

– Ну-ка, сними одежду! – потребовал тот же голос.

Рогману ничего не оставалось, как развязать шнурок своего балахона, и серая хламида бесформенной кучей оползла к его ногам, подставив неверному свету коптящих факелов стройную фигуру юноши.

Внешне, за исключением отсутствия мягкой голубой шерстки и несколько иного разреза глаз, он походил на этнамов.

Кровь из рассеченной кожи на виске вновь принялась капать, теперь уже на голое плечо, и, смешиваясь с нудным дождем, побежала розовыми струйками по рукам, по груди…

Это, наверное, и сыграло решающую роль.

Этнамы были хищниками. Ничто так сильно не возбуждало их, как вид и запах крови.

Занавеска носилок вдруг резко отдернулась, и Рогман почувствовал, как тело цепенеет, но не от холода, а от тоскливого, дурного предчувствия.

В носилках сидела дочь самого Амбуша, Нейра. Управляющий Полями как-то, находясь в особо добром расположении духа, намекнул своему приемышу, что его появление среди сенталов каким-то образом связано с рождением дочери Правителя. Однако если они и были ровесниками, то внешне это никак не проявлялось. С точки зрения этнамов, та самка, что жадно разглядывала обнаженного раба из глубины носилок, уже давно переступила порог зрелости. Их срок жизни не мог сравниться с долголетием сенталов – Эргавсу уже стукнуло тридцать, а седина только начала появляться в его роскошной шевелюре. У этнамов все было иначе. Сам Амбуш, глубокий седой старик, прожил двадцать пять лет и считался долгожителем…

Однако Нейру не заботил ни собственный вид, ни возрастные или расовые различия.

– Подойди, клонг… – не то приказала, не то позвала она.

Рогман не шелохнулся. Он уже догадался, что она хочет сделать, и ужас, смешанный с отвращением, бил его волнами крупной, непроизвольной дрожи.

На розовых губах Нейры появилась хищная усмешка, обнажившая ряд белых, заостренных зубов.

Скучающая, пресыщенная жизнью аристократка, дочь Правителя, которой по праву рождения было дозволено все… Что может быть страшнее для раненого, совершенно бесправного раба, чья жизнь, по сути, не стоила ничего?

Какой-то частичкой разума, еще не совсем оцепеневшей от страха и отвращения, юный Рогман понимал: лучше покориться, зажмурить глаза, задержать дыхание… и тогда, быть может, он еще вернется домой живым…

Нейра встала с подушек, не сводя с оцепеневшего раба своего распаленного, похотливого взгляда. Шикнув на лиммингов, которые тут же попрятали свои головы под жердь носилок, она ступила на мостовую, одновременно властным, нетерпеливым жестом расстегнув одежду. Этот раб казался ей столь необычным, что она не обратила внимания на его непослушание: Рогман все еще стоял, прижавшись к стене, и не думал двигаться навстречу. Что ж… Она машинально облизнула пухлые розовые губы длинным языком, предвкушая, как слижет с его плеча первую каплю смешанной с дождем крови… Пусть стоит… Нейра хотела одного – удовольствия, острого, как рассекающий плоть нож, и если раб оцепенел от неожиданного благоволения высшей особы, то она сделает все сама… Может быть, она даже оставит его в живых после совокупления или заберет во дворец…

В голове Рогмана в этот момент присутствовали совсем другие мысли.

Если бы светлейшая дочь Амбуша могла в данный момент каким-то образом услышать их, то жизнь раба оборвалась бы в ту же секунду.

Юный Рогман не испытывал ни грамма положенного раболепия…

Доминантой его мыслей являлось отвращение, которое захлестнуло его липкой, осязаемой волной, подавив даже смертельный страх.

Дочь Правителя Амбуша, великолепная Нейра, казалась ему отвратительной.

«Драная, облезлая, похотливая кошка…»

Рогман не мог взять в толк, откуда в его голове появилась такая мысль. Он даже не знал значения вынырнувшего из глубин подсознания

слова «кошка». Он просто смотрел расширенными глазами, как дочь Амбуша медленно двигается к нему, и понимал, что та пьяна почти до полного бесчувствия… Он видел под распахнутой ветром одеждой ее тело, покрытое коротким, влажным подшерстком, сморщенные соски шести грудей, что тянулись вдоль живота, и отчетливо понимал, что умрет от ужаса и отвращения, как только она коснется его…

Неизъяснимый страх, что секунду назад парализовал мышцы, внезапно возымел обратное действие. Рогман вдруг почувствовал, как одеревеневшее тело помимо его воли наливается жгучей, горячей волной неведомой доселе СИЛЫ.

Как будто в нем проснулось нечто, заложенное глубже инстинктов, глубже разума…

Поначалу это был бешеный выброс адреналина в кровь, которая горячими, тугими толчками ломилась в его виски, потом он ощутил нестерпимый зуд в кончиках пальцев, словно там из-под ногтей росло что-то новое, совершенно неподвластное его пониманию, затем резко накатила тошнота, а за ней последовала волна ледяного пота, покрыв мелкими блестящими бисеринками испарины его продрогшую кожу.

Лимминги внезапно заскулили, защелкали, пытаясь забиться поглубже под повозку. Такого поведения злобных тварей еще не видел никто из живущих.

Рогман не мог наблюдать себя со стороны, и, хвала Падшим Богам, никто не оказался случайным свидетелем этой сцены на пустой улице Города, иначе раба бы попросту растерзали…

Он не понимал, что происходит.

Наверху, под недосягаемым для взгляда потолком, что-то затрещало.

Дождь прекратился, словно нудную стену моросящей влаги кто-то отсек невидимым ножом.

Воздух вокруг Рогмана сгустился, став осязаемым…

Ошалевший от страха юный раб не мог осознать того, что причиной этих перемен явилась его мысль. Страстное, неодолимое желание исчезнуть с этого самого места. Мысль, оформленная в четкую формулировку.

ЭТО БЫЛ ПРИКАЗ. ПРИКАЗ, КОТОРЫЙ НЕ МОГЛИ НЕ УСЛЫШАТЬ. ПОКА БЫЛ ФУНКЦИОНАЛЕН ХОТЬ ОДИН СЕНСОР, ПОКА ИМЕЛСЯ ХОТЬ ОДИН ЭРГ В НАКОПИТЕЛЯХ!..

Рогман закричал от ужаса, когда сверху с адским грохотом ударил столб зеленого света, обволок его, парализовал, рванул вверх и понес к потолку…

Если бы он знал, что стоил древнему Миру этот рывок! И КОГО он разбудил своим неосознанным приказом…

…За все неизбежно надо платить. Где-то далеко, в неописуемой дали, рушились сейчас какие-то стены, из-под земли начинали бить фонтаны искр, пугая до смерти не ведомые Рогману народы, обитающие в иных пределах Мира, опять взрывались Алтари, и только что накормленные Пасти вдруг оказывались голодными… а он, потеряв сознание от ужаса, летел в сгустке защитного поля прочь с того места, где минуту назад его ждало отвратительное насилие и, возможно, – смерть…

* * *

Когда он очнулся, было темно.

Где-то рядом заунывно выл ветер.

Открыв глаза, Рогман огляделся и понял, что лежит на перекрестке двух труб…

Рядом с ним сидел, прислонившись к выгибающейся в темную бесконечность стене, обтянутый мумифицированной кожей скелет.

Свет пробивался из какого-то отверстия за перекрестком, превращая мрак в сумрак.

Он вскрикнул, инстинктивно подавшись в сторону от страшного соседа. Одежда на трупе давно истлела, да и кожа лишь местами покрывала выпирающие наружу ребра, но зато на мумии были надеты не подверженные тлению детали гардероба – пожелтевшие ребра наискось пересекал ремень, рядом, среди налета осклизлой грязи, что покрывала пол трубы, валялось несколько странных прямоугольников, сделанных из того же материала, которым были облицованы стены Мира, меж ног мумифицированного существа лежал темный предмет, даже в сумраке отливавший синеватой сталью…

Первые несколько секунд Рогман в ужасе смотрел на мумию, не в силах отвести оцепеневший взор от черт усохшего лица с ввалившимися глазницами, и страшная догадка ледяным холодом ползла вдоль напряженного позвоночника…

Мумия сидела, хищно оскалившись в его сторону пожелтевшими от времени зубами. При жизни это существо с гладкой кожей и волосами, что росли исключительно на голове, явно не принадлежало ни к этнамам, ни к сенталам…

Оно было таким же, как и Рогман…

Существо ЕГО племени!..

Юного раба трясло, как в лихорадке. Он не был готов к выпавшим на его долю испытаниям ни физически, ни морально.

Все, что случилось с ним, казалось страшным, неправдоподобным, ненужным…

Но что он мог сделать?!

Сила, которая унесла его с городской улицы, не поддавалась объяснению. Рогман леденел, вспоминая свой полет, и горячо благодарил Падших Богов, что те позволили ему почти сразу же потерять сознание, иначе он бы умер от ужаса.

Единственное, на что хватило силы воли у измученного подростка, – это зажмуриться, протянуть руку, схватить синевато-черный предмет и метнуться прочь, в ту сторону, откуда пробивался неясный свет.

* * *

Источником света оказалась решетка вентиляции.

Распластавшись по дну трубы, Рогман жадно, со страхом и надеждой разглядывал расположенное под ним свежевспаханное поле.

Он знал эти места. Один из участков Плодородной Равнины, где никогда не гас свет. Это обширное помещение располагалось недалеко от дома Эргавса.

Выламывая пальцы, Рогман судорожно вцепился в решетку. Он оказался так измучен внезапно обрушившимися на него бедами, что почти не соображал, что и как делает.

Когда преграда наконец поддалась, он, не задумываясь, спустил ноги в открывшееся квадратное отверстие и полетел с высоты пяти метров прямо в объятия рыхлой, свежевспаханной земли.

Судя по тому, что на полях не оказалось рабочих, в городе все еще царила ночь. Только пара шерстобрюхов вздыхала и чавкала в дальнем загоне у закругляющейся стены, наполняя ярко освещенный зал таинственными шорохами.

Всхлипывая и прижимая к груди свою находку, Рогман со всех ног бросился к дому Управляющего Полями.

Старый Эргавс, наверное, оставался единственным существом на всем белом свете, кто относился к нему хоть с какой-то, минимальной долей симпатии. Юноша не имел никакого понятия о тайне своего рождения, но Управляющий не смог забыть ни сияющего Алтаря, что взорвался на его глазах, ни зычного гласа Богов, ни своей минутной слабости при виде маленького комочка розовой плоти, что скорчился на дне внезапно открывшегося ящика. Полученный от Алтаря прямоугольный

кусочек пластика он носил на шее как талисман, а к приемышу старался относиться терпимо: кто знает, чего добивались Мрачные Боги, послав ему младенца чужой расы?

Поэтому и сейчас, разбуженный среди ночи, Эргавс не стал кричать, а сел в постели, непонимающе глядя на голого, заляпанного кровью и грязью Рогмана, который, дрожа и заикаясь, сбивчиво поведал Управляющему Полями о своих злоключениях в городе, все без утайки.

– Оденься, – хмуро и однозначно приказал он, выслушав Рогмана.

Через полчаса они вдвоем уже были на поле.

– Вот. – Рогмана опять начало трясти, когда он указал Эргавсу на квадратное отверстие в потолке.

Управляющий посмотрел туда, сокрушенно покачал головой, а потом принялся вертеть в руках найденный его приемышем предмет, явно принадлежавший когда-то Падшим Богам.

Эргавса сильно смутило утверждение юноши, что мумифицированный труп был точно такой же расы, как и он сам.

«Может ли он быть потомком Падших Богов?!» – с сомнением и некоторой долей раздраженного страха подумал Эргавс, глядя на понурившего голову подростка. Лезть в дыру в потолке, чтобы проверить данное утверждение, старому Управляющему совсем не хотелось. Он предпочитал не иметь дела с потусторонними силами, справедливо полагая, что такие знакомства никогда не принесут ничего хорошего.

В то же время как теперь относиться к Рогману? Выдать его Амбушу? Или, наоборот, спрятать от гнева обманутой в своих вожделениях Нейры?

И то и другое казалось Эргавсу неприемлемым. Если дрожащий от страха и усталости раб действительно имеет какое-то отношение к Падшим Богам, то лучше не гневить их, но, с другой стороны, гнев Амбуша и его дочери могут настичь его самым быстрым и недвусмысленным образом…

Колебания Эргавса разрешил тот предмет, что он все это время машинально крутил в своих пальцах.

Очевидно, он неловко задел упругий рычажок, что скрывался под защитной скобой, у самого основания удобной, рифленой рукояти, – внезапно раздался оглушительный грохот, странный предмет вырвало из рук Управляющего Полями, а из стены Мира, напротив того места, где стоял Эргавс, одновременно с раздавшимся грохотом брызнули осколки разбитой облицовки…

Когда рассеялся сизый дым и прошел первый шок, Эргавс, глухо ворча, встал, отряхивая прилипшие к шерсти кусочки сырой земли. Давно уже он не падал вот так, навзничь, там, где стоял. Покосившись на Рогмана

(не прячет ли улыбку, глядя на распластавшегося в грязи Управляющего?), он с опаской подошел к тусклому, иссиня-черному предмету, который валялся поодаль, нагнулся, понюхал его и лишь затем осторожно поднял, цепко зажав в волосатых пальцах.

От предмета исходила стойкая кислая вонь. С той стороны, где у него была небольшая дырка, все еще курился едва приметный дымок…

Взгляд Управляющего Полями переместился на изуродованную стену. Облицовочный материал в том месте, где в него ударила неведомая сила, раскололся, щерясь иззубренными краями уродливой дыры, за которой четко угадывался каркас стены.

Покачав гривастой головой, Эргавс перевел взгляд на Рогмана и тут же с болезненной ясностью припомнил все обстоятельства его появления на свет.

«Нет, гневить Падших Богов – это последнее дело…» – решил про себя сентал.

Седина в его спутанных волосах говорила не только о годах, но и накопленной житейской мудрости. Эргавс знал, что нужно делать с Рогманом.

– Пошли, – коротко приказал он, направляясь к устью того тоннеля, что вел в сторону Города этнамов.

Ничего не понимающий, обескураженный и перепуганный, юноша покорно поплелся за ним. Его ноги подкашивались от усталости, в голове еще гудело от головокружительного полета в вентиляционную шахту, куда его так внезапно уволокла неведомая сила Падших Богов, очевидно, внявших его бессознательной мольбе…

Он шел, машинально переставляя ноги, вслед за Эргавсом, еще не подозревая, что вот уже несколько часов кряду движется навстречу своей новой судьбе…

Эргавс же, напротив, очень хорошо представлял, куда направляется.

Зажатый в волосатой руке предмет, явно принадлежавший Падшим Богам, испугал, но не обескуражил его своим грохотом. Он знал такие вещи. Они казались страшными, непонятными, но в то же время полезными. Были среди таких вот остатков прошлого очень яркие глаза неведомых существ, которые умели разогнать любой мрак своим сиянием, только вот беда – со временем они тускнели, а затем и вовсе умирали, теперь уже окончательно… Еще он видел маленькие цилиндры с небольшим колесиком наверху, которые умели рождать огонь. Да мало ли что хранили в себе руины Сумеречной Зоны, всего, наверное, не перечтешь. Ходили слухи, что в доме Амбуша хранится страшное оружие

Богов, наподобие того, что попало сегодня в руки Управляющего Полями, только еще более разрушительное и страшное. Немногие очевидцы рассказывали, что однажды Амбуш демонстрировал его, желая поразить подданных Божественной мощью, что оказалась в его руках, но дело кончилось весьма плачевно, два или три уцелевших свидетеля говорили о бледном пульсирующем свете, что якобы разлился перед Правителем, но их рассказам трудно верить: все они оказались слепы, хотя Эргавс своими глазами видел, что на боку Амбуша долго не хотела зарастать новым голубым подшерстком уродливая паленая полоса…

Но, так или иначе, предметы, оставшиеся от Падших Богов, хоть в большинстве и являлись опасными безделушками, но все же ценились очень дорого. Особенно те, чье назначение было разгадано. Их добывали особые рабы, работавшие на нескольких Хозяев – богатых городских купцов, имевших разрешение на торговлю такими предметами. Разрешение, естественно, давал Амбуш, забирая при этом в свою сокровищницу львиную долю собранных артефактов, но и той малости, что доставалась предприимчивым владельцам особенных рабов, хватало с лихвой, чтобы сделать тех самыми богатыми и уважаемыми обитателями Города.

Все они были сенталами, ни один этнам, будь он хоть трижды нищий, не прикоснется к торговому прилавку. «Впрочем, нищих этнамов не бывает, – подумал Эргавс, выходя к городской окраине, над которой все еще властвовали сумерки. – Им и так принадлежит все. Бывают не нищие, а опустившиеся этнамы, а тут, как ни крути, большая разница…»

Лавка, куда он шел, располагалась совсем недалеко от устья тоннеля.

Повернув вправо, вдоль закругляющейся стены Мира, Эргавс принялся считать овальные двери. Это были входы в самые богатые жилища города. Все остальные постройки, громоздившиеся на некогда свободном пространстве огромного зала с сорокаметровым потолком, были возведены уже после окончания потрясших Мир катастроф, в основном из обломков рухнувших перекрытий и иных подручных материалов, образовав целые кварталы с неровными, узкими улицами, а эти овальные входы вели в те жилища, что остались еще со времен Богов. Естественно, здесь жили только этнамы. За редким исключением, которым как раз и являлись немногие предприимчивые соплеменники Эргавса, сумевшие добиться определенного положения в городе.

Отсчитав пять раз по пять, Эргавс остановился подле запертой двери и осторожно, почтительно постучал.

За дверью тут же зашипел лимминг.

Управляющий Полями поморщился, по привычке вздернув верхнюю губу и издав низкий, утробный рык. Лиммингов, этих выродков Сумеречной Зоны, он не любил.

За дверью раздались шаркающие шаги, тихо клацнул замок, и в дверях приоткрылось квадратное окошко.

Узнав Эргавса, хозяин заскрежетал ключами.

Овальная дверь со скрипом приоткрылась.

Этого сородича Управляющего Полями трудно было удивить неурочным визитом. Сентал выглядел вовсе не заспанным.

«Очевидно, только спровадил очередного посетителя», – проницательно предположил Эргавс, который точно знал, что все хозяева блайтеров приторговывают голубыми кристалликами, теми самыми, при помощи которых сажают на незримую цепь своих клонгов. Потребителями этого дьявольского зелья, что вырабатывалось из определенного сорта плесени, живущей на самых гиблых уровнях разрушенного Мира, были, естественно, этнамы. Не один сентал не мог позволить себе ни пьяной одури, ни рабской зависимости от голубоватых гранул: сентал обязан работать, а не шататься в пьяном полузабытье по городу и окрестностям. Если, конечно, его не прельщает участь раба, посаженного на цепь…

Ни слова не говоря, хозяин посторонился, отпихнув ногой шипящего лимминга, чтобы Управляющий Полями и Рогман могли войти.

В центре просторной комнаты стоял стол, по обе стороны которого к полу были привинчены две широкие скамьи. Остальная обстановка являлась уже более поздним усовершенствованием. Сев в кресло, искусно сработанное из порожнего пластикового контейнера, Эргавс указал взглядом на Рогмана и скупо заявил:

– Он может искать в ночи.

Хозяин недоверчиво вскинул кустистые брови, окинув презрительным взглядом тощую, безволосую фигуру Рогмана.

Заметив это, Эргавс выложил на стол принесенный Рогманом предмет. Это являлось прямым доказательством только что произнесенных слов: откуда взяться у Управляющего Полями такой дорогой вещи, оружия Падших Богов, если ее не принес этот самый тщедушный клонг из Сумеречной Зоны? Вещи Богов могли прийти только оттуда. Это хозяин лавки знал точно.

– Ты воспитал хорошего раба… – с почтением произнес он.

Эргавс деланно пожал плечами. Он играл, но достаточно несложно.

– Рогман многого не знает. Он ходит недалеко и недолго. Его надо учить.

Глаза купца сузились. Он понял, что хочет от него Управляющий Полями.

– Учить раба дорого и сложно… – осторожно произнес он, покосившись в сторону принесенного Эргавсом предмета.

Управляющий Полями не возражал. Ему не было никакого толка от той вещи, что грохочет и ломает стены Мира. Однако он был далеко не глуп и представлял себе приблизительную цену данного предмета.

– Большая дырка в стене возле поля… – пробурчал он. – Голову просунуть можно.

– Я дам тебе два светящихся глаза!

– Нет, – покачал головой Эргавс. – Ты возьмешь моего раба. Он принесет тебе много таких вещей оттуда, где живет Невидимая Смерть. А мне ты дашь Ту-Которая-Лечит.

Купец побледнел.

Это было очень серьезное предложение. Раб, способный выжить в Сумеречной Зоне, даже необученный, ценился очень высоко. А тот предмет, что, по словам Эргавса, являлся действующим оружием Падших Богов, – и того больше. Но Та-Которая-Лечит стоила обеих ценностей, вместе взятых…

Несколько минут в душе сентала шла борьба между желанием урвать сиюминутную выгоду и той перспективой, что давал ему новый раб.

В конце концов победило рациональное начало.

Глубоко и судорожно вздохнув, он направился в глубину комнаты, за ширму, и долго скрежетал там какими-то замками.

Вернувшись, он принес на вспотевшей волосатой ладони небольшой прямоугольник с моргающей на нем зеленой точкой и жирным красным крестом.

– Вот… – хрипло произнес он, передавая эту ценность Эргавсу.

Тот несколько секунд пристально смотрел на диковинную редкость, о которой раньше только слышал, потом поспешно убрал ее с глаз и встал.

– Ты поступил мудро, – произнес он и, даже не оглянувшись на оцепеневшего Рогмана, направился к двери.

Когда овальный люк за его спиной с лязгом встал на место, Эргавс удовлетворенно прорычал что-то нечленораздельное и быстрой поступью пошел к зеву тоннеля, который вел в сторону Плодородных Равнин.

На душе Управляющего Полями вновь было спокойно. Он только что совершил самую удачную сделку в своей жизни. Эргавс был доволен своей изобретательностью. Во-первых, он не отдал Рогмана на растерзание этнамам. Во-вторых, он получил чудодейственное средство от всех

мыслимых болезней, что в его возрасте уже являлось не лишним. И, наконец, в-третьих, он теперь ничем не прогневит Падших Богов, ведь когда Рогман умрет в Сумеречной Зоне от прикосновения Невидимой Смерти, это будет уже не его вина, теперь туда Рогмана пошлет купец, хозяин блайтеров…

Нет, определенно тот Алтарь, что много лет назад взорвался на глазах Эргавса, принес ему удачу, надоумив не придушить крохотное, орущее существо, появившееся на свет из внезапно открывшегося ящика!..

День, судя по всему, обещал быть удачным.

Управляющего Полями нисколько не смущало, что он только что продал своего воспитанника в рабство, обрекая его на быструю и мучительную смерть. Он уже не имел к Рогману никакого отношения.

Глава 3 Ищущий-В-Темноте

Сон…

Он спал, скорчившись на дне старого пластикового контейнера, а по его лицу, иссеченному шрамами, блуждала удивленная улыбка…

Это выражение наивного, восторженного изумления, которое заставляло губы Рогмана кривиться в не свойственной его мышцам мимике, казалось жутким… Жутким, потому что бледное, не по годам серьезное лицо подростка было слишком сильно изуродовано жизнью… Оно хранило столько отметин от лишений и невзгод, которые тянулись длинными шрамами по щекам, подбородку, лбу, врезаясь в густую шевелюру русых волос корявыми тропками-просеками, что даже робкая тень от улыбки искажала его черты, натягивая кожу, напитывая рубцы цветом крови, вздергивая уголки растрескавшихся от непреходящей жажды губ…

И тем не менее он улыбался во сне.

Настороженно, скованно, напряженно, но улыбался.

Его сон действительно походил на сказку…

Обычно сновидения не баловали Рогмана своим разнообразием. Тем более тут, в сердце Сумеречной Зоны, где проклятия Падших Богов оставались все так же сильны, как и много веков назад, но на этот раз ему приснилось нечто совершенно необыкновенное…

…Сначала он услышал голос.

Далекий, нежный голос, который медленно выговаривал слова на незнакомом языке. В сочетаниях дивных, ласкающих слух звуков не было ничего от отрывистой, лающей речи сенталов или от протяжных, гортанных слов языка народа этнамов.

Звук неведомого голоса казался сродни ласковому дуновению теплого ветра, который иногда удавалось ощутить, проходя мимо развороченных труб, исчезавших в неведомых недрах разрушенных гневом Богов уровней. Он нес в себе что-то божественное, успокаивающее…

Рогман напрягся, выгибаясь во сне, словно кусок ржавой пружины, к которой приложено усилие.

Первый раз в жизни, подспудно ощутив чье-то присутствие, он не смог проснуться, только тело зашевелилось во сне, скрипнули зубы да ладонь машинально нашарила рифленую рукоять оружия…

Что-то мягкое коснулось его напряженного разума. Будто ласковые,

заботливые пальцы пробежались по налитым кровью рубцам, истомной дрожью скользнули вдоль позвоночника, разлились в груди щекочущим теплом…

– КИМПС… – раздался долгий, протяжный, идущий из немыслимой дали стон…

…Он очнулся с резким, болезненным, непроизвольным вскриком.

Немая пустота рванулась к нему со всех сторон, ломая разум своей оглушающей тишью…

Скрипнув зубами, Рогман удержал себя от необдуманных движений. Если есть кто-то рядом, то лучше не шевелиться… Пусть идет на невольный вскрик, если жить надоело…

Какой-то звук все же пробивался извне, текучий, знакомый, как бегущие под туникой щекотливые капли ледяного пота…

Каждая клеточка его тела ныла от напряжения, пальцы правой руки свело судорогой на рукояти оружия. Барабанные перепонки впитывали звенящую тишину окружающего Мира, словно та текла пульсирующими волнами…

Такое пробуждение не назовешь приятным. Чувство неосознанной тревоги, острое, как нож, полосовало по нервам, заставляя его окаменеть, слушая тишину…

«Капель…» – наконец осознал Рогман тот звук, что присутствовал в окружающей его тиши.

Где-то далеко, в сумрачных глубинах уровня капала вода.

От сердца отлегло.

Кап… Кап… Кап…

Он уже окончательно проснулся, но глаз не открывал. Тело задеревенело от неудобной позы и жесткой постели, но он не торопился подавать признаки жизни. Лежал и слушал, как затаившийся зверь, – не почудится ли реального, уже не относящегося к бредовому сновидению шороха, не скрипнет ли кусок пластика под неосторожной поступью… но в вязкой, осязаемой тишине продолжал звучать лишь монотонный звук срывающихся с неведомой высоты капель…

Он был блайтером, и этим сказано все. Само слово, что состояло из двух половин: «блай» – темнота и «тер» – ищущий, – звучало как проклятие. Ищущий-В-Темноте… Их было немного, рабов разного рода-племени, которые отличались от других несчастных лишь своей паранормальной способностью выживать там, куда этнамы и смотреть-то боялись. А именно – в Пустых Секторах.

Рогман широко открыл глаза. Его зрачки описали полукруг, обшаривая

вечный сумрак уровня. В ладони правой руки приятной тяжестью угнездилась покрытая рифленой резиной рукоять, из которой начинался длинный, плоский, обоюдоострый клинок. Его металл отливал серо-голубым, как глаза самого Рогмана…

Законы этнамов, запрещающие оружие, действовали лишь там, где горел свет. Рогман зло скривил губу, словно отвечая такой мимикой на собственную мысль. Да, в Городе он автоматически становился клонгом, серой тенью… Послушным, униженным рабом, чье тело неизменно скрывает бесформенная хламида с глубоким капюшоном. Здесь же, в Пустых Секторах, действовали иные правила. На сумеречной, исковерканной равнине царили законы выживания, написанные кровью десятков несчастных, которых посылали сюда на сбор артефактов.

Насколько понимал Рогман, рабы его профессии существовали всегда, наверное, с тех незапамятных пор, когда падение Мрачных Богов превратило в руины огромный участок Мира.

Предания говорят, что это были воистину страшные времена, оттого, наверное, и исчезнувших Богов всякий называет по-разному, кто Падшими, а кто и Мрачными… Сам Рогман, будь ему дана воля решать, назвал бы их немного иначе – Яростными, ведь кому, как не Ищущему-В-Темноте, знать о том, что скрывают в себе вставшие на дыбы руины Мира. По его мнению, они источали именно ярость. Боги, уходя, сжали эту часть Мира в своем могучем кулаке и бросили под ноги неблагодарным выкормышам, дерзнувшим поднять на них руку, – нате, живите, самонадеянные твари!..

…Не обнаружив опасности, он наконец выпрямился, легко и бесшумно соскользнув по наклонной стенке приютившего его контейнера. Пружинисто приземлившись, еще раз огляделся и только после этого позволил свой ладони расслабиться, не так крепко сжимать теплую рукоять самодельного клинка.

Видимо, ему приснился обыкновенный кошмар… Обрывки сна все еще заполняли часть его сознания. Он силился, но не мог понять ускользающего смысла полуосознанных картин. В душе осталась лишь сладкая, кусающая сердце боль, рожденная звуком далекого, нереального голоса…

Присев на корточки, Рогман сунул левую руку за пазуху подпоясанной ремнем туники и достал соевый брикет. Фляга на поясе была пуста, но об этом можно позаботиться позже – звук срывающихся капель по-прежнему звучал где-то поблизости, монотонно и отчетливо. Если вода не отравлена Невидимой Смертью, то он сможет не только напиться, но и пополнить запас.

За те два года, что прошли после памятного полета в трубу, он изменился, возмужал, окреп.

Сейчас на вид ему можно было дать лет девятнадцать-двадцать. Одет просто: кусок грубой ткани, обернутый вокруг тела и скрепленный на правом плече неким подобием броши, составлял весь его гардероб. Светлые волосы перехвачены по лбу тонким нейлоновым шнурком, концы которого свисали от левого виска. На концах шнурка крепились маленькие, но увесистые шарики, – шнур являлся не только деталью скудного гардероба, но и оружием, которое в отсутствие карманов было принято носить таким образом.

Пояс на тунике резко отличался от остальных деталей одежды. Кожаный шнур с хитрым замком не только держал узкую петлю, что чуть отвисала, отягченная голубовато-серым клинком из невиданного материала, еще к нему был приторочен мешок из плотной ткани, который, хотя и оказался наполовину набит разного рода добычей, не мешал при ходьбе и не ощущался Рогманом как груз.

Постепенно его мысли, растревоженные странным сновидением, переместились в более практическую плоскость.

Тщательно пережевывая безвкусную, отдающую травой массу, он покосился на притороченный к поясу полупустой мешок, прикидывая, сколько времени еще осталось в его распоряжении.

Получалось – немного. Сухость во рту, неестественное напряжение мышц лица, легкий зуд под коленями – верные признаки приближающегося предела… Однажды он задержался, решив пренебречь этими ненавязчивыми симптомами, и узнал, что такое ломка…

От непрошеных воспоминаний сразу расхотелось есть, а сухость во рту стала такой, что кусок соевой галеты едва не застрял в горле.

«Поганые боги!..» Рогман едва не поддался абсурдному желанию зашвырнуть подальше кусок недоеденного брикета.

«Предел… Вот и снится всякая чушь…» – зло и тоскливо подумал он.

Спрятав еду, он приподнялся, выглянув поверх хаотичного нагромождения порожних пластиковых ящиков.

А заветная цель-то, вот она, близко… Так близко, что кажется – рукой подать…

Рогман уже не в первый раз наблюдал раскинувшийся в сумраке пейзаж, но все равно терялся, изнывая от подспудного желания плюнуть на все и хотя бы раз достичь невозможного…

Перед ним во всей своей мрачной красе лежал Перевал Тьмы – место, где издревле обитали мечты всех рабов, неисчислимого количества их

поколений… Вот только цепь, на которую посажен каждый из них, коротка – не дотянешься до мечты, только взвоешь, корчась в ломке, там, где застанет срок, а потом, если не хватит сил повернуть, доползти назад, чтобы валяться в ногах насупленного хозяина, то умрешь в страшных муках и судорогах, глядя издалека на сумеречные вершины и ущелья, за которыми, по преданиям, лежала та самая страна Богов…

Рогман вздрогнул, отгоняя наваждение. Он-то знал самого себя – мог часами смотреть на чудовищный зев провала, который вобрал в себя пространство нескольких обвалившихся уровней древнего Мира. Серая, исковерканная, испещренная прихотливыми разломами ущелий и нагромождениями покореженных конструкций наклонная плоскость уходила вверх, так далеко, что ее верхняя грань, то есть сам перевал, терялась не столько в сумраке, сколько в дымке испарений. Отчего-то воздух там уплотнялся, завиваясь плотным, но невесомым кружевом…

«КИМПС!!!» – внезапно полыхнул в его голове знакомый по сновидению голос.

Это уже не походило на кошмар, рожденный нездоровым, беспокойным забытьем. Да и на зовущий стон тоже… То, что прозвучало в сознании Рогмана, исходило оттуда, из-за сумеречных вершин, и звучало как полный отчаяния, но изрядно приглушенный расстоянием вопль!..

Кто-то звал его из-за Перевала Тьмы?!

Он вздрогнул, опять окаменев от внутреннего напряжения, но вокруг стояла прежняя звонкая тишина…

Нет… Рогман тряхнул головой, отгоняя наваждение проклятых мест, потому как отлично знал, что посмотрит на перевал и повернет назад. И никакие зовущие, потусторонние голоса не заставят его сделать роковую ошибку, вторично поддавшись жестокому искушению, которое, наверное, и рождало эти галлюцинации… «Не время еще…» – успокаивая сам себя, подумал он.

Цепь была коротка, но если ее не порвать, то растянуть хотя бы можно? – этим вопросом задавался не он один, но не у всех Ищущих-В-Темноте мечта заглянуть за сумеречный перевал была так сильна, как у него.

Мечта…

На лицо Рогмана набежала новая тень непрошеных воспоминаний.

Он слишком хорошо помнил, что родилось в нем раньше мечты о невиданных землях, лежащих за Перевалом Тьмы.

Прежде он обрел свою цепь, а уж потом начал рваться с нее, словно ополоумевший лимминг…

Сюда, в Пустые Сектора, он попал несколько лет назад…

…Рогман все же заставил себя сунуть руку за пазуху и достать оттуда недоеденный брикет. Как бы ни было скверно на душе, а кормить себя он обязан: путь назад предстоял неблизкий, и мало ли чего не хочется…

Откусывая отдающую травой соевую массу, он продолжал настороженно шарить взглядом по сторонам, а мысли текли, облекаясь в форму воспоминаний, таких ненужных сейчас, непрошеных, незваных…

* * *

…Процесс обучения блайтеров протекал весьма незамысловато и болезненно.

Рогмана посадили в клетку. Рядом с ним стояло еще несколько неказистых металлических узилищ, в одном из которых сидел незнакомый ему сентал, другое занимал пойманный где-то дикий, и еще несколько клеток поменьше делили между собой крыса-переросток, подслеповатый кнурт с нижних уровней, – полуразумное, похожее на собаку существо с рыжей, свалявшейся клоками шерстью, и два нетопыря с широкими кожистыми крыльями, которые достигали в своем размахе почти что метра.

Обучение сводилось к тому, что в центре помещения между клетками раб-сентал устанавливал стол, на котором Хозяин, которого звали Ургун, бережно раскладывал принесенные из хранилища вещи.

Узникам предписывалось подойти вплотную к прутьям клетки и внимательно смотреть на разложенные предметы, стараясь накрепко запомнить их очертания. При этом все помещение оставалось погружено в плотный сумрак. Раб-сентал ходил между клетками. В одной его руке была зажата дубинка, от прикосновения которой между телом и наконечником проскакивала яркая голубая искра, вызывая адскую боль в пораженном месте, а в другой он держал плошку с бледно-синими гранулами. Их полагалось вложить в рот, под язык, и смотреть на сумеречные очертания разместившихся на столе предметов.

Рогман не знал, что такое наркотик. Его первое знакомство с бледно-голубым веществом прошло вполне спокойно, доза оказалась достаточно слабой, и в первый момент он действительно почувствовал странный, прямо-таки эйфорический прилив сил – его зрение обострилось, разум, казалось, сам потянулся к разложенным на столе предметам, накрепко впитывая в память их контуры, но это достаточно быстро прошло, состояние упоенной ободренности длилось не больше десяти-пятнадцати

минут, и вслед за ним на удивленного юношу вдруг обрушились такие апатия и слабость, что он, не удержавшись на ногах, медленно ополз на пол своей клетки.

Раб-сентал понимающе усмехнулся и протянул ему миску с голубоватыми гранулами.

Только много позже Рогман понял, какую недопустимую ошибку он совершил, впервые взяв эту ядовитую пакость.

Понимание пришло примерно через неделю.

Просто в какой-то из дней никто из узников этой страшной «школы» вдруг не получил обычной порции наркотического вещества.

Последствия не заставили себя ждать.

Уже на второй день после последнего приема голубоватых гранул Рогман увидел, как беснуется в своей клетке непомерно большая крыса.

Она бессмысленно кидалась на прочные стальные прутья, разбиваясь о них в кровь, пыталась грызть их, обламывая зубы, потом вдруг забилась в конвульсиях, изрыгая отвратительную пену…

Следом за ней нечто подобное произошло и с другими обитателями клеток.

Рогман, как оказалось, держался дольше всех. Он тоже почувствовал себя не лучшим образом. Сухость во рту, спазмы мышц лица, ноющая боль под коленями и жажда, жгучая, сводящая с ума жажда, хотя рот был полон свернувшейся клубком слюны…

Его мучили страшные галлюцинации. Сидеть на месте не представлялось никакой возможности. Стоило лишь на мгновение сосредоточиться на своих муках, и все: тело мгновенно выскакивало из-под контроля мозга, само по себе рвалось бежать куда-то, биться в кровь о прутья клетки… руки начинали рвать свою же плоть, в исступленном желании сделать хоть что-нибудь, хоть как-то унять непонятный, сжигающий изнутри огонь…

Ему хотелось одного – этих самых проклятых гранул. Впервые в жизни Рогман понял, что готов на все, лишь бы почувствовать под языком горьковатый катышек…

Когда бороться с самим собой уже не было никаких сил, в комнате появился Хозяин.

Остановившись подле стола, в центре помещения, он долгим, пытливым взглядом обвел клетки с узниками.

Как понял потом Рогман, крыса, кнурт и дикий были к тому моменту мертвы. В живых оставались сентал, он сам и два огромных нетопыря, рассаженных по разным клеткам.

Ургун подошел к клеткам с нетопырями и долго, пристально смотрел в глаза обессилевшим от ломки существам. Тогда Рогман еще не понимал, что тот беседует с ними. Сам он научился такому разговору гораздо позже.

Следующим был он.

Хозяин подошел к клетке Рогмана, который без сил лежал на полу, уставившись погасшим, бессмысленным взором в противоположную стену. Его одежда была изодрана в клочья и перемазана кровью.

– Ты будешь служить мне, клонг… – жутко усмехнулся Ургун, присев на корточки и заглядывая в глаза Рогману. – Каждый предмет, принесенный тобой из Сумеречной Зоны, будет вознагражден одной гранулой, – он разжал ладонь, и щекочущий запах наркотика полоснул обоняние Рогмана…

Еще минуту назад он собирался умереть, вконец обессилев от мук. Ему казалось: пусть с ним делают что хотят, как и в случае с Нейрой, последним задержавшимся в его сознании чувством было отвращение к мучителю и стойкое желание умереть, но не подчиниться…

Однако вся его решимость мгновенно растаяла.

Он не ведал, что творил. С диким рычанием Рогман вскочил, ударившись о прутья клетки. Из уголков его рта стекала слюна. Он дрожал всем телом, впитывая этот запах, а изнутри его уже сотрясали сладостные конвульсии ПРЕДВКУШЕНИЯ, и разум оказался бессилен перед этим.

Вытянув язык, он раболепно слизывал с волосатой ладони крупицы раздавленной в порошок гранулы, ненавидя, презирая себя за слабость…

Так он стал блайтером.

Через несколько дней его вместе с сенталом и двумя огромными летучими созданиями ночью, когда город спал, вывели через тайный проход на окраину Сумеречной Зоны и оставили там, предупредив, что их срок – ровно неделя, дальше неизбежно начнется ломка.

Из первой вылазки вернулись только Рогман и один нетопырь.

Сентал и собрат летучего создания навсегда сгинули на просторах Сумеречной Зоны, пополнив собой длинный список жертв этого страшного и таинственного места…

* * *

…Наваждение схлынуло вместе с последним отправленным в рот кусочком брикета.

«Мечта…» – с неизъяснимой горечью мысленно повторил он, подбирая с ладони последние крошки безвкусной массы. Это слово виделось ему, будто маленькое живое существо, что постоянно

присутствовало рядом, бежало теплым комочком где-то у твоих ног, и, в конце концов, являлось именно тем, ради чего стоило жить…

Странное, сосущее чувство в груди, именно оно оказалось сильнее страха перед физическим страданием. Стандартный срок был коротким – неделя. А до подножия Перевала Тьмы – три с половиной дня пути. Ровно столько, чтобы прийти к подножию, взглянуть в туманную, сумеречную высь и повернуть обратно, к проклятому Городу…

Рогман был упрям. Однажды он попытался начать восхождение, наплевав на срок, переоценив свои силы. Получилось из рук вон плохо. Он задержался на целые сутки, карабкаясь по вздыбленным в незапамятные времена стенам Мира, метр за метром приближаясь к Мечте, а когда понял, что на подъем нужна неделя, не меньше, и скрепя сердце повернул обратно, то было уже поздно.

Цепь натянулась, карая ослушника, и он упал, раздираемый ломкой, в одном дневном переходе от Города…

В тот раз ему повезло, после стычек с дикими окраину Сумеречной Зоны патрулировали отряды солдат. Его подобрали и отволокли к хозяину, изрядно избив по дороге.

С тех пор прошло уже немало времени, но Рогман не возобновлял попыток восхождения, накрепко запомнив полученный урок.

Это не значило, что он отказался от таких попыток вообще. В душе он знал, что рано или поздно Перевал Тьмы покорится ему. Просто он не хотел стать сморщенным трупом с ввалившимися щеками и пустыми, глядящими в никуда глазницами. Он хотел жить и потому поклялся сам себе действовать наверняка…

…Вздохнув, он в последний раз взглянул на туманные высоты, размышляя о том, какими они были, Мрачные Боги, что обрушили в этом месте стены Мира? И если они столь могучи, то как удалось простым смертным низвергнуть их?

На эти вопросы не было ответа. «Хотя, быть может, тайна Мрачных Богов как раз и скрыта за манящими вершинами Перевала Тьмы? – размышлял он, поворачивая назад. – Кто знает?..»

Звук срывающейся воды стал отчетливее.

Рогман остановился, прислушиваясь.

Его глаза пытливо смотрели в сумрак, пытаясь поймать движение смутных теней. Рогман знал, что пустота Сумеречной Зоны – это лишь обман, иллюзия. Пустые Сектора на самом деле населены, и достаточно плотно. Тут обитало около тридцати видов животных, а растений, различной плесени да мхов – хоть отбавляй.

Наконец он расслабил мускулы и вздохнул. При этом его взгляд разительно изменился: глаза потускнели, и в них, кроме естественного разочарования, проскользнула глубокая, затаенная печаль.

Рогман вновь пошел на звук капающей воды.

Под босыми ногами тихо похрустывали осколки облицовочного пластика, который давно облупился со стен, обнажив решетчатый каркас. Изредка дорогу перегораживали свисающие с низкого потолка ржавые гнутые балки. В некоторых местах по стенам, оставляя рыжие потеки, каплями сочилась вода. Железо в Сумеречной Зоне болело ржой сплошь и рядом. Свет был тусклым и неверным.

«Идеальные места для охоты…» – осматриваясь, подумал Рогман. Он знал, что здесь можно встретить не только огромных крыс, но и целый выводок ленивых шерстобрюхов или, на худой конец, просто насобирать притаившихся среди потеков воды под потолком жирных слизняков…

Единственное, чего не знал молодой, но уже битый и калеченный жизнью раб, – зачем Падшие Боги создали это место.

Огромное, исковерканное пространство простиралось перед ним. Настолько большое, что нигде, в какую сторону ни посмотри, не увидишь стен Мира, которые терялись в сумраке, столь далекие, что об их присутствии можно было лишь догадываться. Впрочем, наличие стен не вызывало никаких сомнений, а их отсутствие, пусть воображаемое, казалось столь невероятным, что даже не принималось рассудком.

Однако он не мог отделаться от чувства тайной уверенности, похожей на скрытое знание: что-то было не так в этом гиблом, пораженном давним гневом Богов Мире… но вот что? Понимание этого каждый раз ускользало от Рогмана, хотя частенько ему казалось – он сейчас поймает, ухватит кончик той нити, что даст ему наконец ответ на вопрос: зачем существует Мир? Почему он устроен именно так? Где смысл?

Рогман мог поклясться, что ни один, даже самый просвещенный, обитатель Города ни разу не задавал себе подобных вопросов. Для тех, кто называл его клонгом, презренным рабом, таких вопросов попросту не существовало. Есть, пить, спать, работать, развлекаться… – разве в этом был смысл?

Хуже всего бывало Рогману в такие моменты, когда он находил останки своих соплеменников.

Такое случалось крайне редко, количество страшных находок он мог пересчитать по пальцам, вспомнить в мельчайших подробностях.

Почему каждый раз его охватывала такая неизбывная тоска? Отчего на душе становилось тяжело и неспокойно при виде разоренных временем

и мародерами помещений с истлевшими свидетельствами былой жизни? Что оборвалась тут много веков назад? Куда вел его этот гиблый путь сомнений, душевных мук и затаенной гордости?

Не отдавая себе отчета в происходящих день ото дня переменах, Рогман все глубже погружался в самого себя, замыкался, становился злее, жестче, словно из него по капле истекала душа, оставляя свои частички в недрах Сумеречной Зоны.

Это неизбежно должно было привести к бессмысленному бунту.

Бессмысленному потому, что он оставался зависим от голубоватых гранул наркотика. Сидел на цепи, словно паршивый лимминг.

* * *

В этот раз он опять возвращался налегке.

Последние вылазки в Сумеречную Зону не принесли его Хозяину особой прибыли. Ургун морщился, но пока терпел, глядя, как его лучший раб раз за разом выкладывает из мешка разную никчемную мелочь: то стопку неиспользованных тарелок из невесомого материала, то красивые, но совершенно бесполезные для практического применения нежно-розовые колючие кристаллы неизвестного предназначения, то пару покрытых налетом плесени ремней с пустыми кобурами для оружия.

Однако Ургун терпел, воздерживаясь от побоев. Он подозревал – что-то не так, но разве уследишь за путем блайтера? Тем более такого, как Рогман?

Сумеречная Зона действовала на него совершенно не так, как на других рабов. Он нырял в нее, будто мышь в родную нору. Если у других зона отнимала жизнь, то ему, похоже, оказались совсем нипочем и затхлая тишина коридоров, и мерзкие глубины Гиблых Впадин, и даже сама Невидимая Смерть обходила стороной этого везучего клонга. Он вырос, раздался в плечах, и рабская хламида уже с трудом скрывала его поджарое, сильное тело.

Глядя на Рогмана, Ургун уже не раз ловил себя на том, что ощущает исходящую от раба угрозу. И для таких подозрений у него действительно были причины.

С того памятного дня первой ломки юный раб никогда больше не унижался перед ним. Пережив ее, он твердо усвоил урок, но это не сделало его сродни другим несчастным, что регулярно появлялись в распоряжении Ургуна и так же быстро исчезали: кто в Пустых Секторах, а кто и тут, обожравшись сверх меры наркотических гранул после удачной вылазки. Рогман же казался неколебим. Его затравленная покорность как-то

неприметно трансформировалась, превратившись в угрюмую, неприветливую решимость жить определенным образом. Спустя некоторое время купцу оказалось трудно вообразить, что вот этот самый раб жрал с его ладони… Теперь он, наверное, не решился бы поднести свою волосатую руку ко рту удачливого блайтера – еще отхватит палец, пойди узнай, что у него на уме?..

…Сейчас Рогман шел привычной дорогой. До первых тоннелей, которые вели к Городу этнамов, оставалось не больше суток пути. Недалеко от передовых застав ему предстояло зайти в укромное место, где он намеревался оставить часть найденного и переодеться.

Прикидывая в уме, что отнести на этот раз Хозяину, а что оставить про запас, на черный день, он ощущал раздражение и гнев.

Его срок опять вышел… Удавка, накинутая на шею, не давала покоя – чем старше он становился, тем сильнее душила Рогмана рабская зависимость. В душе, словно слизь на стенах покинутого тоннеля, копилась черная, тягучая ненависть. Шрамы на теле заживали, одни легче, другие труднее, а вот в душе – нет. Не было дано ему от природы это свойство – забыть.

Он знал, что голубые гранулы наркотика вырабатывались из особого вида тоннельной плесени. Среди блайтеров ходили упорные слухи, что ее источник кроется где-то в нижних горизонтах Сумеречной Зоны, и Рогман знал, если она есть, эта проклятая плесень, то он ее найдет.

Ургун не зря испытывал беспокойство при виде мрачного лица молодого блайтера – Хозяин занимал первую строку в мысленном списке Рогмана.

По этому списку он раздаст свою скопившуюся ненависть к мучителям, как только сумеет порвать цепь наркотической зависимости.

А потом уйдет. Навсегда. Искать тот смысл всего сущего, что так упорно ускользал от его понимания.

Оставалась сущая ерунда – найти тот таинственный источник, из которого пополняет свой запас хозяин Ищущих-В-Темноте.

* * *

У каждого блайтера в Сумеречной Зоне были свои заветные тропы.

Рогман развязал мешок и достал оттуда мягкие шнурованные ботинки с прочной рифленой подошвой. Он привык ходить босиком, но там, куда он собрался, пренебрегать защитой обуви не следовало. Недра Мира не терпят беспечных.

В запасе у него оставалось еще пять-шесть часов, которые он

собирался посвятить спуску в недавно обнаруженный вертикальный тоннель. В прошлый раз ему не удалось достичь дна, и блайтера мучил вполне закономерный вопрос – не там ли обитает заветная плесень?

Обувшись, он подошел к массивному люку, который выделялся на полу темным кругом, с усилием отодвинул его и заглянул вниз. По стволу вертикальной шахты тянулась бесконечная череда сырых, покрытых шелушащейся проказой скоб.

Он даже приблизительно не представлял ее длины – свет фонаря тонул в бесконечности, то же самое произошло с брошенным вниз обломком: Рогман так и не дождался гулкого шлепка о дно.

Соскользнув в вертикальный ствол, он быстро полез вниз.

Шахта действительно вела в неизведанные глубины Мира. Прошло полчаса, час, а спуск все продолжался. В тусклом свете укрепленного на лбу фонаря, который Рогман включал через каждые сто пройденных скоб, по-прежнему виднелась лишь покрытая ржавыми потеками противоположная стена трубы, и только однажды ему удалось разглядеть старую овальную дверь, но она оказалась плотно закрыта, а по ее контуру скопились безобразные наросты больного железа. Висящему на одной руке блайтеру ни за что не удалось бы даже чуть приоткрыть массивный овал. Только намучился да измазался рыжей проказой, которая пятнами выступала из-под некогда блестящей поверхности.

Передохнув, он возобновил спуск.

Машинально перебирая руками по ржавым скобам, он продолжал невесело размышлять о своей сегодняшней судьбе.

На свободу Рогмана могло вывести только два пути. Первый – это пережить ломку и навек остаться в Сумеречной Зоне. Иногда он всерьез задумывался над этим, но еще не дошел до той степени отчаяния, когда подобные мысли обретают законченную неизбежность. Второй путь казался более реальным – Ургун готов был отпустить на свободу любого блайтера, кто принесет ему что-то действительно ценное. Такой предмет, чье назначение будет разгадано, а польза огромна и очевидна.

Рогман не был столь наивен, чтобы верить на слово Хозяину, но, зная алчность Ургуна, он всерьез надеялся поторговаться с сенталом. Он не собирался жить в Городе этнамов. Там он был чужим. Единственное, что требовалось блайтеру, – это противоядие от порочной зависимости. Освободившись от своей незримой цепи, он и без согласия скаредного и жестокого торговца артефактами сможет уйти навсегда… А если цепь не оборвать, то много будет стоить великодушно дарованная свобода?!

Но Рогман верил, что в Мире есть немало мест, способных приютить

блайтера, дать ему пищу, кров и новую цель в жизни.

Пока он размышлял, минула очередная сотня проржавевших скоб. Спуск продолжался вот уже два часа. Ладони Рогмана, содранные о больное железо, горели огнем, но он не обращал внимания на зуд. Остановившись, блайтер просунул руку под скобу, согнул локоть и зажег фонарь.

Тусклый свет разлился по вертикальной шахте, осветив ее стены.

Направив рассеянный луч вниз, он увидел клубящийся туман. Белесая стена перекрывала отвесный тоннель. Она ворочалась, как живая, медленно вспухая языками испарений.

На секунду его сердце сжал страх. Вслед за ним пришло разочарование: стоило тратить столько времени на спуск, чтобы в конце концов столкнуться с непроходимой белесой стеной!..

Лезть туда было безумием. Туман вполне мог оказаться живой субстанцией, – глядя на поднимающиеся кверху жадные, блуждающие языки ядовитого марева, Рогман почти не сомневался в том, что перед ним не просто испарения. На всякий случай он развязал свой мешок, вытащил оттуда бесформенный кусок оплавленного пластика величиной с кулак, прихваченный с поверхности как раз на такой случай, и кинул его вниз.

Клочковатая мгла всколыхнулась, мгновенно собравшись в жадный, ищущий протуберанец, рванулась навстречу движению, на секунду открыв взгляду влажные стенки шахты, но удержать увесистый обломок не смогла, тот оказался слишком тяжелой добычей для сообщества взвешенных в воздухе живых капелек. Белесая мгла прогнулась, опадая вниз, вслед за ускользающей добычей, и в этот момент Рогман наконец разглядел конец шахты!

Внизу находился ровный срез черноты, в которой что-то вяло плескалось. Живой туман, или росянка, с которой ему уже приходилось сталкиваться, опадал вниз, увлекаемый инстинктивной жадностью. Затем раздался глухой всплеск, эхо от которого неприятно отразилось от гулких стен огромной, наполовину пустой емкости. Свет фонаря не достигал ни ее дна, ни даже поверхности той жидкости, порождением которой являлся живой туман.

Зато он смог разглядеть нечто другое. Вереница скоб оканчивалась решетчатой площадкой с хлипкими перильцами из тонких металлических прутьев. От площадки уходил короткий отрезок лестницы, которая казалась подвешенной в пустоте.

«Рискнуть?» – подумал Рогман, глядя, как внизу конденсируется опавшая туда вслед за камнем стена живого тумана. Из опыта он знал, что

росянка медлительна: ей нужно много времени, чтобы вновь подняться вверх и закупорить своей невесомой массой зев тоннеля. Отдельных ее сгустков можно было не опасаться, в крайнем случае обожгут незащищенные участки кожи. Живой туман опасен, если попадешь в него целиком и не сумеешь быстро выбраться. Тогда пощады не жди, ожогами не отделаешься. Туман растворит все: и плоть, и кости, и даже ткань одежды, наверное…

Рогману уже приходилось видеть блайтера, что неосторожно искупался в таком тумане. Он выбрался из него, но ослеп, а вся его кожа напоминала собой одну огромную рану. От одежды несчастного остался лишь пластиковый ремень да прочная веревка из нетленного материала, которая плавилась, когда к ней подносили огонь. Промучившись сутки, блайтер умер.

«Только взгляну, куда ведет лестница, и сразу же наверх», – решил про себя Рогман, возобновляя спуск. Фонарь он не выключил, нечего экономить, когда вокруг уже появились первые клочья жадной субстанции.

Отрезок в тридцать скоб он преодолел меньше чем за минуту. Коснувшись ногами гулкой решетчатой площадки, Рогман замер. Лестница, кусок которой он наблюдал из тоннеля, резко уходила вверх, к невидимому отсюда своду. Там, под потолком, что-то светилось, какие-то неясные фосфоресцирующие огоньки вяло плавали в воздухе, сплетая медленные, ленивые па вечного танца. Тусклый луч фонаря метнулся по влажным, покрытым слизью стенам, и тут Рогман увидел небольшого тоннельного слизня, близкого родственника шерстобрюха, который медленно полз над самой лестницей, счищая своей волосатой подошвой налет со стены.

Это открытие поведало ему о многом. Во-первых, живой туман не поднимался выше, иначе тоннельный слизень уже был бы сожран вечно голодными капельками росянки. Во-вторых, отсюда существовал второй выход, расположенный скорее всего наверху, во мраке, куда уходила протянутая вдоль стены лестница. Блайтер сделал такой вывод, зная, что мятущиеся под потолком огоньки являлись спутниками более крупных летающих обитателей Сумеречной Зоны – нетопырей и, как правило, окружали их гнезда, где маленькие светлячки питались пометом…

Все эти мысли, вихрем промелькнувшие в голове Рогмана, выразились только в одном: он, не выключая фонаря, рванул вверх по лестнице, едва касаясь руками хлипких, обросших ржавчиной перил ограждения.

В логике этого поступка присутствовала изрядная доля риска. Но возвращение по скобам вертикальной шахты отнимало время и не сулило

никаких находок, а тут лежал путь в неведомое, но путь осмысленный. Вверху обязательно должен быть выход. Ни летучие обитатели подземелий, ни шерстобрюхи, ни слизни никогда не выживут в замкнутом помещении. Любая живность имеет свойство плодиться, а еда, как известно, кончается. Но выход через шахту преграждал живой туман, значит, наверху лежал еще один путь, который выводил на поверхность, в открытое пространство Сумеречной Зоны, никак не меньше. За свою бытность блайтером Рогман успел усвоить одну из закономерностей Мира, в котором жил, – тут нет помещений, оканчивающихся ничем. Тупиком могла стать маленькая комнатка, но большой зал – никогда. Всю Сумеречную Зону и ее недра пронизывала сеть тоннелей, шахт, коридоров, вентиляционных труб, причем они часто повторяли путь друг друга, пролегая параллельно. Конечно, никто не застрахован от внезапного препятствия, но Рогман, ко всему прочему, верил в свою удачу. До сих пор не подводила, не подведет и теперь…

Через несколько минут он с удовлетворением понял, что не ошибся насчет гнездовий нетопырей, а значит, и в остальном тоже был прав. Под сводчатым потолком, на длинных решетчатых балках, покрытых замысловатой бахромой плесени, которая приспособилась пожирать ржавчину, лепились продолговатые гнезда, украшенные сосульками испражнений. Вокруг них как раз и роились маленькие студенистые светлячки. Вот только гнезда оказались пусты. Рогман задержался подле них, заинтригованный данным обстоятельством. Гнездовья выглядели так, словно жизнь покинула их совсем недавно. Кое-где еще можно было заметить прилипшие к балкам клочки серой шерстки. Да и запах тут стоял вполне соответственный обжитым местам. Куда же подевались обитатели покинутых гнезд?!

К нетопырям Рогман не испытывал ни неприязни, ни страха. В свое время он сидел в клетке рядом с двумя такими существами и находил их компанию вполне сносной. Клинки, что на языке этнамов означало – «сосущие кровь», умели разговаривать мыслями, посылая в мозг собеседника туманные картинки-образы. С одним из представителей этого племени Рогман подружился, и они вместе совершали свои первые вылазки в Сумеречную Зону. Возможно, нетопырь, который чувствовал себя в искореженном сумраке вставшего на дыбы Мира как дома, и помог Рогману освоиться в нем, стать блайтером не по названию, а по сути.

«Жаль, сгинул Ушастый…» – с тоскливой грустью подумал он, глядя на пустые гнезда и вспоминая своего первого настоящего друга. Нетопырь исчез больше года назад, не вернувшись из очередной вылазки. Может,

попал в передрягу, а может, не ко времени встретил срок и не выдержал приступа ломки…

Пока он исследовал брошенные гнездовья летучих вампиров, свет фонаря начал заметно тускнеть. Рогман погасил его, достал из мешка прозрачный, невесомый пакет из созданного Богами материала, растопырил его горловину и принялся собирать светящиеся сгустки слизи, что облепили покинутые гнезда плотной фосфоресцирующей массой. В результате у него получился неплохой источник света.

Закончив с этим, он вновь зашагал по гулким, вибрирующим под ногами ступеням, что вели к близкому уже потолку. Там, между решетчатых опор, взгляд Рогмана уже отыскал огромное темное окно, рядом с которым смутно виднелась дверь.

* * *

Преодолев последний пролет лестницы, он оказался перед неплотно притворенной дверью. На ней была прикреплена табличка с какими-то знаками. Огромное овальное окно покрывал толстый слой поселившейся на небьющемся стекле плесени.

Дверь под его нажимом отворилась с неприятным, протяжным скрежетом. Перешагнув порог, Рогман поднял повыше свой самодельный светильник, огляделся, и… внутри у него вдруг что-то оборвалось от дурного, нехорошего предчувствия.

Выхода не было. В стене комнаты напротив окна располагалась прямоугольная ниша, которая раньше закрывалась двумя створками сдвижных дверей. Сейчас они оказались наполовину открыты. То, что в незапамятные времена помешало им сдвинуться, сейчас лежало на полу горстью бесформенного праха, а створки дверей так и остались ржаветь, заклиненные на половине своего хода.

Однако Рогману от этого не становилось легче. Он кое-как смог догадаться, что перед ним подъемник, который когда-то толкала вверх-вниз божественная сила, но теперь он казался таким же мертвым, как и весь Мир вокруг.

«Как же так?! – с отчаянием подумал он, напрасно обшаривая глазами периметр грязных, испятнанных плесенью стен в поисках двери. – Нетопыри ведь должны были покидать зал!..»

И тут он понял – дыра! От досады на собственную глупую беспечность хотелось взвыть, врезав себе по лбу ладонью. Они же ЛЕТАЮТ! Значит, где-то в потолке зала есть дыра или еще один ствол вентиляции, а этот путь – тупик.

Выскочив наружу, он направил вниз луч гаснущего фонаря, но тот уже едва светил и не смог развеять мрак дальше, чем на два-три метра. Тогда Рогман взял прозрачный мешок со светящимися студенистыми комочками и кинул его в воду, стараясь попасть в район той площадки, которой оканчивалась вертикальная шахта со скобами.

Затаив дыхание, он следил за падением импровизированного живого фонаря. В неверном свете он успел разглядеть средний пролет лестницы, перила которой уже облизывал поднявшийся кверху туман, потом его фонарь потускнел, погружаясь в белесую мглу, и пропал с тихим придушенным всплеском.

Вот это называется – влип…

Туман уже поднялся достаточно высоко, скрыв устье той шахты, через которую попал сюда блайтер, и, судя по падению светящегося мешочка, хищная каплеобразная взвесь больше не собиралась кидаться вослед маленькому, летящему сквозь нее предмету.

Путь назад оказался отрезан!

* * *

Как говорится – сделанного не вернешь.

Рогман не впервые попадал в неприятные, а порой и смертельные переплеты. Жизнь в Сумеречной Зоне научила его стиснув зубы встречать собственную судьбу, но сегодня вдруг накатила безысходность… на миг показалось: все, попался, влип наконец так, что уже не выберешься…

Сев на грязный, давно утративший свой первоначальный вид подоконник, он обвел угрюмым взглядом маленькое помещение. Внизу, за грязным окном, монотонно и гулко плескали в невидимую стену мелкие волны. Где-то тихо свистел воздух, втягиваясь в трубу вентиляции. С потолка изредка срывались капли конденсата и летели вниз, сквозь хищный туман, чтобы звонко разбиться о недосягаемую для глаза поверхность воды.

Ничего примечательного в помещении не нашлось, сколько ни мозоль взглядом по испятнанным плесенью и потеками ржавчины стенам, загаженному полу и двум давно омертвевшим Алтарям, которые стояли друг напротив друга, один подле окна, а второй у глухой стены. Единственным, что привлекало внимание, был сдвоенный рычаг с поперечной ручкой, заглубленный в стену и закрытый сверху прозрачной крышкой, на которой резко выделялись пятна вездесущего лишайника.

О том, как опасно дергать рычаги, он знал, но все же в душе шевельнулась крамольная мысль: «А вдруг?!»

Вдруг этот рычаг открывает какую-то неприметную, спрятанную под наслоениями слизи дверь?

Руки чесались, но рассудок еще пока сдерживал порыв. Поэтому Рогман не стал ничего трогать, а обернулся к заросшему грязью окну. Хищный туман поднялся еще выше и уже укутал средний пролет лестницы, опасно приблизившись к верхней площадке, от которой его теперь отделяло всего каких-то десять-пятнадцать метров. Очевидно, блайтер своим вторжением потревожил колонию каплеобразных частичек, и теперь та ползла на несвойственную ей высоту. Огромный слизняк, что, изгибаясь, улепетывал по вертикальной стене, был тому прямым подтверждением.

Рогман нахмурился.

Пытаться прорваться сквозь алчные, голодные капельки росянки нечего и думать. Безрассудство еще худшее, чем дерганье рычагов. Верный, но очень болезненный способ самоубийства…

Его взгляд обежал клубящуюся мглу и вернулся к прозрачному кожуху, прикрывавшему сдвоенную рукоять. Туман, похоже, не собирался упускать добычу. Медленно, но верно клубящаяся пелена поднималась все выше и выше, не оставляя никакой надежды на спасение. Слизняк на стене вдруг задергался, словно к нему приложились раскаленным прутом, и тонко запищал…

Похоже, что выбора просто не было. Что до рассудка, то в такой ситуации, когда вдоль позвоночника начинает блуждать неприятный холодок, тот имел хорошее свойство замолкать.

Приподнять кожух не удалось, и Рогман разбил его ударом локтя. Убрав острые зазубренные осколки, он ухватился за рычаг и что есть силы потянул его вниз.

Некоторое время его усилия оставались тщетны, только багровело лицо да вздувались жилы на руках… потом рычаг вдруг поддался, с резким, зубовным скрежетом. Снаружи что-то загрохотало, какой-то предмет с глухим плеском обрушился в туман, и вдруг до слуха донесся отчетливый звук низвергающейся вниз воды.

Рогман будто ошпаренный выскочил на площадку, но лишь затем, чтобы оправдались самые худшие его опасения: из нескольких отверстий, расположенных под сводами зала, мощными струями хлестала вода.

Положение складывалось хуже некуда. Теперь путь вниз отрезан окончательно: прямо на глазах оторопевшего от неожиданности блайтера беснующийся поток воды рушился вниз, поднимая уровень той жидкости, из которой образовался живой туман.

Задрав голову, он посмотрел на решетчатые балки, которые исчезали

во мгле, плавными дугами подпирая своды зала. До ближайшей из них оставалось метра два пустоты, в том случае, если встать на самый край площадки и прыгать по диагонали…

Ничего другого не оставалось. Перебравшись через низкие металлические перила, Рогман снял с пояса смотанный в бухту кусок веревки. На одном ее конце имелась петля, в которую он просунул свое запястье, а на другом крепился короткий отрезок металлического прута. Он взял его в руки и осторожно провернул узкий ободок с мелкой насечкой, расположенный у основания тонкого цилиндра. Из прорезей по бокам стержня со щелчком выскочили два лезвия, застыв под углом в сорок пять градусов. Рогман не знал, что за сила живет внутри тонкого цилиндра, он довольствовался тем, что научился правильно пользоваться этой чудной штукой. В его памяти еще оставались свежи воспоминания о том, как, подобрав среди хлама в одной из подземных комнат этот предмет, он едва не поплатился пальцами, догадавшись повернуть рифленый ободок…

Вода продолжала низвергаться из открывшихся отверстий, наполняя зал гулом и рокотом. Раздумывать было некогда. Рогман раскрутил складной крюк и точным, выверенным броском послал его к ближайшей балке.

Веревка мягко коснулась препятствия, он дернул, и оба лезвия ухватили переплет балок, звонко клацнув металлом об металл.

Прежде чем прыгать, он задержался, мельком взглянув на оккупировавший лестницу туман. Тот приостановил продвижение, клубясь у противоположной стены, где тонко пищал издыхающий слизняк. В душе вдруг стало неуютно и пусто. Не хотелось думать о том, что сейчас переживает глупое животное.

«Вот ведь дрянь…» – неприязненно подумал блайтер. Хотя в чем он мог обвинить облако эфемерных частичек? Оно хотело есть и не больше того…

С такой мыслью Рогман оттолкнулся от края площадки и шагнул в пустоту.

Металл конструкции оказался менее прочным, чем он рассчитывал. Железо и тут одряхлело от времени. Пролетая по короткой дуге над клубами жадной росянки, он с холодком в груди услышал треск и почувствовал, как что-то подалось вверху, давая слабину веревке, но испугаться по-настоящему не успел – ноги уже влетели в переплет несущих ферм, колени машинально согнулись, крепко обняв новую опору, и он повис головой вниз, заметив в тусклом свете фосфоресцирующих комков слизи, как сверху отделилось что-то темное и полетело в близкую

свинцово-черную поверхность прибывающей воды…

В следующий момент ему едва не вырвало из плеча руку – веревка на мгновенье натянулась, но удерживаемый ею обломок каким-то образом выскользнул из зацепления с крюком и продолжил падение.

Внизу раздался громкий всплеск, туман запоздало взвихрился, но добыча уже утонула. Рогман, подтягиваясь на дрожащих от напряжения руках, ощутил мягкий толчок, который отозвался в стенах и потолке. Посмотрев назад, он обнаружил, что в конструкции опоры отсутствует кусок длиной около двух метров.

Немного отдышавшись, он вскарабкался наверх и пополз вдоль решетчатой фермы, выбирая наиболее толстые из составляющих ее балок. Близкий потолок действовал угнетающе, нависая прямо над головой темной, угрюмой плоскостью. По его площади тут и там светились пятна различных лишайников, так что мрак не казался таким уж плотным, – если постараться, то можно разглядеть любую деталь в радиусе двух-трех метров. Рогмана это устраивало. Тратить время на сбор комочков фосфоресцирующей слизи, чтобы сделать очередной светильник, казалось ему сейчас непозволительной задержкой. Фонарь, который едва светил, он приберег на крайний случай.

Двигаться под потолком по осклизлой конструкции из трухлявого, больного железа приходилось крайне осторожно. Глядя на растущий уровень воды, он и рад был поспешить, да не мог. Улетевший вниз сегмент древней решетчатой опоры ясно дал понять, какова ее сегодняшняя прочность.

Внизу продолжала плескать низвергающаяся в резервуар вода, но ее поток заметно уменьшился. Изредка в черноте, которую оккупировал живой туман, раздавались протяжные сипящие вздохи. Все эти звуки наводили на мысль, что там присутствует какая-то жизнь, разбуженная внезапным водопадом. Что это могло быть за животное, Рогман не представлял – ему нечасто приходилось встречаться с таким понятием, как «водоем».

Путешествие под потолком заняло изрядный отрезок времени. Рогман уже порядком устал, ощущая, как неотвратимо приближается та черта, за которой он потеряет контроль над собственным телом. Срок всегда приходил по-разному, но симптомы его приближения он чувствовал загодя, вот как сейчас, например… В других обстоятельствах это означало, что нужно все бросить и возвращаться, удовольствовавшись найденным.

Сегодня возвращаться было некуда…

Вода, изливавшаяся из отверстий, постепенно иссякла,

растревоженный ее потоками туман немного осел, уже не обращая особого внимания на вскарабкавшегося под потолок блайтера, – то ли росянка насытилась слизняком, то ли просто перестала чувствовать чужое присутствие, но так или иначе – в стремительном развитии роковых событий возникла передышка.

Чувствуя растущую дурноту, он остановился, сел на развилку балок, привалившись спиной к наклонному брусу, и прикрыл глаза, стараясь унять бешеное сердцебиение и прогнать радужные пятна, которые плавали перед плотно смеженными веками.

Его мгновенно окружила тишина… Слабые звуки роились в ней, словно смазанное, нечеткое отражение реальности. Тишина и мрак. Вот все, что сопровождало блайтера на протяжении многих лет его жизни.

«Поганые Боги, зачем вы создали такой Мир?.. – с тоской подумал он. – Зачем вокруг эти залы, полные трухи прошлого? Какой в этом смысл?..»

В глубине души зрело предубеждение, скапливаясь там вереницей незначительных на первый взгляд фактов. Например, этот стержень с выкидными лезвиями. Почему он так удобно ложится в ладонь? Если весь Мир создан ради слизняков, живого тумана, шерстобрюхов и иной тоннельной живности, то зачем тогда раскиданы вокруг немые свидетельства прошлого, которыми могло воспользоваться только подобное Рогману существо?!

Боги, если и слышали его мысленный вопрос, то молчали. Он попытался их представить, но не смог. В мыслях роился какой-то смутный, бесформенный образ, такой же непонятный, как сам Мир.

«Ну зачем было тянуть бесконечные тоннели, наполнять их ржавыми скобами, больным железом, к чему эта вода, что монотонно плещется внизу?» – опять подумал он, впитывая всем телом зябкое, мертвенное прикосновение окружающей его реальности…

Поиск смысла в окружающем оказался и бесполезен, и горек.

Если бы Рогман умел читать на языке Богов, то, возможно, грязная табличка на дверях маленькой комнаты что-то пояснила ему, по крайней мере о том месте, куда он попал. Она не могла дать ответа на вопрос о целях бытия, но несла частичку утраченного смысла, поясняя: Мир когда-то был другим, он подчинялся единой цели, здесь обитала воля иных существ, совершенно непохожих ни на ползающих по стенам слизней, ни на хищный туман, ни на фосфоресцирующие комочки живого студня, что питались дерьмом с покинутых гнезд.

«ВТОРОЙ КОНТУР СИСТЕМЫ ОХЛАЖДЕНИЯ РЕАКТОРА.

ОТСТОЙНЫЙ БАССЕЙН НОМЕР ЧЕТЫРНАДЦАТЬ. ВНИМАНИЕ! ПЕРЕД ВЫХОДОМ ИЗ ОПЕРАТОРСКОЙ НАДЕТЬ ЗАЩИТНЫЙ КОСТЮМ!»

Рогман не умел читать.

Он ощущал себя пылинкой, которую занесло сюда случайным ветром, приклеило к ржавой балке под потолком… И понял, что если сейчас вдруг сорвется, полетит вниз, в объятия жадного тумана, то мало что изменится вокруг. Все так же будет монотонно бить волна в гулкую стенку резервуара, клубящийся туман продолжит свою пассивную охоту, Мир будет ветшать, пока не придет и его срок…

Тряхнув головой, он открыл глаза.

Страшный морок безысходности исчез, растворился в окружающем сумраке. Злясь на самого себя, он с остервенением пополз дальше, внимательно осматривая доступные взору участки грязного потолка.

Дыру он увидел, уже совершенно отчаявшись ее найти.

Разлом тянулся по потолку, пересекая его длинной, уродливой трещиной. Изломанные края демонстрировали многослойную структуру перекрытия. В одном месте потолок был вмят и провис, словно сверху в него врезалось нечто огромное, породившее эту самую трещину.

Однако Рогману было не до исследований и умозрительных выкладок. Балансируя на погнутой балке, он выпрямился в полный рост, так что голова оказалась в разломе, а дрожащие от усталости и напряжения пальцы, пошарив в темноте, нашли верхний край лопнувшего перекрытия и судорожно вцепились в него, принимая вес тела.

Подтянувшись, он вытолкнул свое тело наверх, откатился от трещины и затих, напряженно вслушиваясь в окружающую тишину…

Место, куда он попал, показалось Рогману еще более странным, чем зал с плещущейся водой и живым туманом.

Тут было почти светло, по крайней мере, по меркам Сумеречной Зоны. Тусклое сияние исходило из глубин огромного помещения, размеры которого затруднялся определить даже наметанный глаз блайтера.

Вдоль стен, загибаясь в таинственную бесконечность, протянулись дугообразные Алтари. Все они были мертвы, но даже один их вид внушил Рогману благоговейный ужас.

Такого скопления артефактов он еще не встречал. Что это, святилище Падших Богов?!

Позабыв про усталость и поселившуюся под коленями предательскую дрожь, он вскочил, озираясь в поисках неведомых существ, но вокруг стояла глубокая тишина, лишь внизу, за разломом трещины, смутно

раздавался плеск далекой воды…

* * *

Через некоторое время он совершенно выбился из сил.

Зал действительно казался бесконечным. Рогман все шел и шел, уже потеряв счет шагам, а вокруг ничего не менялось. Все так же высились по обе стороны мрачные, мертвые Алтари. Их квадратные глаза были черны, многие покрывала замысловатая паутина трещин, некоторые вовсе оказались выбиты, и острые осколки стекла усеивали пол вокруг, усиливая ощущение запущенности, словно эти незначительные детали резонировали с глубочайшей тишиной, что царила вокруг…

Рогман шел, пошатываясь от усталости, и его взгляд слепо скользил по мертвым артефактам, не пытаясь даже постичь их смысл и предназначение.

Последние два часа его сильно мутило, ноги ослабли, предательская дрожь уже окончательно поселилась в коленях, жестоко напоминая о том, что он задержался, и вот теперь ему предстоит встретить срок, не скорчившись на полу грязной каморки, расположенной за лавкой хозяина, а прямо тут, в непонятном, бесконечном зале с мертвыми Алтарями, равнодушно взирающими на конвульсивные шаги полуживого блайтера.

Слабость ударила внезапно. Рогман остановился, ухватившись рукой за скошенный край, выступающий из изуродованного временем чрева непонятной древней конструкции.

Он ненавидел такие мгновения. Ощущать себя дряблым, беспомощным, дрожащим мешком безвольной плоти каждый раз оказывалось невыносимо. Но еще больше в эти секунды Рогман ненавидел своих мучителей, тех, что посадили его на цепь. Казалось, будь у него силы, дополз бы до первого этнама и свернул ему шею…

Тщетные мечты. Сумеречная Зона наконец нашла управу на удачливого блайтера.

«Нет… – превозмогая дурноту, упрямился он, оттолкнувшись от опоры и едва переставляя одеревеневшие ноги. – Я выберусь…»

Шаг… Еще один…

Приступ жажды охватил внутренности, словно жидкий огонь. Глаза Рогмана начали вылезать из орбит, но он по-прежнему шел, двигаясь в полузабытье, цепляясь руками за подвернувшиеся предметы, падая, вставая…

Сознание то прояснялось, то милосердно уплывало во мглу. Он окончательно потерял ощущение времени. Мир вдруг начал

восприниматься урывками, словно кто-то разорвал реальность в мелкие клочья и показывал полуживому блайтеру отдельные, прихотливо выбранные фрагменты…

Потом время окончательно утратило свой смысл.

Сколько он шел? Час? Сутки?

Рогман не мог ответить на такой вопрос. Тело, а не разум цеплялось за зыбкое понятие «жизнь». Кто-то другой передвигал ногами, натужно хрипя от запредельных усилий. Кто-то другой хотел выжить, назло всему перекореженному Миру…

Огромный зал постепенно начал сужаться. Алтари кончились. Теперь его окружала теснина узкого прохода. Возможно, это был тоннель, а может, просто очередная выходка его помутившегося рассудка.

Когда ломка чуть отступила и сознание начало проясняться, то он сумел понять: тоннель, по которому он шел, не являлся бредом – впереди виднелся выход из теснины, там маячил четкий полукруг света, не очень яркого, но достаточного, чтобы разглядеть за ним еще один зал и какие-то сооружения при входе.

Справа тоже пробивался свет. Рогман остановился, держась руками за стену, и в недоумении посмотрел туда, а когда понял, откуда пробивается свет, то не поверил глазам, в первый момент сочтя все это галлюцинацией.

По правую руку в стене тоннеля зияла дыра… даже нет – огромный пролом, открывающий еще одно сумеречное пространство. Рогман видел огромные вздутия, что торчали из пола и мертвенно светились, переливаясь, словно их оплавленная поверхность горела холодным, неживым огнем. Сделав шаг в том направлении, он понял, что между ними зияет циклопическая воронка. От вздутий к коническому провалу тянулись огарки массивных труб, внутри каждой из которых он, наверное, мог бы пройти в полный рост, не сгибаясь… Трудно было вообразить, какая температура когда-то бушевала тут, – все конструкции оплыли, отдельные трубы висели, понурясь, словно огарки свечей, и свет… Этот мертвенный неровный свет, что излучала вся поверхность за проломом!..

Рогман понятия не имел, что такое радиация, но опасность он чувствовал даже в таком безвольном, полумертвом состоянии. Отыскав в себе остатки сил, он отвел взгляд от страшного, потустороннего зрелища и пошел дальше, не оглядываясь больше на чудовищное видение…

Конец тоннеля был близок. Он уже мог различить ту конструкцию, что возвышалась у входа в новый зал. Это было похоже на баррикаду, стену из серых оплавленных плит… словно в момент жуткой катастрофы она была исторгнута из пола, но не успела перекрыть все пространство от пола

до потолка, не дошла до верхней точки опоры, и пламенный вихрь, что выжег стену и вырвался в тоннель, ударил в нее, прожег посередине циклопическую дыру, заставив верхние края плиты покорно согнуться, понурясь внутрь зала, словно они склонились в скорбном поклоне перед теми, кого не успели, не смогли защитить…

Новый удар слабости швырнул Рогмана на колени.

Согнувшись, он вскинул руки, зажимая ими рот.

Не впервые он платил такую отвратительную цену за лишние часы, проведенные у подножия Перевала Тьмы. Сколько раз он клялся самому себе не искушать судьбу, не испытывать СРОК, но вот опять… Теперь у него оставалась одна надежда: может быть, здесь еще обитают те, кто воздвигал препятствие при входе в зал, и его заметят с оплавленной баррикады?..

Рогман нашел в себе остаток мужества, чтобы разогнуться и ползти, волоча за собой мешок с добычей.

– Эй!.. – подняв голову, попытался крикнуть он, но из горла вырвался лишь хриплый шепот, а новый приступ дурноты опять повалил его на усыпанный останками пол.

Останками?..

Мысль пришла из глубин больного рассудка, заставив наконец обратить внимание на то, ПО ЧЕМУ ОН ШЕЛ!..

Пространство перед загораживающей вход в тоннель баррикадой нельзя было назвать стерильным. Здесь действительно кто-то обитал, причем совсем недавно… Обитал и, наверное, сражался?.. От древних нетленных плит исходило стойкое зловоние. Не один десяток страшных согнутых существ, выползавших время от времени из неведомых глубин Сумеречной Зоны, нашли тут свой конец, и их тела мирно догнивали на древних плитах, образуя своеобразный плодородный слой, поверх которого стелился ковер флюоресцирующего мха…

Все это выглядело больше чем странно. Однако Рогман находился не в том состоянии, чтобы решать какие-либо загадки. Просто его разум машинально отметил обилие разложившихся тел и мох, что медленно, но неумолимо превращал эти останки в почву…

Везде, где присутствует свет, там буйствует жизнь. Пусть такая, из лишайников, мха, но все равно жизнь… Ее ростки настырно пробиваются повсюду, где есть чем питаться и к чему тянуться…

Рогман полз, ощущая ладонями выпирающие из зловонной почвы кости, иногда рука оскальзывалась на чьем-то дочиста обглоданном крысами черепе…

«Рожденный из грязи… В грязи и подохну…» – с отчаянной, обреченной злобой подумал он, упрямо подтягивая огрузневшее тело на подламывающихся руках.

…Как-то раз, много лет назад, он осмелился спросить у Эргавса о тайне своего рождения.

Управляющий Полями в тот день пребывал в хорошем расположении духа и, наверное, потому не избил любопытного раба-приемыша, а просто взял того за шиворот ветхой одежды и молча поволок к окраинам полей, где в стене Мира в одном из тупиковых тоннелей зияла безобразная трещина, из которой сочился блеклый красноватый свет.

Протиснувшись внутрь, Эргавс грубо толкнул уже пожалевшего о своем любопытстве мальчика к подножию старого Алтаря с выбитым оком и хрипло, отрывисто пролаял:

– Ты родился из грязи, клонг!.. Этот Алтарь исторг тебя в наказание мне!..

– П-поочему? – задыхаясь от страха, спросил Рогман, с ужасом взирая на изувеченный Алтарь и притаившуюся рядом с ним голодную Пасть.

– Обращаясь к Падшим Богам, я пожалел для них каплю своей крови, – неохотно признался Эргавс, плюнув на пол. Затем нагнулся и подобрал пригоршню осклизлых от поселившейся тут плесени обломков.

– Вместо того чтобы напоить Алтарь жертвенной кровью, я накормил Пасть вот этим! – Он брезгливо разжал пальцы, и мусор вернулся на место, рассыпавшись по грязному полу. – В отместку за жадность обиженный Алтарь исторг тебя… – Эргавс оценивающе посмотрел на Рогмана и снова с досадой сплюнул. – Теперь я вынужден кормить никчемного раба… – зло заключил он, покосившись на мертвый Алтарь.

В тот момент Рогману стало жутко.

В этом грязном, освещенном тускло-красным светом помещении умерла его единственная надежда, которую он тщательно лелеял в глубинах своей души. Его тело хоть и было лишено голубого подшерстка, но все же походило на тела других этнамов, и маленький Рогман, слушавший разные злые пересуды за своей спиной, в глубине души действительно надеялся на какую-то тайну, связанную с Высокородным этнамом, что случайно согрешил с самкой из Младшего Народа. От такого дикого кровосмешения действительно мог родиться ребенок сродни Рогману – похожий на этнама, но без волос на теле и с иной формой глаз…

Теперь, после слов Эргавса, безумная надежда, что теплилась в душе замученного непосильным трудом ребенка, умерла окончательно и

бесповоротно…

«Рожденный из грязи»… Это клеймо он будет носить всю свою жизнь. Не этнам, не сентал и даже не полукровка, а чудовище, исчадие гневного Алтаря, злая шутка Падших Богов…

…Задыхаясь и хрипя, Рогман все же дополз до подножия баррикады, но тут его ждало неприятное открытие: втолкнув свое непослушное тело в узкий проход, прожженный в незапамятные времена адским пламенем, он с отчаянием обнаружил, что внутренний дворик, расположенный за укреплением, пустует…

Привалившись к стене, обессиленный блайтер обвел мутным взглядом пространство за покинутой баррикадой.

Если кто-то и обитал тут, то эти существа сгинули, ушли, исчезли…

Зал оказался не столь велик, как он представил себе, глядя на баррикаду. Жившие тут существа использовали это место как укрепление – никаких признаков обустроенного жилья, зато в противоположной стене виднелось устье еще одного тоннеля, завешенное старым, грязным полотнищем…

По телу Рогмана пробежала конвульсивная дрожь. Хотя из тоннеля ощутимо тянуло сквозняком, ему вдруг стало жарко. Кожа внезапно принялась гореть, словно ее ошпарили кипятком, и липкая испарина выступила на спине, мгновенно напитав грубую ткань одежды…

«Вот и все… – шарахнулась в голове тоскливая, злая мысль. – Глупо как…»

Рогман видел, как умирали от ломки более здоровые и сильные существа, чем он.

В последний момент ему показалось странным и неправильным цепляться за ту жизнь, что он вел, среди грязи, унижения, ненависти, но глаза сами по себе выворачивались из орбит, в сторону тоннеля, и надежда, такая ненужная, жестокая, кривила рот, пытаясь вытолкнуть разбухшим языком гортанные звуки ненавистного языка…

Кого он пытался позвать? Своих мучителей, чьи призраки толпились на пороге умирающего сознания? Зачем?..

Не было там никого… Никто не спешил на помощь валяющемуся на полу клонгу. Лишь эманации ветра шевелили рваную завесь, сделанную из куска грубого полотнища, да еще из глубин тоннеля доносились странные, приглушенные расстоянием звуки…

Рогману показалось, что там кто-то истошно кричит… Впрочем, его сознание к этому моменту уже настолько отупело от раздиравших разум

мук, что едва ли могло отреагировать на подобную мысль…

Голова кружилась, бессильно свешиваясь набок, руки подламывались, не желая больше выдерживать вес тела. Рогман прижался щекой к заскорузлому от грязи полу и понял – это конец. Злая судьба, что несколько лет безуспешно гонялась за ним по потаенным закоулкам Сумеречной Зоны, настигла его тут и теперь радовалась, наверное, законной добыче…

Он не хотел становиться свидетелем своих последних минут и потому, когда сознание рванулось куда-то в бешеном черном водовороте, он не стал противиться этому тошнотворному порыву, а сам потянулся к разверзающейся бездне…

…Он медленно скользил вдоль тускло светящегося потолка наклонного, ведущего вниз тоннеля.

Два широких кожистых крыла уверенно держали воздушный поток, позволяя сравнительно небольшому тельцу свободно парить. Большие, похожие на блюдца, умные глаза, окруженные морщинистыми веками, смотрели в сумрак, улавливая каждую тень.

В голове мерно вздрагивал бьющийся в перегородки черепа сигнал – это сжимались специальные мышцы, ударяя в хитрую перепонку, резонирующую звук, и тугая волна высокочастотного писка разбегалась вокруг, чтобы исказиться, отразившись от стен, предметов, и вернуться назад, к непропорционально большим подвижным ушам, неся информацию об окружающем Мире.

Гигантский нетопырь летал там, куда давно уже не ступала ничья нога. Самые злые, гиблые участки Сумеречной Зоны являлись его вотчиной. Не зря из нетопырей получались самые лучшие блайтеры, только вот изловить и посадить на цепь наркотической зависимости такое ушастое существо оказывалось далеко не просто.

Этот уже побывал в плену. Шрамы от плетки тянулись по его спине, прореживая грубую шерстку. В глазах – давняя боль и понимание. В сердечке, что мерно стукало в груди, такая же, как и у Рогмана, застарелая ненависть к голубокожим Хозяевам Жизни…

…Они подружились в ту пору, когда их клетки стояли рядом.

Нетопырь не умел говорить. Он умел думать. Думать так, что его мысль становилась слышна и понятна, но только тем, на кого была направлена.

Как давно это было… В памяти Рогмана те дни уже стали размытым, туманным пятном. Нетопырь был первым, от кого он, еще ни разу не

покинув пределов Города, получил представление о Сумеречной Зоне. Ушастый летал там, когда жил на воле, и теперь, сидя в клетке, мечась между плеткой надсмотрщика и миской с голубоватыми гранулами наркотика, он с тоской вспоминал те места, где родился и вырос.

Этими воспоминаниями он делился с Рогманом, а тот в ответ просовывал между прутьями решетки свою руку и покалеченными все той же плеткой пальцами гладил покрытое шерсткой брюхо Ушастого, помогая тому побороть отчаяние…

Потом был их первый выход.

Нетопырь хоть и знал Сумеречную Зону, но вернулся ни с чем. То ли растерялся, то ли был упрям, то ли не смог принести в своих цепких лапках чего-то более или менее стоящего.

Рогман видел, как измученный нетопырь, у которого начиналась ломка, полз за хозяином, распустив по полу свои широкие кожистые крылья, и молил, отчаянно вереща, чтоб ему дали хоть крошку злой голубоватой смерти, но насупленный сентал оставался неумолим. Нет добычи, значит, терпи ломку, пока тупой надсмотрщик не сочтет, что подошла опасная черта, за которой дорогой раб может отдать концы…

Страдания нетопыря больно задели Рогмана, но что он мог сделать?

Оказывается, мог…

Он нашел ушастое создание несколько часов спустя, когда тот сидел, бессильно уронив крылья и забившись в самый угол задней комнаты для рабов. Тело нетопыря судорожно подергивалось, и он жалостно всхлипывал в такт собственным страданиям. Рогман, который только что сдал свою первую добычу, присел на корточки перед забившимся в угол нетопырем, насильно раздвинул его крылья, открыв взгляду мордочку существа, и разжал ладонь, на которой лежало несколько полученных им за первую добычу гранул наркотика.

Почуяв острый запах, который источали гранулы, нетопырь открыл полные страдания глаза. Несколько секунд он смотрел на Рогмана, пытаясь понять направленную на него мысль, потом еще раз судорожно всхлипнул, совсем как ребенок, и слизнул с ладони одну из трех гранул…

Так началась их короткая дружба.

Рогман и подумать не мог, что нетопырь жив. Он-то думал, что Ушастый сгинул в страшных, лишенных жизни пределах Сумеречной Зоны, а тот, оказывается, не только выжил, но еще и нашел в себе силы, чтобы бежать, пережить ломку и вновь стать свободным!..

Если это, конечно, не предсмертный бред… Откуда он мог видеть что-то глазами клинка, летящего в неведомой дали, под самым потолком

наклонного тоннеля?..

«Скорее бы уже… – мысленно поторопил он смерть. – Не мучай, забирай…»

Нет, не забрала. Вместо спасительной тьмы колыхался серый туман.

Сознание опять стало рыхлым, разорванным, словно его душа металась вокруг, то возвращаясь в исстрадавшееся тело, то покидая его.

Тихо колыхалась под напором сквозняка старая завесь. Из устья тоннеля тянуло кисловатым дымом.

Рогман лежал, распластавшись на полу, посреди возведенного неведомыми руками укрепления. Он не мог сказать, сколько прошло времени с того момента, как он упал, подрубленный ломкой. Время крошилось, рассыпаясь прахом, теряло свой смысл…

…Он чувствовал: что-то ползет, надвигается из темноты.

Серое бесформенное облако чужих мыслей приближалось со стороны Сумеречной Зоны.

Десятым чувством полуживой Рогман воспринимал эманации чужой воли.

Что-то случилось со старым Миром. Это он ощущал абсолютно отчетливо. Нарушился какой-то неведомый ему порядок вещей.

…Странных, а порой совсем невероятных существ таили в себе Глубины Мира.

Среди тех, кого можно было причислить к разряду «разумных», были не только этнамы и сенталы. Существовали еще орды диких, которые хоть и не владели связной речью, но пользовались орудиями труда и действовали сообща, сбиваясь в племена-стаи. Были и другие. Только тот участок Мира, который этнамы именовали Сумеречной Зоной, еще не видел таких тварей, что вторглись в этот час на его простор.

Они шли, растянувшись длинной колонной. Маленькие, не выше метра создания, с большими глазами, явно способными видеть в темноте, сидели на спинах огромных пауков белесого цвета, которые ловко несли своих хозяев, цепко перебирая лапками по нагромождениям вздыбленных обломков.

Однако стоило присмотреться внимательнее к уродливым карликам, восседавшим на спинах своих необычных «коней». Если взгляд наблюдателя выдерживал гнусность и безобразие их лиц, то, скользнув им по туловищу любого из наездников, можно было понять – они не сидят на

спинах пауков. Они вросли в них!.. Ног у карликов попросту не было, а нижняя часть туловища исчезала по влажных складках плоти на спине паука-переростка.

Рогмана, чье умирающее сознание странным образом обрело власть над перемещением по невидимым силовым линиям Мира, поразил не отвратительный вид существ. Он ясно воспринимал идущие от них жадные телепатические волны. Эти твари питались падалью. Они ощущали агонию за множество километров, каким-то образом, так же, как и он, получив доступ к невидимой сети потусторонних каналов, что пронизывали старый Мир.

Заглянув в их примитивные души, Рогман содрогнулся от омерзения, отпрянул, но успел понять, куда идут существа, почему так яростно понукают своих симбионтов, которые ловко преодолевали завалы, цепляясь мохнатыми, членистыми лапками за малейший выступ на любой, даже совершенно гладкой с виду поверхности…

Они спешили на пир.

Их путь лежал к небольшому залу, расположенному сразу за тем тоннелем, из устья которого тянуло запахом дыма…

Мерзкие создания ощущали смерть, шли по ее зову.

Душа Рогмана содрогнулась.

* * *

В реальность его вернуло хлопанье крыльев.

Открыв глаза, Рогман увидел, как мечется над ним смутная тень.

Зрение прояснялось очень медленно. Прошло несколько бесконечных минут, прежде чем он смог различить силуэт огромного нетопыря, что бился над ним, цепко сжимая в поджатых к брюшку лапках какой-то смутно знакомый предмет…

– Ушастый… – растрескавшиеся губы Рогмана тронула болезненная улыбка.

Существо заверещало на высоких нотах, тут же спикировав вниз, и смешно запрыгало, волоча по грязному полу распущенные для равновесия крылья.

Его лапы оказались заняты продолговатым предметом, на белоснежной поверхности которого мерно поблескивал алый крестик.

«Та-Которая-Лечит?!»

Молчаливому изумлению Рогмана не было предела. Ушастый принес ему величайшую ценность умирающего Мира. Этому предмету, по сути, не было цены, хотя многие ее пытались назвать. Единственная разновидность

артефактов, оставшихся после Падших Богов, к которой Рогман испытывал благоговение.

Предмет со стуком упал на пол подле его руки.

Ушастый тут же метнулся прочь, вспорхнул на оплавленную баррикаду и застыл там темным изваянием, глядя куда-то в сумеречную даль.

Очевидно, видения Рогмана являлись чем-то чуть большим, чем бред умирающего. Нетопырь, который был прирожденным телепатом, тоже чувствовал: что-то злобное, непонятное надвигается из глубин Сумеречной Зоны.

Посидев неподвижно несколько секунд, он обернулся и укоризненно посмотрел на беспомощно простершегося на полу, обессилевшего, едва живого Рогмана. Потом легко спорхнул с баррикады, подтолкнул к нему чудодейственный предмет и, описав круг, вернулся на свой наблюдательный пост.

Прямого контакта между ними не возникло, но жест нетопыря трудно было истолковать превратно. Он предлагал Рогману поскорее воспользоваться Той-Которая-Лечит по ее прямому назначению.

Дрожащими от слабости пальцами Рогман ухватил драгоценный предмет. Внутри плоской овальной коробочки что-то щелкало и попискивало, словно туда заточили крохотное существо.

Рогман видел, как Хозяин однажды пользовался таким артефактом, но сам блайтер никогда не испытывал на себе его воздействия. Несколько раз он находил подобные предметы, но, к величайшему разочарованию Рогмана, они оказывались мертвы. Крохотный крестик на их овальных крышках не светился, и существо внутри не подавало никаких признаков жизни.

Преодолевая вернувшуюся дурноту, он дрожащими пальцами обнажил свое плечо и прижал донце овальной коробочки к воспаленной, покрасневшей коже.

Внутри артефакта что-то бешено защелкало, на верхней крышке вспыхнуло и погасло с десяток крохотных огоньков, и затаивший дыхание Рогман почувствовал, как в его тело впились крохотные иглы.

Он едва не отдернул руку, но вовремя сдержался, крепко стиснув зубы.

Та-Которая-Лечит продолжала пищать и колоться. По телу Рогмана прокатилась судорога, потом он опять начал покрываться липким потом. Нетопырь покосился с вершины баррикады на бьющегося в конвульсиях блайтера и ободряюще запищал, широко растопырив свои крылья.

Через минуту или две все кончилось.

Больше не моргал красный крестик на плоской крышке. Писк изнутри тоже стих. Могучий артефакт превратился в простую, бесполезную вещь. Существо, что щелкало внутри, издохло, отдав свои жизненные силы Рогману, который скорчился на грязном полу, все еще содрогаясь в конвульсиях.

…И снова его сознание уплывало от тела, стремясь туда, где сумрачные вершины Перевала Тьмы скрывали за собой неведомое.

Откуда-то ведь пришли отвратительные карлики, восседающие на белесых пауках! Значит, там, за сгустками мрака, действительно продолжался Мир. Туда существовал путь, и от одного осознания данного факта в душе Рогмана вновь оживала Мечта.

Мечта, за которую он только что чуть не поплатился собственной жизнью. Зато теперь он знал, как нетопырь, который когда-то сидел на такой же наркотической цепи, сумел освободиться и пережить ломку. Та-Которая-Лечит оказалась сильнее голубых гранул. Предмет Падших Богов, принесенный ушастым другом, поможет выжить и ему. Вот только жаль, что доброе существо под плоской овальной крышкой умерло, отдав все свои силы измученному организму блайтера…

…И снова оттуда, из мрачных, недостижимых даже для эфемерного полета мысли глубин, до него донесся тягучий, тоскливый, рвущийся зов:

– КИМПС!..

Рогман вздрогнул, открыв глаза.

Рядом с ним сидел нетопырь. Из тоннеля по-прежнему тянуло гарью. Крики с той стороны давно стихли.

Увидев, что Рогман очнулся, Ушастый вдруг беззаботно опрокинулся на спину, подставив тусклому свету свое брюшко.

Рогман машинально запустил пальцы в короткий, мягкий подшерсток, поглаживая нетопыря, как делал когда-то очень давно, еще в период их совместного заточения.

Что-то случилось со старым Миром. Довольно попискивающий нетопырь, нежась под его пальцами, только усиливал это ощущение.

– Как же ты догадался, что мне плохо?.. – хрипло спросил Рогман, глядя на острые зубки, что обнажились в блаженном оскале маленькой, умиротворенной мордочки.

Ушастый не ответил, только пискнул, требуя, чтобы он продолжал

гладить мягкое брюшко.

– Нет, подожди… – Рогман осторожно привстал, предвкушая новый сокрушительный приступ слабости, но, к своему удивлению, он только пошатнулся, устояв на ногах. Дурнота действительно накатила, но тут же ушла…

Нетопырь внезапно насторожился, будто услышал чей-то крик… Вспорхнув с пола и широко расправив крылья, он беззвучно спланировал в освещенное красноватым светом чрево тоннеля.

Через минуту Ушастый вернулся, беспокойно покружил в воздухе и снова исчез.

Он звал его за собой. Нетопыря что-то сильно взволновало.

Рогман еще не верил, что остался жив… Все происходящее казалось сном, но не кошмаром, нет, – он страшился проснуться и осознать, что лежит где-нибудь в зале с молчаливыми Алтарями и умирает, а все, что связано с чудесным появлением Ушастого, – это лишь плод больного воображения…

Первый шаг дался ему с таким трудом, болью в суставах и приступом головокружения, что мысль о сне испарилась сама собой. Таких снов не бывает. Он выжил…

Пьянящее, граничащее с безумием ощущение внезапно обретенной свободы оглушило его… Рогман чувствовал, что слаб как ребенок, он осознавал, что потерялся в неведомых лабиринтах подземелий, вокруг явственно осязалась растущая с каждой минутой угроза, словно под потолком клубились, сгущались облака чего-то противоестественного, злого… а он стоял, растерянный, оглушенный ощущением вновь обретенной ЖИЗНИ, и понимал лишь одно: первая ломка позади, и уже никто не заставит его снова взять под язык эти проклятые голубые гранулы…

Он был СВОБОДЕН!..

Глава 4 Откровение

Тоннель оказался коротким, всего какой-то десяток метров отделял Рогмана от зала, где что-то жарко пылало, бросая мятущиеся отсветы огня по стенам.

Удушливый дым стлался под потолком, кружил в воздухе хлопьями сажи, лез в легкие, выворачивая их кашлем.

«Позвать бы сюда того этнама, кто утверждал, будто дикие не знают огня!..» – подумал Рогман, едва переступив порог обширного помещения, пол которого был скользким от пролитой крови, а посреди чадили два конусообразных жилища, окруженных распростертыми телами павших при их защите бойцов.

Все они относились к диким – породе существ, отдаленно напоминавших сенталов, таких же лохматых, кряжистых, низколобых, но несоизмеримо более глупых.

«С какой стороны еще посмотреть… – метнулась в голове Рогмана крамольная мысль. – Ползание в пыли, вслед за шерстобрюхом, да вечное рабство у Хозяев Жизни – это еще не признак превосходства…»

Подумал и внутренне смутился: с каких это пор в голове появились подобные мысли?!

Дымный сумрак скрадывал окружающие детали, но зал оказался не очень большим, и потому можно было разглядеть, что из него вело еще несколько выходов. Сейчас помещение выглядело пустым, кто бы ни напал на поселение диких, этот загадочный противник уже исчез.

Рогман недоумевал. В Сумеречной Зоне нечасто встретишь какие-либо поселения… обычно орды диких кочевали с места на место, питаясь тоннельной живностью. Они действительно не знали огня и не строили себе даже самых примитивных домов. И уж подавно не враждовали друг с другом – простор Сумеречной Зоны надежно разделял кочующие орды, чрезвычайно редко сталкивая их лбами.

Прикрывая ладонью глаза от жара и дыма, он подошел ближе к огню. Пять или шесть тел валялись вокруг в лужах собственной крови. Все они были убиты каким-то варварским способом: множество кровоточащих ран виднелись на каждом из тел, словно кто-то невидимый безнаказанно полосовал их ножом…

Присев на корточки, Рогман не побрезговал отвалить в сторону верхнее тело и увидел того, кто, собственно, явился обороняющейся

стороной.

Теперь ему стало ясно, откуда взялись два конусообразных жилища. Здесь, неподалеку от светящихся страшным, мертвенным светом бугров, что располагались через два зала отсюда, обитал отшельник из диких. Он и лежал под грудой навалившихся на него тел, сжимая в окровавленной руке артефакт Падших Богов. Именно сила артефакта искалечила шестерых нападавших и подожгла горючий материал жилищ, прежде чем старик (дикие называли таких отшельников Говорящими-С-Вещами) сам пал от руки соплеменников. Что послужило предлогом такой кровавой ссоры, Рогману оставалось только догадываться…

Он все еще озирался по сторонам, пытаясь доискаться причин разыгравшейся трагедии, когда из дымного сумрака с воплями выскочил Ушастый.

Рогман вздрогнул, когда нетопырь, подвывая, метнулся к нему так, словно хотел сшибить с ног или по крайней мере врезаться в лицо, обняв крыльями плечи…

Он невольно отшатнулся, но Ушастый затормозил полет, не прекращая своего визга, и вдруг в голове блайтера возникла четкая картинка: рухнувшая с потолка балка, скособоченное гнездо, мертвый, разительно похожий на Ушастого нетопырь, застрявший между повалившихся труб; торчащее из-за края гнезда сломанное крыло второго нетопыря, который еще слабо шевелится, пытаясь спихнуть непомерный груз раскаленной трубы, и пять маленьких, глупых, любопытных мордочек, что настырно лезут из-под крыла придавленной матери, чихая от дыма и удивленно разевая зубастые рты.

На секунду Рогман оцепенел от неожиданности – мнемонический вопль крылатого создания вышиб из головы все мысли.

Ушастый опять взвыл.

Его истеричный визг резанул по ушам, отдаваясь в нервы. Он молил: «Помоги!», а Рогман озирался, терял драгоценное время, соображая, к какой же части этого зала относится переданная ему картинка?!

Через секунду Ушастый понял его замешательство и свечой взмыл вверх. Задрав голову, Рогман проследил за его полетом и действительно увидел вверху хитросплетение труб, одна из которых рухнула и придавила расположенное там гнездо.

Не рассуждая больше, он метнулся взглядом по стенам, заметил Алтарь, соединенный с непонятным агрегатом, от которого змеились сотни разновеликих труб, и, позабыв про слабость, кинулся к древней святыне. В другой раз Рогман бы остерегся оскорблять Падших Богов, но сейчас стало

не до них, – прыгнув на скошенный выступ Алтаря, он услышал, как хрустнули, продавливаясь под его подошвой, маленькие квадратики, расположенные перед мертвым оком, а сам уже карабкался выше, на первый изгиб обмотанных блестящей, хрупкой фольгой труб.

Все оказалось не так просто, как могло показаться.

Дым застилал глаза, лез в нос, хлопья сажи мельтешили вокруг, а он карабкался по шатким трубам, под визг нетопыря, который взлетел к потолку, мечась над гнездом смутной, вопящей тенью.

Рогман никогда не лазил с такой скоростью, как сейчас. Куда подевалась дрожь в руках, почему так резко отступила слабость, откуда в голове стоит шум, словно в ушах отдается гулкий ритм пульсирующей крови, – об этом он не думал.

Ветхие трубы стенали, гнулись под его весом, а он продолжал карабкаться, чувствуя, как густеет дым, растет жар, выбивая из глаз слезы. Он задыхался, кашлял, но все равно лез, понимая: детенышам в гнезде еще хуже.

Карабкаясь вверх, Рогман подумал, что наверняка эта самка не имеет к Ушастому никакого отношения, иначе тот не нежился бы в соседнем зале, перевернувшись кверху брюхом и требуя от блайтера новой ласки…

Гнездо располагалось как раз в том месте, где большая часть труб, изогнувшись, двумя параллельными полосами заворачивала к стене и исчезала в ней. Та, что рухнула, была чуть крупнее других, и ее колено поворачивало не к агрегату и Алтарю, а вниз. Бросив взгляд в том направлении, Рогман понял причину несчастья: труба лишилась своей опоры. Говорящий-С-Вещами использовал вертикальную стойку, одним концом уходящую в пол, как основу для своего конусообразного жилища, просто навалив в наклон к ней листы пластиковой облицовки со стен, которые сейчас горели, пузырились, плавились, испуская черный едкий дым…

– Сейчас, Ушастый… Сейчас… – Рогман с усилием подтянулся, закидывая свой вес на настил из параллельно проложенных труб. Конструкция угрожающе покачнулась, но устояла. Он свесился за ее край и потянулся к придавленному гнезду. Тень нетопыря мелькала подле самого лица, слышалось резкое хлопанье крыльев, и Рогман, свесившись вниз головой, внезапно понял, что тот отчаянно пытается отогнать дым от его лица и от гнезда.

Ухватившись руками за обрушившуюся трубу, он ощутил жар, но не отдернул ладоней, а, наоборот, крепче вцепился пальцами в обмотанную хрупкой фольгой поверхность. После нескольких попыток ему удалось

приподнять обвалившееся колено и, раскачав, оттолкнуть его в сторону. Внизу буркнул дымом и взвихрился искрами пузырящийся костер расплавленной пластмассы, лицо обдало нестерпимым жаром, затрещали волосы, но дело было сделано – труба с грохотом обвалилась вниз, и Рогман увидел самку нетопыря. Она была жива, но, похоже, не могла двигаться, только ее осмысленный взгляд затравленно метался между свесившимся над гнездом блайтером и мечущимся под самым потолком Ушастым.

Настил из труб, на котором лежал Рогман, скрипел и постанывал под его весом. Тем не менее он еще немного подался вперед и запустил руки под теплое, обмякшее тело, почувствовав, как острые зубки кого-то из малышей тотчас впились в его палец.

Давясь удушливым дымом, он одного за другим извлек из гнезда пятерых птенцов и, за неимением лучшего, отправил их себе за пазуху. Малыши громко протестовали, но упавшая сверху крылатая тень тут же угомонила их протест. Рогман опять потянулся вниз и поднял из гнезда самку. Она закрыла глаза кожистыми веками и только вздрагивала от прикосновения человеческих рук.

Ничего, милая, потерпи, сейчас…

Оставалось убраться отсюда, в более спокойное и безопасное место.

«Хватит уже на сегодня…» – подумал он, ползком отодвигаясь от края настила и одновременно ощущая, как возвращается к нему противная дрожь и слабость вновь напитывает тело. Миг предельной концентрации сил минул, и теперь измученный ломкой организм брал свое. Рогман и без того понимал: нужно забиться в какую-нибудь щель, чтобы отдохнуть, иначе он попросту свалится без сил… Вот только Ушастый, которому впору было радоваться, отчего-то продолжал громко верещать, словно сошел с ума от горя…

Подчиняясь истошному визгу крылатого товарища, обессиленный блайтер глянул вниз и сомлел.

Пока он возился с гнездом, в зале появились гости.

Поганые Боги!.. Сердце Рогмана сжал спазм. ЭТО БЫЛИ ТЕ САМЫЕ КАРЛИКИ НА ПАУКАХ ИЗ ЕГО КОШМАРНОГО БРЕДА!..

Более двух десятков омерзительных созданий ползали вокруг догорающей лужи пластмассы, по поверхности которой метались голубоватые язычки пламени. У него зашевелились на голове уцелевшие в пожаре волосы, когда Рогман понял, что часть пауков уже оседлала трупы диких, запустив в их мертвую плоть свои хитиновые жвала, а те, кому не досталось угощения, понукаемые восседавшими на спинах карликами,

боком подбираются к основанию труб, не сводя с затаившегося там блайтера горящих голодным огнем глаз.

До сих пор Рогману казалось, что он хорошо знает Сумеречную Зону, а после хищного тумана, светящихся вздутий, зала с Алтарями и пережитой ломки его уже ничто не может удивить или испугать…

Оказывается, он не подозревал, что существуют чувства посильнее страха…

То, что подползало к основанию труб, гнало впереди себя волну мерзкого, туманящего сознание ужаса.

Эти существа тоже владели даром передачи мыслей, но использовали его иначе, чем нетопырь. Они общались со своей жертвой, властно приказывая: стой! Парализующая волна ползла по коже крупными ледяными мурашками. Несмотря на жар и дым, Рогман мгновенно озяб.

Огромные глаза смотрели на него, медленно, с наслаждением, капля за каплей выпивая рассудок… Их взгляд баюкал разум, но как страшен оказался смысл колыбельной: оцепенев, он видел черную, колышущуюся, перетекающую сотнями спин массу, которая неторопливо, но неуклонно взбухала, поднимаясь из неведомых глубин Мира… Их взгляд говорил: нас много… Мы идем… Сопротивляться бесполезно…

Возможно, паукам удалось бы взять его, если бы не восседавшие на их спинах карлики… вернее, один из них. Даже истошные вопли Ушастого не могли разрушить того оцепенения, что охватило Рогмана, – на несколько мгновений он действительно подпал под влияние черных, осклизлых мыслей… Смотрел на приближающуюся со всех сторон смерть и думал: «Раньше или позже… какая разница?..» И в этот страшный миг карлик, сидящий на спине передового паука, вдруг криво и понимающе усмехнулся.

Уродливая, пакостная улыбка резанула по нервам, как лезвие отточенного ножа. Мнемонический вопль Ушастого тут же ворвался в сознание, окончательно разрушая наваждение… Рогман вздрогнул всем телом, резко подавшись назад, и жвала паука отчетливо клацнули, схватив пустоту…

Ах ты, тварь!..

Он откатился по трубам, одной рукой приподняв покалеченную самку нетопыря, а другой выхватив из петельки на поясе клинок из голубоватой стали.

«Думай, куда бежать!» – шарахнул он в сторону Ушастого злой, сосредоточенной мыслью, а мономолекулярная сталь уже загудела, рассекая сначала воздух, потом ржавую труху крайней трубы, а вместе с

ней паука-карлика, наискось, поперек улыбки, что не успела сползти со сморщенного лица симбионта.

* * *

Бежать опять было некуда…

Это Рогман понял и без подсказки нетопыря. Все выходы из зала контролировали страшные существа.

Возможно, они не преувеличивали, показав ему мысленную картинку множества колышущихся спин, – прошло не больше минуты, а в зале уже не осталось места от прибывающих тварей. Рогмана, который, встав на четвереньки, пятился по трубам, одной рукой умудрившись прижимать к груди раненую нетопыриху, вдруг охватила смертная, безысходная тоска.

Почему это случилось сейчас, когда он едва жив, но обрел СВОБОДУ, сорвался наконец с незримой цепи… Что за рок преследует его?! Почему судьба предписала ему подохнуть здесь, меж старых трухлявых труб?!

Взгляд Рогмана затравленно метался по стенам в поисках несуществующего выхода.

Похоже, его действительно не было – спина уперлась в преграду. Ушастый, метавшийся под потолком, спикировал вниз и громко завизжал, распустив крылья. Храбрый зверек тоже осознавал всю безвыходность их положения, и теперь его яростный крик вызывал на бой всех тварей Сумеречной Зоны…

Вид оскаленной мордочки нетопыря, вставшего рядом с блайтером, ничуть не подействовал на голодных тварей. Трое из них уже вскарабкались по трубам, но не нападали.

Через некоторое время он понял почему.

В зал деревянной походкой вошло с десяток диких. Эти существа никогда не отличались особой сообразительностью, занимая некую промежуточную ступень между животным миром тоннелей и цивилизованными обитателями Города этнамов, но сейчас их поведение было вообще ни на что не похоже. Свирепые по натуре, не терпящие ничьего соседства, они спокойно шли между восседавшими на пауках карликами, сжимая в волосатых руках примитивные орудия убийства.

Рогман ощутил, как всколыхнулась волна чужеродных мыслей, словно сама тьма прошлась по залу своим черным крылом, и дикие, как по команде, задрали головы, уставившись на него.

Вот, значит, как… Вот почему они напали на своего же сородича, Говорящего-С-Вещами, который являлся личностью неприкосновенной для любого члена тоннельной орды. Ими управляли эти гнусные, оседлавшие

пауков отродья!..

«Ушастый!»

Острая мордочка повернулась к Рогману.

«Разбей их морок! Постарайся! Хотя бы на миг!»

Нетопырь понял. Он повернулся всем телом в сторону диких и заверещал, подкрепляя визгливой волной ультразвука свой мысленный посыл.

Несколько томительных секунд ничего не менялось. У Рогмана захватило дух, казалось, кости черепа сейчас треснут от исторгаемой нетопырем неслышной звуковой волны. Пауки в зале и на трубах беспокойно заворочались, даже те, кто уже пожирал трупы, вдруг задергались, ощутив неладное…

В воздухе царило нечто необычное. Рогман внезапно понял, что ОЩУЩАЕТ ЭТО.

Чувство оказалось сродни тому, которое охватило юного клонга два года назад, когда его рвануло в трубу вентиляции. Только в этот раз зуд не охватывал кончики пальцев, просто в голове исчез иссушающий звон…

Он совершенно не был готов к тем переменам, что творились внутри его сознания, которое внезапно рванулось вверх, будто могло существовать отдельно от бренного тела.

Но что больше всего ужаснуло Рогмана – там, наверху, над поверхностью бытия, его ждали!.. Ждали много лет… Словно с самого рождения знали о нем, а он в свою очередь знал, как обращаться с этим НЕЧТО…

Конечно, Рогману ничего бы не сказали такие термины, как наследственность и генная инженерия. Он просто до дрожи перепугался того, что сделал, когда его сознание вырвалось за пределы сущего и проникло в НИКУДА.

Нетопырь выглядел как бледное пятно на фоне ослепительного света. Сонмище пауков-симбионтов, наоборот, расползлось под ногами жирной кляксой иссушающей тьмы… Дикие вообще воспринимались как бесформенная масса серого цвета.

И над всем этим парил некий образ…

Рогман не мог описать лица. Его душа дрогнула, исказилась в нем, словно в зеркале, черты прекрасного, неведомого создания вдруг подернулись рябью, будто он своим присутствием всколыхнул их, как бывает, когда шлепнешь ладонью по поверхности воды, в которой живет твое собственное отражение…

Она ждала его… Ждала тысячи лет…

У нее не было собственной воли. Она являлась лишь отголоском, проводником, вечной памятью миллионов жизней.

Жизней, которые ушли, оставив ее одну, а по Миру растеклись серые пятна БЕЗМЫСЛИЯ…

КИМПС…

ЭТО БЫЛА ОНА!..

Совершенно одна, в оглушающей тишине Мира, который покинул разум. Потерявшая смысл. Утратившая волю. Сохранившая лишь слабую память о своем истинном предназначении и жажду… Неистребимую жажду любви. Жажду жизни…

Рогман вдруг отчетливо понял: кем бы ни являлась эта КИМПС, она бессильна перед растекающимся пятном черной проказы. Ей не дано бороться самой. Ей дано лишь право исполнять. Ту волю, что в конце концов возобладает в этом постмировом пространстве.

И еще Рогман отчетливо понял: именно он своим рождением разбудил КИМПС. Она очнулась лишь для того, чтобы ужаснуться постигшим Мир переменам и осознать: появившийся малыш слишком далек, до него не дотянуться, все исковеркано, сломано, а значит, и она уже ни к чему…

Она больше не могла созидать. Старый Мир умирал вслед за своими создателями. Все кануло в Лету, от былого остался лишь он, Рогман, – маленькая частичка плоти, да заветная карточка генетического кода, затерявшаяся где-то у самого дна Мира…

…Потом, спустя много лет, Рогман неосмысленно позвал ее в порыве отчаяния… и она пришла!.. Тогда в теснине сырой улицы Города этнамов он крикнул, приказал: спаси! И она безропотно рванулась к нему, подняла, унесла прочь… и вновь потеряла. Дряхлые стены не выдержали неистового рывка. Все содрогнулось, местами Мир рухнул, открывая новые пути миграции для населяющих его существ, выпустив из самых затерянных, гиблых подземелий эту самую черноту, что расползалась бездумной, алчной проказой, оккупируя ярус за ярусом, неуклонно подбираясь туда, где еще теплилось нечто отдаленно похожее на настоящую жизнь, такую, как была до катастрофы…

…Это наваждение длилось не больше нескольких секунд.

Он впитал ее мысли, ее боль, ее надежду, вместе с ней разум блайтера ужаснулся бедам Мира, и внезапно в его душе взорвался ком удушливой боли – очень долго он копил в себе ощущение неправильности, которое перерастало в темную ненависть к тем, кто пировал на останках настоящей жизни…

Рогман никогда не забудет дрожащих, плавящихся черт прекрасного

лица, которые исказились, впитав его мысли.

Голос молил – спаси.

Он же приказал – убей.

Серое пятно перед глазами расплылось, и вернулся дымный сумрак зала, жадные, горящие голодным огнем глаза, только вот с дикими что-то произошло – они встрепенулись, недоуменно озираясь, словно не могли понять, куда же это их занесло, потом взгляд одного из них зацепился за трупы родичей, которых оседлали пауки, и гневный рык перебил иссякающий визг нетопыря.

Волосатая рука с дубиной обрушилась на голову ближайшего карлика, размозжив того во влажное пятно на загаженном полу. Сумрак огласили вопли. В зале взвихрился водоворот тел. Волосатые создания неистовствовали. Очнувшись, они мгновенно осатанели от гнева и страха, совершенно не понимая, как оказались здесь, в окружении страшных враждебных существ. Волосатые исполины крутились на месте, круша все подряд, их дубины вздымались и падали с чавкающим звуком сминаемой плоти и ломающегося хитина.

Через минуту пауки, не выдержав бесноватого напора, прыснули в разные стороны, разбегаясь по тоннелям, а обезумевшие от побоища волосатые существа ринулись следом. Их разум уже застила кровь, и никакое внушение не могло проникнуть в этот момент под приплюснутые лбы диких.

Рогман в изнеможении оперся спиной о стену. Одной рукой он по-прежнему сжимал безвольное тело спасенной, а другая, отпустив прорезиненную рукоять оружия, легла на загривок притихшего, обессиленного нетопыря…

Они отбились, но какой ценой?

Ему не хотелось думать о странном и страшном видении, что посетило его, но как отделаться от ощущения содеянного?

Рогман призвал в этот Мир смерть. Он приказал «убей» той, кто стояла над всем сущим и была создана именно для того, чтобы исполнять приказы.

Она молила «спаси», а он ответил – «убей».

* * *

Дальнейшее Рогман помнил смутно.

Прижимая к груди раненую самку и орущих за пазухой малышей, он выбрался из задымленного зала, заваленного грудами отвратительных, искалеченных тел, и вверил свою ближайшую судьбу ушастому другу,

который тут же уверенно юркнул в один из тоннелей.

Рогману было все равно куда идти, лишь бы прочь, подальше от страшного зала, где он впервые заглянул в глаза своей судьбе…

Вот она какая… свобода… – рассеянно и даже несколько неприязненно думал он. Мысли ворочались в голове, как булыжники, такие же тяжелые, шершавые и холодные. Раньше его жизнь складывалась достаточно просто – ненависть к этнамам стирала различия дней, недосягаемая цель манила, срок приходил и уходил… и вдруг все стало иначе. Больше не нужно никуда спешить. Он предоставлен сам себе. Можно идти куда угодно, вот только вопрос – куда?

Сидящий на цепи Рогман фыркнул бы в ответ – как это куда? Естественно, за Перевал Тьмы, в те места, где обитает Мечта!

Мечта о чем?! Не над ней ли он в минуту смертельной опасности уже вторично приподнял полог тайны?! Несколько лет назад, когда неведомая сила вырвала его из лап смерти и вышвырнула в загаженный вентиляционный тоннель, он жутко испугался, но ничего не понял.

Мысль Рогмана тут же перескочила дальше – от загадочной причины ко вполне конкретному следствию, – в результате своего головокружительного полета он стал блайтером, вторично был продан в рабство, посажен на цепь…

Что это, стечение обстоятельств, которое принято называть непонятным, туманным словом «Судьба», или же чья-то воля, расчет, непонятная игра, в которой неведомая СИЛА двигает крохотные фигурки?

Лицо из видения преследовало его, путалось в мыслях, сбивало с толка… Его нежные, прекрасные черты ломались, рассыпаясь хрупкими осколками. Оно молило «спаси», но от чего? От сонмища симбионтов, что поднимались вверх из неизведанных недр Сумеречной Зоны? От их дара внушать, подчинять своему голоду волю иных существ? Или это существо искало спасения от своего одиночества, бессмысленности существования, ненужности – чувств, которыми был пропитан его умоляющий взгляд?..

У него возникло столько вопросов, что ответить на них, наверное, не хватило бы и жизни. Странно и страшно было ощущать себя сопричастным чему-то, чего не в состоянии постичь…

Пока он размышлял, вереница тоннелей привела их в очередной, ничем особо не примечательный зал.

Здесь Рогмана ждал отдых и еще одно потрясение.

Казалось, что жизнь вознамерилась наверстать упущенное, по ее мнению, время, отмеряя ему столько, что в другой раз не переживешь и за год.

Внушительных размеров сферический зал с высоким сводом и ячеистой структурой потолка, куда с радостным писком влетел Ушастый, служил местом обитания для сотен нетопырей. Рогман остановился, потрясенно разглядывая несметное количество флюоресцирующих гнезд и мятущиеся вокруг крылатые тени. Ощущение было такое, словно под потолком разлили разноцветный жидкий огонь.

Ушастый, облетев зал и обменявшись с некоторыми тенями приветственным визгом, вернулся к Рогману, панибратски закусил его за нижний край туники и, хлопая по полу крыльями, потянул в ту сторону, где возвышались какие-то древние конструкции.

Через минуту стало ясно, о чем так трогательно заботился нетопырь. Дело в том, что из-под сводов, от гнезд то и дело валились испражнения – по всему залу в дополнение к хлопанью крыльев раздавались влажные шлепки и витала стойкая вонь.

Ушастый привел его под крышу. Тут у стены тоже, как и в том помещении, где Рогмана едва не сожрал живой туман, нашлась небольшая комнатка. Внутри было сухо, чисто, и даже вонь не пробивалась сюда, отрезанная плотно прикрывающейся дверью.

После стольких злоключений Рогман едва стоял на ногах. В другой раз его бы сильно удивила обстановка этой маленькой комнаты, а сейчас блайтера заботило только одно – сон. Он присел на корточки у низкого стола, ножки которого оказались привинчены к полу, затем аккуратно, стараясь не причинить боли, положил не него раненую нетопыриху. В том, что она выживет, сомневаться не приходилось, но в данный момент ей тоже требовался отдых. Горячая труба сильно обожгла ее крыло. Рогман прошелся пальцами по тонким, полым косточкам, соединенным между собой кожистыми складками, но переломов не обнаружил.

Сделав ей гнездо из своей порванной туники, он уложил рядом пятерых птенцов. Они с писком полезли под ее здоровое крыло. Мать с усилием приоткрыла глаза и благодарно взглянула на Рогмана.

На возню с нетопырихой ушли остатки его сил. Он видел, как за мутным от грязи окном комнаты мельтешит тень Ушастого. Пришлось идти, открывать захлопнувшуюся дверь. Тот ворвался с яростным визгом, устремился было к приобретенной подруге, о которой, как понял блайтер, Ушастый теперь собирался заботиться, но остановился на лету, резко затормозив крыльями, всколыхнул воздух, разворачиваясь к Рогману, лизнул того в щеку и только после этого спланировал на низкий стол.

Там он затих, обняв одним крылом птенцов, а другим раненую, лишившуюся сил самку.

«Ложись… – говорил взгляд его глаз, устремленных на блайтера. – Не думай об опасности. Здесь тебя не тронет ни одна подземная тварь».

Откровенно говоря, Рогман уже дошел до той стадии изнеможения, что уснул бы, наверное, и посреди стада пауков-симбионтов.

А комната действительно была странной. Ее стены не были похожи на пластик, они источали такую же матовую глубину, как и глаза Алтарей. Посередине на небольшом подиуме было устроено ложе. Где-то рядом тихо и неуловимо журчала вода.

Стянув тяжелые, опостылевшие ботинки, Рогман доковылял до ложа, не задумываясь над тем, кому оно принадлежало до него, и с наслаждением упал, закрыв глаза…

* * *

Он провалился в пучину сна.

Нетопырь, которому спать оказалось недосуг, выскочил в щель, что специально оставил Рогман, подперев дверь снятым ботинком. Примерно через полчаса Ушастый вернулся. Его мордочка была измазана в крови, а в зубах он держал средних размеров крысу. Бросив добычу малышам, которые с остервенением накинулись на тушку своего дальнего, нелетающего родственника, он уселся на край стола, возле раненой подруги.

Глаза Ушастого начали закрываться сами собой… Дремота медленно овладевала им.

Внезапно он вздрогнул, широко распахнув свои огромные глаза. Звук, который испугал бдительного нетопыря, исходил от Рогмана. Блайтер со стоном повернулся, заскрипел зубами, потом с его губ сорвалось бессвязное восклицание. Ушастый внимательно посмотрел на него, понял, что тот бредит, и успокоился, опять начиная клевать носом…

…Сон, что приснился Рогману, был страшным, ненормальным.

Лучше бы ему пригрезился какой-нибудь жуткий тоннельный монстр – он бы спал при этом, сладко посапывая, но нет – Рогман метался, бредил, вскрикивал, потому что любой кошмар подземелий бледнел перед тем, что увидел обессиленный блайтер в своем кошмаре…

Хуже всего оказалось осознавать, что сон – это не сон!..

Каким-то непостижимым образом его сознание опять вырвалось на волю. Вырвалось и ушло в хитросплетение потусторонних каналов, которые пронизывали древний Мир. Он наблюдал. Ему докладывали. Кто-то отчитывался перед его ненавистью в буквальном выполнении приказа.

Рогман метался, кричал во сне, но у него не осталось сил, чтобы

проснуться и крикнуть – НЕТ!!!..

…Всю жизнь маленький безволосый клонг неосознанно мечтал оказаться в шкуре Эргавса, пожить хоть день как Управляющий Полями, которому все почтительно уступали дорогу.

И вот эта мечта сбылась.

Он влез если не в шкуру Эргавса, то в его мысли, ощущения…

Поганые Боги… Что же творилось в этот час на Плодородной Равнине!..

Он действительно влез в шкуру Управляющего Полями и стоял позади гомонящей на разные голоса толпы, глядя, как группа избранных во главе с самим Амбушем опасливо шагает по свежевспаханному полю, приближаясь к огромной прямоугольной дыре, что зияла в стене Мира, словно раззявленная глотка неведомого монстра.

В данный момент Управляющий испытывал досаду и страх. О том, что в стене Мира, огораживающей самое крайнее поле Плодородной Равнины, есть старые, плотно сомкнутые ворота, знал каждый клонг. Эргавс лично несколько раз пытался открыть их, но все его усилия неизменно пропадали даром.

И вот эти ворота открылись сами…

Эргавсу вдруг захотелось заскулить и забиться куда подальше, когда он вспомнил, как все случилось.

На поле шла обыкновенная, монотонная, ничем не примечательная работа. Ленивые клонги нестройной цепью ползли по пыли, засевая ее соей. Неподалеку стояла другая группа рабов, которые приволокли огромную бочку с водой и ждали своей очереди, чтобы начать полив засеянных участков.

Ничто не предвещало грядущих событий, пол под ногами завибрировал совершенно неожиданно, да так сильно, словно по нему кто-то принялся часто и равномерно молотить кувалдой.

Над полем раздался истошный, перепуганный визг шерстобрюха. Тупость и флегматичность этого животного уже стали пословицей среди сенталов, и то, что огромный слизень оторвался от пожирания своего завтрака, указывало на явную катастрофичность надвигавшегося события. Рабы застыли, словно изваяния, сам Эргавс чуть присел – вдруг отказали старые ноги и под коленями возник странный, парализующий холод…

Никто толком не понял, откуда исходят вибрация и гул, пока со стороны древних ворот не раздался громоподобный скрежет; затем со стены посыпалась труха, и вдруг на ровной поверхности обозначилась

вертикальная трещина…

Перепуганные рабы бросились врассыпную. Охранявший поле этнам, очнувшись от сонной одури, ошалело воззрился на раскрывающийся зев провала и тут же, сообразив, что к чему, кинулся прочь, громко завывая.

Акустика тоннелей, что сообщали между собой поля и город, была такова, что гортанный крик несущегося по проходу насмерть перепуганного стража звучал, словно рев аварийной сирены.

Поле перед открывшимися древними воротами тут же опустело. Клонги бросились врассыпную еще при первых звуках надсадного скрежета, справедливо полагая, что на их долю и так приходится слишком много бед для того, чтобы лишний раз испытывать злую судьбу в знакомстве с очередным безумным артефактом, который вдруг решил очнуться от векового забвения.

Такое на подконтрольной этнамам территории случалось довольно редко. Последний раз подобное событие произошло во времена правления деда нынешнего владыки города. Тогда все обошлось более или менее благополучно – рухнувшая стена внезапно открыла некий зал, полный разных непонятных устройств, но ни одно из них не подавало признаков жизни. Артефакты со всем почтением измазали жертвенной кровью, чтобы умиротворить живущий в них дух Падших Богов, и благополучно оставили ржаветь на том самом месте, где и нашли.

В этот раз ситуация складывалась намного серьезнее.

Внутри открывшегося провала злобно вспыхивали разноцветные сполохи красного и синего света, а это уже само по себе являлось дурным знаком.

Однако никакие зловещие предзнаменования не могли остановить толпу любопытных, что потихоньку собиралась на окраине злополучного поля. Сначала это были отдельные группы смельчаков, затем, когда из города выступили срочно сформированные отряды воинов под предводительством самого Правителя Амбуша, который, несмотря на возраст, стоически волок на себе то самое оружие Падших Богов, что оставило паленые шрамы на его шерсти, любопытных стало гораздо больше. По мере движения процессии, которую возглавляли двое служителей культа Падших, несущих на вытянутых руках чаши с жертвенной кровью срочно умерщвленных крыс, к этнамам присоединялись крестьяне, за ними, осмелев, потянулись бросившие свои мотыги рабы, никогда не упускавшие повода побездельничать и поглазеть на чудо, прячась за нестройными шеренгами воинов…

Когда процессия вышла на поле, там все оставалось по-прежнему.

Огромные ворота были открыты, изнутри пробивались яркие сполохи голубого и красного света.

Для всех, включая и служителей древнего культа, оставалось загадкой, какая темная сила заставила открыться давно бездействующие ворота, на которые уже много лет со стойким вожделением посматривал Управляющий Полями. По его мнению, за ржавыми створами скрывались новые вереницы освещенных залов, и вот теперь он, сильно разочарованный, стоял чуть поодаль от основной толпы, меланхолично ожидая, чем все закончится. Умудренный жизнью Эргавс уже понял, что никаких новых полей за воротами нет, а все остальное не вызывало в нем того нездорового любопытства, что заставляло толпу шуметь и волноваться, то сминая некое подобие рядов, то растягивая их…

Наконец вперед выступил Амбуш. За ним потянулись бойцы из Высокородных этнамов. Служители Падших Богов на минуту замешкались, но их быстро вытолкнули из толпы и, понукая остриями копий, погнали к открывшемуся в стене зеву.

Эргавс презрительно скривился, заметив, как побелели лица служителей культа Падших, а чаши с кровью в их руках заметно дрожали, выдавая животный ужас тех, кто их нес.

«Они хороши, только когда собирают подаяние на площади…» – подумал Эргавс, ощутив смутное, неосознанное беспокойство. Будто в этот самый миг невидимая сила осторожно коснулась его разума и тут же отпрянула, изумленно воззрившись на Управляющего из-под невиданных высот. Так мог бы он сам смотреть на случайно обнаруженное в собственной шерсти диковинное насекомое… «Что за странная тварь ползает там, где ей не положено быть?!» – приблизительно так можно было обрисовать возникшее и тут же истаявшее ощущение направленного на тебя взгляда со стороны.

Эргавс беспокойно заворчал. Что это грезится всякая чушь?!

В этот миг служители культа Падших наконец вошли в провал.

Неизвестно чего ожидала толпа, но гул голосов моментально стих. Амбуш, возившийся с оружием Мрачных Богов, со щелчком расправил треногу и гордо выпрямился, вцепившись волосатыми пальцами в хитрую систему из изогнутых трубочек. Эргавс, которому тоже передалось общее возбуждение ожидания, успел подумать, что Правителю явно не хватает роста, чтобы стоять за оружием Падших, но закончить свою мысль он не успел – из сияющего разноцветными сполохами входа выскочили будто ошпаренные оба служителя культа.

– Радуйтесь! – повалившись в пыль свежевспаханного поля,

закричали они. – Падшие Боги явили милость! Они посылают нам новую огромную Пасть, которую нужно прилежно кормить, чтобы на земле этнамов всегда пребывали свет и тепло!

Толпа разразилась необычайным гвалтом. Те, кто посообразительнее, уже запускали руки в липкую почву орошенных участков поля и, набрав пригоршни грязи, устремлялись к провалу.

Эргавс истошно зарычал, но никто не обратил внимания на Управляющего. После столь счастливого разрешения всех ожиданий каждый считал своим долгом первым накормить голодную Пасть. Ведь неизвестно, какую милость даруют Падшие Боги тем, кто первый удовлетворит многовековой голод их детища.

Эргавс попытался как-то вразумить их, остановить начавшееся сумасшествие, но добился лишь того, что был сбит на пол и едва не затоптан.

Никто не хотел обращать внимания на его предостерегающий рык. Никому не было дела ни до вытоптанного, разоренного поля, с которого теперь все без разбора беззастенчиво уносили в угоду голодной Пасти драгоценную почву, ни до тех последствий, что могли наступить от такого необдуманного жертвоприношения.

В конце концов разъяренный Эргавс отполз в сторону, чтобы не быть растоптанным.

Он до сих пор не видел, что же скрывается в сине-красной мгле за воротами, но недобрые предчувствия буквально снедали Управляющего. Вот так же много лет назад он, не задумываясь о последствиях, уже накормил одну голодную Пасть, едва не поплатившись за это своей шкурой, но разве их вразумишь?!

Уже почти вся толпа влилась в открытые ворота, когда оттуда внезапно раздался громкий, отчетливый рев.

Это был хорошо узнаваемый голос Падших Богов. По волосатой шкуре Эргавса продрал ледяной озноб.

Вот так же орал тот Алтарь, прежде чем взорваться и исторгнуть Рогмана…

– ВНИМАНИЕ! ВОССТАНОВЛЕНО ПЕРВИЧНОЕ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ СЕКТОРА! ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ, НЕ ИМЕЮЩИМ ДОСТУПА КЛАССА «А», ПРОСЬБА СРОЧНО ПОКИНУТЬ УРОВЕНЬ! СЕЙЧАС БУДЕТ ПРОИЗВЕДЕН «ХОЛОДНЫЙ» ПЕРЕЗАПУСК[3] СИСТЕМ!

Несколько секунд после того, как стих голос, над полем висела

гробовая тишина, от которой на теле Эргавса встала дыбом шерсть.

Он не понимал того, что орал этот голос, но ничего доброго уже не ждал. Все получалось слишком похоже на тот случай с взорвавшимся Алтарем.

Толпа, только что с восторженным гоготом кормившая ненасытную Пасть, с воплями ринулась обратно.

Не всем желающим хватило места в широких воротах, кого-то сбили с ног и тут же затоптали, раздался истошный визг, гневные выкрики Высокородных слились с воем быстро впадавших в истерику клонгов, и паника выплеснулась из зева ворот на простор разоренного и вытоптанного поля…

Эргавс благоразумно отступил к стене. Среди воцарившегося хаоса только Амбуш да еще несколько Высокородных, что окружали Правителя около установленной им треноги невиданного оружия, остались неколебимы, будто утес, рассекающий своей скалистой грудью пенный поток…

– …РЕАКТИВАЦИЯ ПОДСИСТЕМ ОХРАНЫ И НАБЛЮДЕНИЯ!

– …ТЕСТ ПРОВАЛЕН, ПОВТОРНЫЙ ПЕРЕЗАПУСК!

– …ДЕФЕКТ ОБОРУДОВАНИЯ… СКАНИРОВАНИЕ…

– …ПРИСУТСТВИЕ КСЕНОМОРФНЫХ ЖИЗНЕННЫХ ФОРМ!..

– …ТРЕВОГА!..

Голос, вновь зазвучавший над многострадальным полем, показался Эргавсу несколько другим, более мягким, что ли? «Быть может, это говорит самка Падших Богов?» – со смятением подумал он.

– …БУДЕТ ОСУЩЕСТВЛЕНА ЗАЧИСТКА ПОРАЖЕННОГО СЕКТОРА! ПОВТОРЯЮ: АКТИВИРОВАН ВОЕННЫЙ КОНТРОЛЬ!

Эргавс уже понял: сейчас случится что-то скверное. Такого длинного монолога со стороны невидимого голоса не слышал никто из ныне живущих.

Он начал пробираться вдоль стены зала к выходу.

Сзади кто-то дико, истошно закричал.

Эргавс не оглядывался и, может, потому остался жив. Упав на четвереньки, он, подвывая от ужаса, полз к тоннелю, а земля под ногами ходила ходуном, гулко отдаваясь тяжкой поступью чего-то неимоверно древнего, непостижимого и потому особенно жуткого…

…Рогман закричал, забился во сне, но открыть глаза, очнуться оказалось выше его сил.

Гораздо милосерднее оказалось сознание самого Эргавса.

Оно погасло, не выдержав надвигающегося сзади ужаса, и измученный кошмаром Рогман наконец затих, неестественно вытянувшись на жестком ложе.

Вот только его душа, где бы она ни витала, еще не вырвалась из цепких объятий нереальности. Новые картины поплыли в клочьях сна, и неизвестно, что оказалось страшнее для юного, сорвавшегося со своей цепи блайтера, – сцены пробуждения неведомой древней жизни или же то, что было продемонстрировано ему дальше…

…Сознание плавно скользило средь красноватых сумерек огромных залов.

Душу Рогмана наполняла скорбь, но он не мог отчетливо осознать – принадлежит это чувство ему или же кому-то другому? Быть может, его разум попал в плен, и им теперь пытается управлять эта загадочная КИМПС, чей искаженный образ никак не шел из головы?

Вряд ли… Может быть, он и смотрел на багряные сумерки посредством чужих глаз, но скорбь, хотя бы наполовину, принадлежала ему. Чувство оказалось слишком глубоким, оно всплывало из глубин неподконтрольной разуму генетической памяти…

Величественные Алтари возвышались повсюду. Их укрывал толстый многовековой слой пыли, но даже сквозь ее серый, неживой бархат на скошенных панелях просвечивали редкие, сиротливые огни. Все они были одинакового рубиново-красного цвета.

Потом красные сумерки истончились, пропали, и им на смену выплыл один необъятный зал, в котором концентрическими кругами были расставлены вытянутые, продолговатые саркофаги, покоящиеся на массивных черных постаментах.

В большинстве своем они оказались темны, как ночь, лишь редкие из них просвечивали нежно-голубым сквозь запыленные прозрачные крышки.

Сознание Рогмана приближалось, наплывало на них, и отчего-то ледяной холод ПРЕДЧУВСТВИЯ сжал его сердце…

КТО Я?

Этот вопрос неосознанно бился в пульсе его крови, он пропитал своей горькой безответностью каждую мысль в таинственной глубине мозга, которую принято называть подсознанием. Всю жизнь он жаждал ответа на данный вопрос и отчаянно боялся его получить.

Эргавс ответил на него по-своему и по-своему оказался прав.

Рожденный из Грязи, выродок, исчадие Алтаря.

Мысленный кадр все увеличивался, и сердце в груди спящего Рогмана

почти что остановилось. Сквозь пыль, покрывающую выпуклый колпак, явственно проступали контуры лежащего внутри тела.

Будь на нем одежда, Рогман бы усомнился. По крайней мере у него остался бы повод для будущих сомнений. Лазейка к отступлению.

Но нет. Тело под выпуклым колпаком было обнажено, лишь тонкие, змеящиеся по восковой коже проводки прикрывали его кричащую наготу.

Сомнений быть не могло. Тот, кто лежал в освещенном голубым светом саркофаге, в окружении величественных Алтарей, являлся таким же, как Рогман. Человеком его племени. Богом.

Падшим Богом.

…Скрежет зубов разбудил Ушастого. Он открыл глаза, посмотрел на спящего человека, заметил, как кожа обтягивает его внезапно заострившиеся черты, попытался коснуться мыслей блайтера и испуганно отпрянул, даже вздрогнул всем своим маленьким тельцем.

…Рогман видел: существо под прозрачным колпаком мертво. Он не знал, для чего предназначен саркофаг, но пятна проказы, выдающие процессы медленного разложения тканей, не могли обмануть блайтера. Кто бы он ни был, Бог или нет, но смерть оказалась властна над ним.

На смену страху и недоверию накатила волна отчаяния.

Стоило увидеть ЭТО, чтобы полнее осознать собственное одиночество. Ему пытались внушить, показать, кто он? Зачем?!

Ответа на данный вопрос, наверное, не было и у той силы, что заставила его сознание совершить это страшное, с точки зрения Рогмана, путешествие в никуда.

Он больше не хотел этого видеть. Он не желал знать, кто на самом деле породил его.

Однако вырваться из цепких объятий нереального, потустороннего Мира теней оказалось не так просто. Он был, и это по какой-то причине меняло порядок вещей.

Старый, дряхлый Мир чего-то ждал от него. Он умирал, агонизировал, и этот процесс казался необратимым. Да никто и не собирался его менять. Как может двадцатилетний раб изменить окружающую его реальность, которая формировалась на протяжении сотен, а может быть, и тысяч лет? И для чего ему делать это?!

Часть II За перевалом тьмы

Глава 5 Всадник

Вороны уже давно перестали кружить над полем. Их пир кончился еще осенью, остатки мяса смыло дождями с обглоданных костей, потом настала пора, и с фиолетовых небес принялся падать тихий первый снежок незаметно подкравшейся зимы…

Прошло время. Зима не может длиться вечно, и снег стаял, хотя по утрам еще стояли морозы. Робкая весенняя поросль пробилась сквозь прошлогодний пожухлый травостой, в свою очередь прикрыв страшную наготу выбеленных черепов, и только отблески утреннего солнца, которое посылало к стылой земле свои ранние, подкрашенные ультрамарином лучи, нет-нет да и пробегали по хрупкому инею, и тогда в седой от изморози траве синеватой искоркой вдруг вспыхивал потускневший глянец на лезвии уже тронутой ржавью боевой секиры, или забрало валяющегося тут же шлема вдруг игриво отражало шальной солнечный луч, словно пустые глазницы хранящегося за ним черепа могли что-то разглядеть в морозных красках начинающегося утра…

Наступал обычный, ничем не примечательный день той ранней весенней поры, когда природа только открывает глаза после зимней спячки, лужи все еще замерзают на ночь, а первая трава рискует погибнуть, не дожив до рассвета…

…Фиолетовое солнце поднялось выше, и его лучи стали теплее. Иней на траве таял, образуя дрожащие капельки росы. Место прошлогодней битвы, расположенное в низине, у предгорий, постепенно укрывал зыбкий туман, поднимавшийся от влажной земли длинными перистыми полосами.

Казалось, что тут уже давно нет никого, кто бы осмысленно двигался среди звонкой, хрустальной тишины: даже вороны, и те улетели, откочевав на юг с первым снегом, и пока что не спешили возвращаться…

Обманчивая тишина висела над усеянным костями полем, пока этим утром ее не нарушило сразу несколько необычных звуков: тихий, царапающий перестук, легкое бряцанье да свистящий выдох какого-то крупного животного…

Одинокий всадник плыл среди полос тумана, будто гротескная, подвешенная в воздухе фигура. Нижнюю его часть скрывала эфемерная завесь идущих от земли испарений – над непроницаемыми для глаза перистыми разводами молочно-белой мглы виднелась лишь вытянутая шея и маленькая голова ездового цефала.[4] Чуть выше мерно покачивался

мощный торс всадника, облаченный в металлокевларовый пластинчатый доспех, чьи поперечные полосы так искусно соединялись между собой неприметными стяжками, что броня удивительно мягко обтекала контур могучих плеч шуршащим наслоением уложенных внахлест пластин.

Голова могучего всадника (о его силе, бесспорно, свидетельствовала и ширина плеч, и раскрытый клюв цефала, что явно изнемогал под непомерной ношей) не была в данный момент покрыта шлемом, открывая утренним лучам солнца обветренное лицо, ясные голубые глаза, которые окружала едва приметная сеточка морщин, и косой шрам на лбу, что уходил вверх длинной залысиной, в конце концов исчезая в тронутых проседью волосах незнакомца.

Его шлем болтался сзади, зацепившись за шейное кольцо брони мягким шнурком из сыромятной кожи.

Нужно отдать должное той части экипировки дюжего воина, что оказалась доступна взгляду. Она являлась замечательным образцом оружейного искусства, но особенно это относилось к его головному убору. Шлем был яйцеобразным, его забрало не имело прорезей для глаз, а представляло собой выпуклую дымчатую пластину из материала, похожего на матовое стекло. В то же время этот материал никак не мог быть сродни хрупкому кварцу на шлеме, который сопровождал своего хозяина уже не первый поход, тоже виднелись своего рода шрамы – две длинные вмятины пересекали его гребень, но рубящее оружие, что оставило эти царапины на прочнейшем металлокелавре, не смогло повредить хрупкого на вид дымчатого стекла, на нем два углубления и обрывались, безо всякого намека на дальнейший след.

Еще одной странностью экипировки воина являлись два гофрированных шланга, которые вели от затылка шлема к шейному кольцу брони. Их присутствие на доспехах казалось неуместным, а предназначение – загадочным.

Вооружение всадника наполовину скрывал туман, но по торчащим над крупом цефала, по обе стороны от седла, рукояткам можно было с уверенностью сказать, что тут присутствовал меч (довольно длинный, если брать в расчет размеры его видимой части), снабженный оптическим прицелом арбалет, пучок метательных дротиков и боевой топор, чье лезвие покоилось в чехле из выделанной кожи.

Всадник двигался от предгорий в сторону равнины, все глубже и глубже погружаясь в туман, и вскоре скрылся бы в нем вовсе, если бы не оживший к этому часу ветерок, что слабо подул со стороны далекого озера.

Эти слабые эманации воздушной среды свили медленное,

замысловатое кружево, заставив перистые полосы свернуться в распадающиеся на глазах кольца, потом, пока он спускался с последней каменистой осыпи, смешали их и унесли прочь, открыв взору всадника обширное поле, покрытое прошлогодней травой, в которой тут и там валялись страшные и немые свидетельства отгремевшего хмурой осенней порой жаркого боя…

Заметив, куда он заехал, всадник натянул поводья, остановив цефала, и легко спрыгнул на землю. Умное животное, внезапно освободившись от нагрузки, приподняло оперенный зад, распрямив мощные лапы, покрытые мозолистой, чешуйчатой кожей, и, испустив довольное шипение, тут же воткнулось в траву своим широким клювом, выискивая, чем бы поживиться меж пожухлых холмиков прошлогодней растительности.

– Но, но, Гранд, не тревожь кости! – Голос воина прозвучал необычайно сильно и глубоко в окружающей тишине. Заметив, что его верный спутник не очень-то внемлет звукам человеческой речи, он, не церемонясь, но с видимым усилием разогнул длинную шею цефала, заставив того извлечь клюв из пожухлой травы. Ездовое животное посмотрело на хозяина и требовательно зашипело. Тогда тот отстегнул от седла притороченную к нему торбу, поискал глазами свободный от белеющих костей участок и высыпал на него мелко нарубленные сухие, почерневшие плоды.

– Иди сюда, Гранд.

Цефал послушно подался вперед.

– Вот тут и ешь… – Хозяин потрепал его по длинной шее и отвернулся, возвращаясь к прерванному занятию.

Опустившись на колени, он пробормотал несколько неразборчивых слов, очевидно совершая тем самым какой-то ритуал, а затем решительно разгреб руками траву, обнажая лежащий в ней скелет.

Несомненно, то был воин-дрон. Вытянутый, узколобый череп скалился двумя рядами заостренных клыков. Добрые вороны выклевали его глаза, оставив зиять на их месте пустые дыры, за которыми пряталась темнота. Шлем с порванными завязками валялся неподалеку. Краска облупилась с него, и местами на темной поверхности металла проступила рыжая проказа ржавчины.

Однако взгляд путника приковал к себе не шлем и не череп – по ним он только вскользь прошелся настороженным взглядом, гораздо больше его заинтересовал панцирь, в который был облачен скелет…

Вернее, не сам доспех, а зияющая в нем крохотная дырочка, что, вероятно, и послужила причиной смерти дрона.

«Странное оружие», – подумал он, переворачивая панцирь. Кости дрона затрещали, несколько фаланг пальцев остались лежать, примерзшие к стылой земле, остальные же части скелета удержались на высохших сухожилиях, только неприятно клацнули, ударившись о доспех.

С обратной стороны панциря зияла такая же маленькая дырочка. То, что убило дрона, прошило его насквозь вместе с броней и улетело прочь…

Он попытался вообразить себе такое оружие, но не смог. Ничего подобного встречать раньше не приходилось. Ни одна стрела не могла проделать столь малых, аккуратных дырочек, а уж тем более не копье и не дротик. Тут крылась какая-то загадка.

Впрочем, загадок вокруг как раз хоть отбавляй…

Воин встал с колен, отряхнулся и посмотрел на поле, усеянное молчаливыми свидетельствами жестокой битвы.

Меж белеющих тут и там костей ясно выделялись странные углубления. В них не росла трава, будто кто-то выкопал беспорядочно расположенные, конические ямы, разбросав вокруг вывороченный дерн…

С кем же сразился отряд зверозубых воинов?!

Этот вопрос все больше волновал странника, но ответа на него он пока не видел.

Странно… Странно и даже жутко…

Зверозубые являлись не единственным племенем, что обитало в горах, за которыми, как гласили поверья, начинался спуск в страшные, мертвые подземелья. Но лишь дроны, насколько он знал, были столь бесстрашны… или глупы, что решались спускаться туда в поисках старинных вещей, которые издревле ценились у всех племен и народов.

Впрочем, зверозубые спускались со своих гор не только в страшные подземелья. Они с такой же охотой учиняли набеги на селения людей, отчего между двумя народами шла долгая борьба, не утихавшая много поколений. Но Бриан (так звали путника) определенно знал, что осенью никаких карательных или иных отрядов не уходило в гиблые по этому времени года места. Да и среди белеющих костей нет ни одного инородного существа, будто неведомая сила выкосила отлично вооруженный отряд и унеслась прочь, оставив на поживу воронам мертвые тела.

«Что ж… – решил он, оставив в покое тела погибших, – одним отрядом мародеров будет меньше этим летом…»

И все же он продолжал ощущать сильное беспокойство. Не всегда враг твоих врагов – твой друг, это Бриан знал наверняка. Будь тут добрая стрела, застрявшая меж пластин панциря, или проломленный ударом секиры шлем, он бы успокоился, порадовавшись победе неведомых ему

удальцов, а так… Нехорошо это, не к добру, когда сильный отряд свирепых воинов гибнет на своих землях невесть от чего…

Подозвав цефала, он уже хотел было вскочить в седло, но в этот момент его взгляд, машинально блуждающий меж останков, зацепился за странные неровности, что пролегли по земле в виде цепочки ясно различимых, но уже оплывших от времени следов…

Пройдя несколько шагов, Бриан нагнулся.

Да, это, несомненно, были следы, и относились они к тому времени, когда погиб отряд дронов. То, что они сохранились на протяжении многих месяцев, объяснялось достаточно просто: отпечатки оказались столь внушительны, что Бриан мог без труда предсказать – они будут видны еще много лет, даже когда зарастут травой…

– Ты смотри… – пробормотал он, вложив свою ладонь с растопыренными пальцами в отпечаток чьей-то трехпалой ноги. Его пятерня не покрыла и четверти следа! Похоже на лапу существа, которое сродни его Гранду, но раз в десять крупнее… Вот уж когда поверишь в сказки о древних чудовищах, что когда-то хранили Мир от своевольных миграций различных рас!..

Закончив с осмотром, Бриан вскочил на терпеливо ожидавшего цефала и снял со специального крючка арбалет.

Открыв крышечку, которая защищала стекло прицела от влаги и пыли, он приник глазом к окуляру оптики, исследовал туманный горизонт, затем его взгляд, усиленный оптикой, переместился к горам, откуда он держал свой путь, и только описав прицелом полный круг, воин успокоился… Кем бы ни был орудовавший тут осенью монстр, сейчас он, наверное, уже далеко.

– Поехали, Гранд, – негромко приказал он своему пернатому скакуну.

Наевшийся цефал спокойно пошел вперед, слегка раскачиваясь на ходу. Его всадник отпустил поводья, продолжая разглядывать землю, испещренную свидетельствами давнего боя. При этом его губы беззвучно шевелились, словно он шептал про себя какие-то слова, не то совершая очередной ритуал, не то стараясь мысленно перечислить и крепче запомнить все виденное этим туманным утром.

Гранд, довольный тем, что хозяин не понукает его, шел неторопливой поступью в ту сторону, откуда окрепший ветерок доносил слабый, далекий запах воды. После плотного завтрака животному хотелось пить, и, принуждаемый инстинктом, цефал не знал, что несет его задумавшегося хозяина навстречу судьбе…

* * *

Земля лежала перед ним по большей части бесплодная.

Предгорья, освещенные голубой звездой, вообще пользовались славой дурных мест, и появляться тут таким путешественникам, как Бриан, доводилось либо поздней весной, либо ранней осенью. Объяснение тому крылось в непонятных, даже загадочных циклах местной природы – голубое светило вело себя крайне непостоянно: летом оно набухало, превращаясь в огромный пылающий шар, сжигающий все вокруг своими нещадными лучами, зимой же, наоборот, уменьшалось, истаивало, словно удаляясь в глубь неведомого пространства, и тогда предгорья сковывал лютый холод. И только в межсезонье тут можно было жить таким существам, как Бриан.

Зверозубые же, как и родственные им племена зеленокожих, чувствовали себя вполне вольготно под светом голубой звезды. Зимой они прятались в глубоких пещерах, вход в которые затягивали собой необыкновенные, с точки зрения Бриана, полурастения-полуживотные – огромные студенистые пробки, мягкие изнутри и ороговевшие снаружи. Они жили в тоннелях, летом растекаясь по стенам и потолку клейкой массой, а зимой прочно перегораживая вход в пещеры для холода и припозднившихся животных. Была ли для студенистых пробок какая-то выгода от сожительства со зверозубыми, Бриан не знал. Он вообще сомневался, что дроны и их родственные племена способны на осмысленное приручение каких-либо животных. Они жили исключительно охотой, разбоем и воровством, причем двум вторым занятиям отдавали явное предпочтение.

Увлеченный такими мыслями, странник не заметил, что его путь совпадает с идущей параллельно цепочкой трехпалых следов.

Полагаясь на природное чутье Гранда, он ощущал себя в относительной безопасности: умное животное прекрасно ориентировалось на равнине, и любого врага, будь то четвероногий хищник или двуногий разбойник, верный цефал чуял загодя. Пока же он шел, равномерно раскачиваясь, можно было спокойно предаваться своим мыслям. Но стоило животному сбиться с шага или проявить иное беспокойство, как Бриан тут же вскидывал голову, пристально всматриваясь в окрестности.

Вот и сейчас Гранд внезапно вздрогнул и замедлил шаг, приподняв свою маленькую головку в том направлении, куда вели огромные трехпалые следы.

Бриан мгновенно очнулся. Осадив животное, он опять снял с

седельного крючка арбалет и приник глазом к оптике прицела.

То, что он разглядел в тонкой паутинке координат дальномера, заставило его вздрогнуть.

Нужно сказать, что странник, путешествующий в одиночку по исконно вражеским землям, загодя должен представлять себе все трудности и даже смертельную опасность такого предприятия, и Бриан был далеко не робкого десятка. Не первый год он забредал в эти места и, как поговаривали в его родном селении, вел себя, как бешеный пес, что не боится ничего в своем слепом безумии. Для этого у Бриана были свои причины. Немало зверозубых дронов легли плашмя под его секирой, но сейчас он вздрогнул, потому что увидел нечто, не укладывающееся в рамки его сознания…

Поднимая прицел своего верного арбалета, он, конечно, не рассчитывал увидеть что-то приятное его взору, даже больше, указательный палец, что лег на собачку спусковой скобы, ясно указывал на намерение послать тщательно оперенную стрелу с наконечником из титана в потревожившее цефала существо, будь то дрон, зеленокожий или же просто хищный зверь, но вместо этого Бриан резко опустил оружие и толчком пятки поворотил Гранда, который, будучи отлично выдрессированным, с места сорвался вскачь, покрывая одним шагом чуть ли не по три метра.

Совершив такой не свойственный ему поступок, как бегство, могучий всадник загнал цефала за одиноко торчащую из земли скалу, спешился и, прихватив арбалет, стал ловко карабкаться по выветренному камню.

– Пошел прочь, Гранд… – обернувшись на полпути до вершины, прошипел он, и цефал, отлично понимающий если не слова, то интонации хозяина, спокойно потрусил в сторону озера.

Бриан тем временем продолжал карабкаться, подтягиваясь на жилистых руках с уступа на уступ. Эта одинокая скала не раз служила ему прибежищем, а за цефала он мог не беспокоиться – умное животное будет ждать где-нибудь поблизости, выбрав позицию по своему звериному усмотрению, но стоит ему подать условный знак, и Гранд тут же окажется рядом – не зря же он «высиживал» то яйцо, из которого вылупился цефал!..

Впрочем, сейчас голова Бриана была занята совсем иными мыслями, ему было попросту некогда беспокоиться о своем пернатом друге. Взобравшись на плоскую вершину скалы, по краям которой были заботливо уложены каменные обломки, образовывавшие шаткий круговой парапет (толкни ногой, и камни тут же валом покатятся вниз), он ничком бросился на «пол» этого своеобразного укрепления и подполз к ближайшей амбразуре, которой служила предусмотрительно оставленная щель между

камнями.

Сорвав со спины арбалет, он опять приник к прицелу оружия.

Только теперь, переведя дух, он смог спокойно рассмотреть, какой опасности только что избежал.

При этом он искренне радовался тому, что остался жив и успел незамеченным взобраться на скалу. Тех, кто не делал различий между храбростью и глупостью, добрый воин Бриан по прозвищу Бешеный Пес просто-напросто презирал. Нет ни чести, ни храбрости бесславно погибнуть под ударом такой толпы зеленых, что он увидел в свой оптический прицел.

А вот понаблюдать за ними и по возможности нанести неожиданный, смертельный удар даже такой толпе, с которой не справится и десяток могучих воинов, он считал занятием не только достойным, но и жизненно важным. Тем более что вели себя зеленокожие весьма странно…

Пока око прицела ползло паутиной своей сетки по злобным, вечно ухмыляющимся рожам жителей пещер, он насчитал тридцать бойцов, вооруженных длинными луками и короткими мечами. В отличие от дронов они носили доспехи из грубой кожи каких-то обитателей глубинных лабиринтов. Пробить такую защиту из арбалета – плевое дело, но Бриан сдержал эмоции, не желая обнаружить себя раньше времени.

Сетка прицела сместилась дальше, и теперь в нее попало какое-то странное устройство, что волокли на себе два десятка грязных, оборванных рабов.

Рука Бриана опять дрогнула, как и тогда, в первый раз. Еще со спины цефала ему показалось, что в оптике мелькнуло грязное, покрытое синяками и струпьями человеческое лицо, теперь же он смог убедиться в этом воочию.

Среди рабов действительно находился человек, и этот факт сам по себе являлся донельзя странным. Еще никому не удавалось пережить зимы в горах, даже если бы и в пещере у дронов или зеленых. Они ели совсем не то, что пригодно человеку, их вода, хоть и походила на обычную, но являлась не чем иным, как медленным ядом, их обычаи и быт были столь грязны и невыносимы, что ни один человек не выжил бы и месяца в их орде…

Бриан мог бы назвать еще около десятка причин, по которым человек просто не мог находиться среди обитателей гор, пусть даже в качестве пленника, но факт был налицо, он видел осунувшегося, изможденного юношу, что тянул заскорузлую веревку наравне с другими невольниками… Объяснение этому могло быть лишь одно, его взяли совсем недавно,

буквально на днях, но тогда сам собой напрашивался вопрос: откуда взяться тут человеку столь ранней весенней порой, когда снег только стаял, а голубое солнце еще не успело как следует прогреть землю? Чтобы оказаться тут так рано, да еще и одному, нужно выехать из ближайшего селения людей в ту пору, когда тут еще камни трещат и лопаются от мороза!..

У Бриана была причина, чтобы поступить именно таким образом, и он сразу же ощутил симпатию к измученному рабу. Коли он оказался тут в столь неподходящую пору, значит, и у него была своя цель, наподобие той, которая толкала Бриана на рискованные походы. А значит, чем-то они сродни, не только телами, но и душами…

Впрочем, и без духовного родства он бы ни за что не бросил сородича на произвол зеленых душегубов.

Теперь палец Бриана так и скользил по спусковой скобе арбалета.

Позиция на вершине скалы практически неприступна, стрел и еды в достатке, зеленые по природе своей тупы, не в пример дронам, так почему бы и нет?!

Однако он все же удержался от выстрела – странника заинтересовало то устройство, которое волокли рабы. Сначала следовало выяснить, куда тащатся зеленые и что у них на уме.

Из-за тяжести влекомого за собой груза процессия, а вернее сказать, конвой, двигалась медленно, так что у Бриана оказалось достаточно времени, чтобы рассмотреть загадочный предмет.

О том, что перед ним артефакт Древних, он догадался сразу же, как только в оптике прицела промелькнули увеличенные буквы, покрывавшие собой небольшую, потемневшую от времени пластину, прикрепленную к крышке чашеобразного выступа, выпирающего из нижней части трехметрового сдвоенного цилиндра, диаметр которого вряд ли охватили бы четверо таких людей, как Бриан. Цилиндр имел матовый серебристый оттенок. С другой стороны, напротив изогнутого кверху чашеобразного раструба, из корпуса артефакта выпирал еще один, но уже гораздо меньший цилиндр, с прозрачными стенками из толстого стекла. «Как сросшиеся спинами уродливые близнецы», – неприязненно подумал Бриан, разглядывая конструкцию.

Пока он смотрел, процессия проползла еще около полукилометра и остановилась как раз на краю усеянного костьми поля. Рабы с величайшей осторожностью опустили на землю древний агрегат, установив его вертикально. Все время, пока они под постоянными окриками зеленокожих выполняли эту ответственную работу, затаившийся на вершине скалы

Бриан с любопытством ожидал окончания действа, мысленно недоумевая по поводу столь странных приготовлений. До этого момента он и не подозревал, что зеленокожие имеют хоть малейшее понятие о почтении к павшим на поле боя воинам. Общепринято было считать, что они бросают своих убитых на поживу диким зверям. «Неужели сейчас будут собирать и хоронить останки? – мысленно поразился он. – Но при чем тут артефакт, который явно извлечен из глубин гиблых подземных уровней? Памятник? Тотем?..»

Когда спустя несколько минут со стороны гор вновь наметилось движение и Бриан разглядел многочисленный отряд дронов, среди которых выделялся высокий, сухопарый двалг, то его недоумение переросло в сильное беспокойство.

При появлении нового отряда рабы сбились в кучу, зеленые тоже отошли в сторонку, опасливо косясь на прибывшего двалга. Эти существа с узким лбом и непомерно длинными руками пользовались дурной славой даже среди своих сородичей. Происходили они от дронов, но отличались от последних еще большей узостью лба и врожденной способностью общаться с некоторыми предметами, что остались в наследство от исчезнувших в пучине времен Древних.

Отряд дронов заключил артефакт в плотное кольцо. Под лучами карабкающегося к зениту голубого солнца ярко поблескивала сталь их доспехов, злобные блики пробегали по клинкам коротких мечей. Зверозубые явно затевали какую-то неслыханную пакость, из их рядов выступил двалг и встал напротив артефакта, тут же погрузившись в транс…

Бриан чувствовал уже не просто беспокойство. Древние силы были столь же могучи, сколь и непредсказуемы. Хорошо, если артефакт безвреден, а если узколобый разбудит в нем нечто опасное? На памяти Бриана было несколько подобных случаев. Среди людей тоже нередко рождались существа, подобные двалгам. Конечно, они не походили на зверозубых, а имели нормальный человеческий облик, но у них от рождения имелось то же самое свойство – умение общаться с вещами Древних.

Несколько лет тому назад Бриан сам был свидетелем подобного самонадеянного эксперимента, когда в результате обращения к артефакту, что врос в землю на краю одного из человеческих селений, к небесам вдруг потянулись змеящиеся молнии, а по земле, сжигая траву, побежал огонь. Тогда выгорело полдеревни и сильно пострадали люди. К тому же необычайная засуха обрушилась затем на поля, до самой осени в лазурных

небесах не появилось ни облачка, и весь урожай погиб.

Те, кто давно ушел в небытие, не любили, когда их тревожили ныне живущие. Но если в человеческих землях на подобные эксперименты существовал запрет, то зверозубым не укажешь – они сами себе на уме. И, конечно, ничего хорошего не придумали…

Обеспокоенный ходом своих мыслей, Бриан снова приник к окуляру прицела. В паутинке дальномера мелькнула та самая табличка на крышке раструба, что привлекла его внимание еще во время движения отряда. Теперь, когда артефакт не покачивался на плечах рабов, а стоял вертикально, он ясно смог различить буквы и даже прочитать их, сложив в слова.

Люди пользовались той же письменностью, что и Древние. Только вот слова, выведенные с каллиграфической точностью на старой пластине, ни о чем не говорили страннику, который по слогам прочел их, медленно шевеля губами и стараясь запомнить звучание непривычных сочетаний букв…

«ВНИМАНИЕ! ПРИ ПЕРВОМ ЗАПУСКЕ КАМЕРЫ РЕПЛИКАЦИОННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОВЕРЬ СТРУКТУРУ ВВОДИМОГО ДНК!»

Полная чушь. Бриан сроду не слышал подобных слов.

Пока он читал, двалг окончательно погрузился в транс. Каким образом он общался с артефактом, оставалось загадкой, но внезапно крышка, на которой Бриан только что читал табличку, откинулась вверх, и подле нее на вертикальной поверхности замельтешили маленькие огоньки.

То, что последовало дальше, повергло воина в шок.

Медленно, будто нехотя, отворилась половина прозрачного цилиндра, повернувшись на невидимых для глаза петлях.

Дроны, отпрянувшие было в стороны по причине вполне понятного страха, быстро совладали со своими эмоциями. Двое из них подняли из травы ближайший скелет и, не снимая с него доспехов, внесли останки воина в отворившуюся дверь.

Бриан, превозмогая охватившее его отвращение, продолжал следить за их действиями, в оптический прицел он ясно видел, как дроны прислонили иссохший скелет своего мертвого соплеменника к вертикальной стене внутри цилиндра, и тот будто приклеился к ней…

Стеклянная крышка медленно закрылась. Среди огоньков, что продолжали мельтешить по матово-серебристому материалу большего цилиндра, внезапно осветился ровный квадрат, и на нем возникла еще одна надпись.

Странник переместил прицел, с ужасом всматриваясь в возникшие

символы.

«КАМЕРА АКТИВИРОВАНА. ВВЕДИТЕ БИОМАССУ».

Эти слова опять-таки ничего не пояснили ему, но пребывающий в трансе двалг внезапно взмахнул рукой, указав сначала на зеленокожего раба из какого-то совсем уж дикого горного племени, а затем на открывшийся зев приемника.

Раб завопил, попытался бежать, но трое дронов быстро догнали ополоумевшее от страха существо, сбили на землю, оглушили и поволокли к артефакту.

Остальные рабы дружно завыли, пытаясь вырваться за плотное кольцо окруживших их конвоиров, и лишь тот юноша, что привлек внимание странника, продолжал безучастно сидеть на сухом клочке прошлогодней травы. Казалось, что он, как и двалг, полностью погружен в себя, совершенно игнорируя происходящее вокруг таинство…

Оглушенного раба приволокли к артефакту и головой вперед впихнули в узкий зев, который вел в таинственные недра перемигивающегося огоньками зловещего артефакта.

Оттуда не раздалось ни звука, только захлопнулась крышка страшного приемника, и внезапно доспехи на установленном в прозрачную камеру скелете зашевелились, словно их распирало изнутри!

Бриан был настолько потрясен, что продолжал смотреть, не в силах оторвать глаз от окуляра.

Через несколько минут в прозрачной камере стоял не скелет, а дрон, облаченный в ржавые доспехи. Его тощие, голые ребра обросли плотью, в пустых глазницах, что виднелись из-под сбитого на затылок открытого шлема, проросли глаза, хищный оскал острых зубов прикрыли губы…

Бриан почувствовал, что его сейчас вырвет.

Такого откровенного надругательства над жизнью и смертью он не ожидал даже от зверозубых подонков… Они вообще ведали, что творят?!

Рассуждать более он не смог. В жизни любого воина наступает момент, когда взмах боевой секиры говорит гораздо красноречивее помутившегося от гнева и отвращения рассудка.

Прозрачная дверь отворилась, выпуская на свет жуткую пародию на дрона. Что-то, видно, не заладилось, не то у двалга, не то в самом артефакте, вышедший наружу воин хоть и двигался, но совершенно не выглядел живым. Его плоть имела отвратительный коричневатый оттенок, по лицу сочились капли какой-то жидкости, больше похожие на слизь, чем на пот или слезы, глаза тупо и бессмысленно смотрели в одну точку…

И тем не менее он двигался, машинально передвигая ноги.

Ослабевшая рука волочила за собой ржавый меч.

Бриан задержал дыхание и плавно нажал на спуск.

В конце концов, он имел свой взгляд на вещи и не желал терпеть такого явного издевательства, пусть даже над врагом. Дрон ты, человек, хамерон или двалг – никто из живых существ не заслуживал подобной участи… Смерть должна оставаться смертью, ведь если это страшное явление перестанет нести в себе удручающую окончательность, то что тогда станет с Миром?!

Тяжелая стрела, пущенная твердой рукой, пробила ржавый панцирь в том месте, где у восставшего из праха дрона должно было находиться сердце.

Его тело дернулось, принимая удар, дрон мотнул свободной рукой, сбившись с шага, но не упал, он так и продолжал идти, волоча за собой ржавый клинок, – без смысла, цели, – просто шел, а из его груди торчал просадивший ее навылет арбалетный болт.

Милосердие Бешеного Пса не достигло своей цели. Дрон и так был мертв, лишь непонятным оставалось, что же заставляет его идти?!

Двое зверозубых, что волокли к артефакту очередной скелет, бросили свою ношу и ринулись вперед, намереваясь прикрыть собой двалга, но опоздали – Бриан опередил их. Стрела с черным оперением ударила в затылок и вышла через глаз, так что на протянутые руки воинов упал уже труп…

Огни на артефакте вспыхнули и погасли.

Отряд зверозубых издал неистовый рев, в котором потонули и вопли насмерть перепуганных рабов, и угрожающие окрики их зеленокожих конвоиров.

Облаченные в металлические доспехи дроны бросили мертвое тело двалга и в ярости ринулись к одинокой скале. Они были воинами и сразу определили, откуда была пущена роковая стрела.

Бриан оставался спокоен, хотя его лицо немного побледнело. Той цены, что уже заплатили дроны, лишившись своего двалга, было, по мнению странника, вполне достаточно, чтобы с чистой совестью принять неотвратимую смерть.

Единственное, чего он желал, – это забрать с собой как можно больше зверозубых…

Спускаться со скалы было поздно. Да и незачем. Разве не за этим он приезжал сюда каждую весну вот уже несколько лет подряд, ведя жестокую игру со смертью под светом чужого солнца?

Тетива арбалета звонко всхлипнула, и самый прыткий из дронов,

кувыркаясь, полетел через голову, исчезнув в высокой прошлогодней траве.

Тихо прошуршал хорошо смазанный ворот, и стрела с черным оперением легла в ложбинку меж согнутых дуг.

ЦВАНК…

Ноги воина подкосились, когда титановое жало с хрустом прошибло броню и вошло между ребер. Зверозубый испустил тоскливый вой, сломал стрелу, но пробежать смог лишь пару шагов, ноги подкосились, и он рухнул на колени, держась обеими руками за простреленную грудь.

Оставалось еще человек двадцать, если не брать в расчет зеленых, пятеро из которых топтались поодаль, подле кучки перепуганных рабов, а остальные нестройной толпой затрусили к одинокой скале, на ходу поднимая свои длинные луки.

Еще дважды успела звонко цвиркнуть тетива арбалета, и двое зверозубых упали в желтый травостой, прежде чем зеленокожие приблизились на дистанцию выстрела, а воины-дроны добежали до основания скалы и затаились в мертвой зоне, прижавшись спинами к холодному, шершавому камню.

Бриан, лежа за импровизированным парапетом, молча расстегнул чехол из мягкой кожи, в которую была заботливо обернута глянцевая синеватая сталь лезвия боевой секиры.

Он знал, что последует дальше. Теперь вопрос его смерти являлся всего лишь вопросом времени. Под прикрытием тридцати зеленокожих стрелков шестнадцать уцелевших дронов вскарабкаются наверх, чтобы покончить с ненавистным снайпером…

Подумав об этом, Бриан не испытал ни злобы, ни страха.

Он честно прожил свою жизнь. Странник понимал, что найдется немало людей, для кого это не являлось утешением перед гибелью, и еще больше сородичей сочтет его поступок дурацким героизмом, но он жил по иным меркам, чем те, кто возделывал землю подле своих домов. В первый раз смотреть в глаза смерти было действительно СТРАШНО, но потом это чувство притупилось, прошло, уступив место тягучей дрожи, что охватывает тело в момент смертного боя, и тогда начинаешь понимать иной смысл сущего…

Аккуратно отложив арбалет, он охватил пальцами правой руки рукоять секиры. В левой уже был зажат длинный меч. Не бог весть какое оружие против стрел, но первый из дронов, кто сунется наверх, получит свое…

Тонкий слух Бриана различил царапанье с наветренной стороны скалы, там, где уступы были больше, и взбираться могли не один, а сразу

пять или шесть человек. Лежа на спине, за парапетом, он посмотрел на бездонное фиолетовое небо, голубой шарик чужого солнца, не зная, о чем же думать в такой момент…

Царапанье стало уже таким явственным, что он ощутил – еще секунда, и в каменный гребень вцепится первая рука.

Рост у странника был солидный – почти под два метра. Вытянувшись, он перегородил своим телом всю площадку, от края до края.

«Зря они полезли там… – подумал он. – Неужели нетрудно догадаться, что тут укрытие, а не случайное прибежище?» – с такой мыслью он напрягся и толкнул ступнями ног шаткую стену из сложенных друг на друга каменных обломков.

Куски скальной породы покачнулись и с грохотом полетели вниз, увлекая за собой нескольких противников.

Раздался протяжный крик боли. Что-то мягко шлепнулось оземь, следом гулко ударил камень, и под основанием скалы опять взорвался разочарованный вой.

«А как вы думали? Голыми руками брать? Нет, уж потрудиться придется, так просто не возьмете…»

На несколько минут внизу все стихло, только вдалеке непрерывно орал тяжело раненный дрон. Остальные штурмовавшие либо мертвы, либо терпеливы. Лезло-то человек пять, не меньше…

Передышка оказалась недолгой. Дроны поняли, что сложенные по краю скальной площадки камни являлись единственным козырем человека-снайпера. Больше «домашних заготовок» у него не было. А значит, не было и шансов. Ведь с той стороны, где они возобновили штурм, больше нечему было валиться на их головы, а попытайся Бриан встать из-за защищавших его со стороны лучников остатков парапета, тут же будет прошит десятком стрел…

Что ж… Поднимайтесь… Там посмотрим…

Пока облаченные в металл дроны возились внизу, невнятно переругиваясь на своем отрывистом наречии, Бриан извернулся и выглянул в щель между каменными обломками, ту самую, что недавно служила ему амбразурой при стрельбе.

Три десятка зеленокожих воинов стояли с натянутыми луками, готовые пустить стрелы при первом же шевелении наверху. Бриан видел, как напряжены, злы их потные лица, как дрожат пальцы от напряжения натянутых тетив…

Мысль, что пришла ему в голову, была по-своему хороша, но и столь же безумна.

Судя по едва слышному шелесту, который уже не сопровождало бряцанье металла, дроны сняли свои доспехи. Зверозубые воины не хотели, чтобы он слышал, как они карабкаются по скале. Однако Бриан прекрасно ощущал их приближение. Затаив дыхание, он лежал не шевелясь – от внезапности и точности зависел его только что придуманный план. Весь расчет был построен на дрожи в пальцах зеленокожих лучников. Конечно, силы у них немерено, но сколько можно стоять с полунатянутой тетивой? И какими становятся нервы стрелка после пяти-шести минут такого ожидания?

Карабкающихся дронов те не видели, но и шанса, что выстрелят по своим, не было – отличить фигуру человека от фигуры дрона достаточно легко, и они с облегчением опустят луки, как только штурмующие доберутся до верха.

Значит, нельзя позволить им сделать это.

Краем глаза Бриан видел, как сначала одна пятерня вцепилась в край скального выступа, затем другая, третья…

Когда рук стало пять, он резко вскочил, испустив гортанный рык… и тут же плашмя рухнул назад, под прикрытие остатков парапета.

Туча стрел взвилась в воздух, нервы у стрелков не выдержали, как он и рассчитывал. Стреляли зеленые отменно, но дроны не слышали визга тетив – их заглушил боевой клич Бриана. Пять зверозубых воинов, услышав его рык, словно подземные бестии, выметнули на площадку свои гибкие, сильные тела – с тем чтобы грудью встретить три десятка безжалостных стрел!

Бриан вскочил, одним ударом секиры сметя со своего пути изумленного воина, что схватился за пробитую в трех местах грудь. Во второго он метнул свой меч, подхватил освободившейся рукой арбалет и прыгнул с десятиметровой высоты, прямо на головы остававшихся внизу семерых дронов, которые только что отшатнулись от обрушившихся сверху, истыканных стрелами тел своих родичей.

Разворачиваясь со звериным рыком, Бриан одним ударом снес голову ближайшего воина, толкнул второго, задев обратным ходом секиры, и, несмотря на боль в отбитых ногах, рванулся в освободившийся проход, твердо зная, что его спину надежно прикрыла от зеленокожих стрелков верная, молчаливая скала.

От озера по степи навстречу ему гигантскими скачками уже несся цефал, на ходу злобно раззявив клюв, из которого рвалось шипение напополам с клекотом.

* * *

Этой ночью ему так и не удалось уснуть.

Мысли, что одолевали Бриана, совсем не походили на эйфорию родившегося заново человека. Да, он избежал смерти, но жизнь, видно, дана ему для того, чтобы думать. И мучиться там, где другой дышал бы не надышался этой вечерней, чуть подмороженной прохладой.

Вдали, у заветной скалы, призывными огнями сияли далекие костры. Там зверозубые зализывали раны, стенали над мертвым двалгом, и Бриан знал, на ком они отыграются за смерть своего ведуна и бегство обманувшего их воина.

У них в руках оставался тот юноша, человек, которому с минуты на минуту предстояло по капле испить всю ненависть зверозубых к его роду.

Бриан не мог спать. Он должен был его спасти или по крайней мере оборвать мучения страдальца…

Хуже смерти мог быть только плен, связанные руки и та мука, на которую нет возможности ответить.

Иногда Бриана в открытую спрашивали – зачем? Зачем кипит в тебе ненависть, почему с годами не тихнет боль? Отчего не осядешь на земле, не заведешь семью, а все рыщешь по непотребным местам в поисках смерти – своей или чужой, как придется…

В душе Бешеного Пса был ответ, но нечасто он произносил его вслух. Каждый сам выбирает свою дорогу. Люди не понимали, что зверозубые рано или поздно спустятся с гор, но уже не маленькими разрозненными бандами, а армией. Тогда они сметут на своем пути все, порубят, сожгут, надругаются. Потому что они по сути своей звери, нет в них рационального живого начала, нет чести, разума, есть только жажда сиюминутной жизни, удовлетворения той прихоти, что взбрела в узколобую голову. Им все равно – засевать поля зерном или костьми.

Конечно, не он один понимал это, но для большинства людей угроза казалась далекой и не такой страшной. Каждый думал про себя, нет, не придут. Именно сюда, в мой дом, они не покажутся, может, промелькнет беда стороной, прокатит через соседей, так зачем бросать семью, теплый очаг, детишек, идти в чужую землю и биться там неизвестно за что…

И никто из них не задал себе того вопроса, что лютым холодом стыл в груди Бриана: кто, если не я?!

А вот когда придут, сожгут твой дом, перерубят детишек, нагнут на твоих глазах жену, тогда взвоешь: где же я был раньше, где защитники, где соседи, почему сидят у теплых очагов, надеясь, радуясь, что не с ними

беда?..

…Не совладав с такими мыслями, Бриан встал, раздраженным движением свернул служивший подстилкой плащ и шипящим звуком позвал пасшегося неподалеку цефала.

Тот прибежал, едва услышав зов. Бриан потрепал его по широкому плоскому клюву, накинул седло, затянул ремешки. Цефал косился на него своими маленькими влажным глазками, и вдруг Бриан почуял, что тот дрожит.

Чувствовал чью-то смерть. Значит, судьба.

* * *

Костры горели в ночи ярко, безбоязненно.

Зверозубые поставили шатер около темной глыбы омертвевшего артефакта. Зеленокожие, их дальние родственники и вечные вассалы расположились прямо на земле, образовав как бы лагерь в лагере. Пленники, среди которых преобладали представители совершенно диких, не знающих огня горных племен, сбились в кучу, связанные одной веревкой, и лишь двое из рабов свободно ходили по лагерю меж костров, прислуживая хозяевам.

Бриан понимал, его возвращения тут не ждут. По логике дронов ненавистный воин-человек сейчас гонит своего цефала во всю прыть чешуйчатых лап, стараясь уехать как можно дальше под покровом опустившейся тьмы.

Зеленокожих он не боялся, их стоит страшиться в узких горных ущельях, на каменистых тропах среди скал, где каждую секунду из-за укрытия может вылететь тебе в спину предательская стрела. На равнине жители гор терялись, вели себя неуверенно, в схватке полагались больше на свою звериную силу и численный перевес. Таких противников Бриан хоть и брал в расчет, но не сильно опасался. Другое дело дроны. Они были прирожденными воинами, не уступавшими человеку по силе, ловкости и сообразительности. Как ни странно, но рождались они среди зеленых, может, один ребенок на десять или даже двадцать обыкновенных зеленокожих упырят. Почему так происходит, Бриан не знал, но среди дронов не было женщин, и иметь своего потомства они не могли. Может, потому и маялись всю свою жизнь в неистребимой злобе ко всему сущему…

…Ночь парила над землей, простирая крылья морозной мглы. Дым от костров столбом уходил вверх, теряясь в черноте неба. Гранд стоял, не шелохнувшись, в двух сотнях шагов от лагеря, на его спине возвышался

неразличимым во тьме силуэтом Бриан, закутанный в темный плащ.

Воин следил за врагами, отчетливо видными на фоне костров, и размышлял, с какой стороны лучше атаковать. На его стороне были ночь и внезапность, на стороне дронов – численный перевес.

«Я пришел за пленником…» – мысленно напомнил сам себе Бриан, с трудом оторвав взгляд от сухопарой фигуры дрона, что в этот момент вышел из шатра.

Что-то метнулось в ночи, Бриан ясно различил звук, очень похожий на шорох крыльев, но брошенный на угольно-черное небо взгляд не нашел там ничего, кроме тьмы.

И почти тотчас он ощутил слабое прикосновение, ощутимое скорее нервами, чем кожей, будто кто-то смотрел ему в спину.

По позвоночнику Бриана пробежал отвратительный холодок.

Может, это душа убитого им двалга бродит во тьме?!

Медленно, очень медленно он обернулся, стараясь не издать ни шороха, чувствуя, как напрягся под ним Гранд, словно верный цефал тоже учуял нечто противное его восприятию…

За спиной Бриана во тьме ярко светились, отражая пламя костров, два глаза величиной с детскую ладошку каждый.

Мускулы воина окаменели. Глаза неотрывно смотрели на него, гипнотизируя своим страшным мистическим блеском, и постепенно, по мере того, как отступала тьма, вокруг них медленно прорисовался сумеречный контур той твари, кому принадлежали эти светящиеся блюдца.

Умом, конечно, Бриан понимал, что все не так, – не отраженный страшными глазами блеск костров высвечивал этот контур, а зрение самого воина свыкалось с плотным мраком, и потому он смог различить распластанные по земле широкие кожистые крылья твари, ее небольшое по сравнению с ними тельце, когтистые лапки и острую мордочку.

Мышь-вампир! Страшный, легендарный обитатель подземелий, что пьет кровь своих незадачливых жертв…

Что творится с Миром?! Откуда вампир здесь взялся?!

Бриан не издал ни звука, сцена была исполнена немого противостояния: с одной стороны холодный взгляд воина, с другой – фосфоресцирующий блеск двух огромных глаз подземного животного…

Внезапно нетопырь отвел взгляд, и странный морок исчез, его глаза перестали пылать и лишь влажно поблескивали во тьме. Казалось, что он нисколько не боится человека.

В следующий момент Бриан почувствовал, как что-то холодное, щекотливое зашевелилось в его голове.

Он вздрогнул, когда понял, что ощущает направленную на него мысль.

Он увидел шатер дронов и нетопыря, что серой молнией несется на свет костра; зеленокожих, в ужасе вскакивающих со своих мест, дронов, что, выскочив наружу, смотрят в указанном направлении… Бриан едва не обернулся, чтобы посмотреть, все ли тихо в лагере, – настолько реально прозвучали в его голове шум и гвалт.

Нет, боковым зрением он видел – ни один силуэт не шелохнулся подле костров.

Итак, это был план?!

Мышь-вампир предлагал ему помощь?! В чем?!

Казалось, нетопырь отлично все понял, потому что в голове Бриана тут же вспыхнула новая подсказка: он сам, верхом на цефале выскакивает из тьмы позади толпы возбужденных воинов, хватает связанного человека и тут же исчезает, уходит за пределы освещенного кострами круга.

Хороший план. Бескровный. За одним маленьким исключением – подземная тварь не может разговаривать. И уж подавно не может быть другом человека.

«Это, должно быть, душа двалга нашла меня, – с внутренней дрожью подумал Бриан. – Кто же еще может вселиться в подземную тварь, кроме черной, неприкаянной души говорящего мыслями?! Светлая Кимпс не осеняла своим призрачным ликом эти земли, вот и плодится тут всякая нечисть…»

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове оторопевшего воина, невольно взявшегося за оружие, хотя Бриан и понимал: удар секиры ничто для духа тьмы…

Нетопырь попятился во мрак, издав едва слышное шипение.

В следующий момент его смутная тень мелькнула над костром. Сидящие у огня зеленокожие воины вдруг заволновались, один из них вскочил, резко выпростав руку в немом, изумленном жесте, указывающем на небо. Остальные загалдели, на звук обернулся стоявший у шатра дрон, и в этот момент нетопырь вновь вынырнул в круг света, планируя на широких кожистых крыльях, он раззявил свою маленькую пасть, показав острые зубки и розовое небо.

Бриан не слышал его крика, казалось, что мышь-вампир просто разевает рот, но волна нехорошей дрожи пробежала по телу, цефал под ним испуганно зашипел, грозя выдать и себя и седока, но зеленокожим воинам уже стало не до них. Воспользовавшись всеобщим оцепенением и растерянностью, ушастый нетопырь с яростным писком вцепился в лицо

дрона, полоснул когтями по коже, оставив на ней рваные, брызнувшие кровью следы, и тут же отпрянул, исчезая за границей света и тьмы…

В лагере поднялся настоящий содом. Дико орал рухнувший на колени дрон. Из ран на его лице хлестала кровь. Зеленокожие лучники хватали оружие, ткань шатра резко заколебалась, когда спящие внутри откинули полог, выскакивая наружу…

Бриан резко натянул повод, осаживая цефала, который дрожал и шипел, нервно озираясь по сторонам. Время ударить было самое подходящее, но он все еще колебался, испытывая не свойственную ему нерешительность.

Очевидно, замешательство странника заставило нетопыря вторично влететь в освещенный кострами круг.

Он опять вынырнул из тьмы, планируя на широких крыльях, испуская неслышимый уху, но ощущаемый каждой клеточкой крик. Воины, что схватили луки, не смогли натянуть тетивы, они роняли оружие, в ужасе отшатываясь в стороны, лишь бы убраться с дороги маленькой, но бесстрашной твари, которая рождена ночью и властвует в ней.

Однако дроны оказались не столь подвержены панике. Двое из них вырвали мечи из ножен и с перекошенными лицами кинулись на нетопыря. Тому удалось резко взмыть вверх, уходя из-под удара блеснувших в неверном свете костра клинков, но жуткая магия его неслышного крика оказалась разрушена, зеленокожие словно очнулись, вскинув луки, и несколько стрел со свистом пронзили стылый ночной воздух…

…Бриан почувствовал стыд. Гневная волна бессвязных мыслей окатила его. Он топтался на месте, пока отважное существо крутилось в свете костра, отвлекая весь лагерь, уворачиваясь от мечей и стрел, и делало это с единственной целью – помочь ему освободить пленника, а он – бесстрашный воин – стоял в замешательстве, все еще сомневаясь, не двалг ли мутит его разум своими страшными иллюзиями?..

Бриан резко кольнул цефала пятками в бока, и Гранд послушно рванулся вперед, радуясь возможности бежать, а не стоять, содрогаясь от неслышного крика исчадия подземелий.

Связанные на ночь рабы тесной кучей сгрудились в десяти метрах от костра, на той границе, где мятущийся свет переходил в непроглядную ночь. Во всеобщей суматохе на них никто не обращал внимания, мышь-вампир атаковал лагерь с противоположной стороны – вновь и вновь он бросался вперед, кружил над головами воинов страшным мороком, словно не было ему дела до стрел и мечей, а жизнь безучастно застывшего среди пленников юноши казалась для него дороже собственной…

Цефал двумя огромными скачками достиг группы рабов, которые в ужасе перед происходящим пытались уползти поближе к костру, но только тянули в разные стороны связывающую их веревку. От диких обитателей пещер несло невыносимым смрадом. Бледный юноша сидел среди всеобщей суматохи, храня странную невозмутимость, очень похожую на полную потерю разума; его тело дергалось вслед за рывками общей привязи, словно он был не больше чем куклой, живой оболочкой погибшей души…

Двумя резкими взмахами секиры Бриан обрубил веревку, связывающую пленника с остальными рабами, и, нагнувшись со спины цефала, левой рукой подхватил его за ворот одежды, рванул, изумившись легкости истощенного человеческого тела, перекинул через спину Гранда впереди себя и заставил цефала резко отпрянуть во тьму, пока воющие от ужаса рабы не привлекли внимания своих хозяев.

Умное животное огромными скачками рвануло во тьму, унося двух человек в сторону от суматошного лагеря, где по-прежнему слышались крики, проклятия, свист стрел и звон секущих пустоту клинков…

…Через некоторое время Бриан немного приостановил бешеный бег цефала. Оглянувшись, он уже едва смог различить далекий отсвет костра, что горел у подножия одинокой скалы. Погони не ощущалось, но он не успокоился, пытливо вглядываясь во мрак.

Что он надеялся разглядеть там? Неужели искал в стылом воздухе серую тень?

Ничего не разглядев, Бриан мотнул головой в непонятном жесте и молча тронул цефала с места. Спасенный пленник лежал поперек крупа Гранда, и его руки безвольно болтались из стороны в сторону, в такт огромным шагам нелетающей птицы.

О чем думал в этот момент воин? О превратностях судьбы, сделавшей злого подземного духа его нежданным союзником? Или о странной привязанности, что продемонстрировал мышь-вампир к человеку? Кто он, этот юноша, что так безропотно сносил свою долю, оставаясь безучастным к окружающему его Миру? Уж не из мрачных ли подземелий выволокли его дроны? В таком случае он храбрец, каких еще не приходилось встречать Бриану: путь в подземелья лежал через непроходимые, скованные снегом и льдом перевалы, запутанные лабиринты населенных нечистью пещер, а сами подземелья, если верить слухам о них, были полны ужаса куда большего, чем все дроны и зеленые, вместе взятые…

Обуреваемый такими мыслями, Бриан ехал все дальше и дальше, стремясь оставить как можно большее расстояние между собой и

растревоженным лагерем зверозубых.

Ему следовало найти такое место, где можно укрыться, развести костер и обогреть несчастного пленника, который безвольной куклой висел поперек седла и, похоже, был без сознания.

* * *

Ручей тихо звенел, нашептывая что-то на своем языке.

От его голоса клонило в сон.

Бриан сидел, клюя носом. Секира лежала на коленях, правая рука с промасленной тряпочкой, зажатой в мозолистых пальцах, лениво ползала по глянцевому металлу лезвия. Туда-сюда, туда-сюда…

Осоловевший взгляд Бриана упал на спасенного. Ночью тот кричал. Слова незнакомого языка выходили из его груди с сиплыми, надорванными вздохами. Парень, по всему видно, был болен не только душой, но и телом.

«Кто же он?» – мучительно гадал Бриан. Воин находился в явном замешательстве: спасти он его спас, а вот что делать дальше? Тот ни ест, ни пьет, хотя губы вон все потрескались от жара. Смотрит, но не видит. Взгляд незнакомца, казалось, направлен внутрь, может, на ту лихоманку, что заставляет его вдруг валиться на теплую землю и биться в страшных судорогах с пеной у рта.

Бриан действительно не знал, что ему делать. Известную болезнь, рану, ожог, перелом – все можно вылечить, но парня одолевала неведомая ему пакость, в этих землях толком и не знаешь, чего ждать от самой простой болезни. Главное в чужой зоне – это не навредить. Вон вода в ручье – бежит себе, журчит, разбиваясь о камушки, такая прозрачная, обыкновенная на вид и вкус, а пойди попей – скрутит через пару суток так, что и не встанешь больше…

Поэтому Бриан терпеливо ждал.

Если организм человека способен побороть свалившийся на него недуг, он его поборет. А если нет… Тогда Бриан тоже не мог помочь: нет тут ни целебных трав, ни нормальной воды – все для человека медленный, разрушительный яд.

Единственное, что он смог сделать для спасенного, – это обмыть его страшно исхудалое тело в ручье да влить в рот несколько капель целебного настоя, заботливо прихваченного с собой из родных земель. Запаса воды в бурдюке, притороченном к седлу цефала, хватит еще на неделю, не меньше, а вот с едой дело обстояло много хуже – промышлять тут пока было нечем, звери и птицы из родных земель (те, которые пообвыклись к местной воде и пище) годились, конечно, для охоты на них, но в эту пору они еще не

вернулись со своих южных зимовий. Даже вороны, и те еще не прилетели, слишком рано. Уезжая, Бриан рассчитывал запас на себя да на цефала, кто же мог знать, что ему предстоит встретить тут человека?!

«А человек ли он?» – Мысли Бриана плавно перескочили с одной проблемы на другую. Вон лежит, не шелохнется, усохший как мумия, глаза устремлены в небо: не моргнет, не поведет зрачками, все смотрит и смотрит в одну точку… А потом вдруг как застонет, заскрипит зубами, замечется в горячечном бреду – только держи… Бриан вспомнил, как тот недавно катался по земле, загребая камни и хрипло выкрикивая странные слова на незнакомом лающем языке. Страшно подумать, вроде человек, а речь чужая. Не просто чужая, а вовсе неслыханная. И заступник у него тоже неслыханный… Надо же, мыша-кровопийцу приручить, злого духа подземелий! Разве под силу такое человеку?!

Неизвестно, куда бы завели Бриана его путанные от усталости и недосыпа мысли, если бы от необдуманных поступков его не удерживало одно-единственное слово, вернее имя, произнесенное в горячке этим странным юношей.

Среди бредовых выкриков, что рвались с обветренных губ незнакомца, странник несколько раз услышал имя светлой богини Кимпс – хранительницы человеческого разума. Тот, кто вслух произносит ее имя, не может быть врагом – закон такой же древний и верный, как сама жизнь. Кимпс покровительствовала только людям. Мало кто видел светлое божество, но находились и такие, кому посчастливилось зреть ее облик. Говорят, она прекрасна настолько, что мужчины теряют разум. Бриан не верил, что способен потерять разум из-за женщины, но сам он Кимпс не встречал. Однако верил в нее крепко, как и любой человек.

При других обстоятельствах на вражьей земле он бы недолго колебался, как поступить с тем, кто говорит на неслыханном наречии и дружит с исчадиями подземного Мира. Это тоже истина известная – иногда зло принимает самые причудливые формы: вроде бы перед тобой человек и лицом, и телом, а внутри подменыш, тварь… Но имя богини Кимпс, произнесенное вслух, остановило бы любую, самую осторожную и безжалостную руку.

«Кто же ты?» – с раздражением думал Бриан, чувствуя, что в своих мыслях зашел в тупик…

Его рука, что полировала лезвие секиры, двигалась все медленнее. Человеку иногда нужно спать, вечно бодрствовать он не может, а Бриан сражался и бегал вот уже вторые сутки. Ничего удивительного, что его голова, отягченная разными думами, клонилась все ниже и ниже…

Странник не видел, как за его спиной тихо раздались в стороны нижние ветви раскидистого куста, который прикрывал собой вход на скальную площадку. Оттуда показалась острая мордочка нетопыря, того самого, что нападал на лагерь зверозубых и, по мнению Бриана, все же был мороком… Поглядев по сторонам, мышь-вампир выбрался из куста. Цефал, привязанный поодаль к стволу кривого, уцепившегося корнями за выветренный уступ дерева, подумал было поднять тревогу, но мышь так глянул на него своими большими, таинственно блестящими глазами, что тот осекся, подавившись рождающимся в горле звуком.

Угомонив цефала, нетопырь выбрался на чистое место за спиной клюющего носом странника и уставился тому в затылок долгим немигающим взглядом.

Бриан что-то почувствовал сквозь навалившуюся дрему, но очнуться уже не смог – взгляд обитателя подземелий сделал свое дело, – он все глубже и глубже погружался в объятия сна, а вместе с тем в недра чужой для него памяти.

Памяти, что несла в себе ответ на только что заданные им вопросы.

Кто ты? Откуда взялся? Почему говоришь на чужом языке? Откуда знаешь светлое имя Кимпс? Как попал в плен к зеленокожим? И отчего служит тебе подземная тварь, не щадя жизни бросаясь на твоих врагов?..

Чужая память…

Она разверзлась перед потрясенным сознанием Бриана кошмарной панорамой Сумеречной Зоны, самого жуткого, зловещего участка подземного Мира.

Юношу звали Рогман.

Он родился там, где тысячи лет не ступала нога человека.

…Тихо звенел ручей.

Голова Бриана клонилась все ниже, а лицо бледнело, теряя живые краски, словно его дух перевоплощался в другое тело, то, что лежало под сенью куста, в очередной раз содрогаясь в мучительных конвульсиях ломки…

Глава 6 Приговор

Через несколько дней на границе гор и равнины можно было наблюдать, как воин по имени Бриан вел под уздцы собственного цефала, в седле которого покачивался бледный, истощенный юноша.

– Не могу понять, сэр Рогман, как угораздило тебя родиться в этой адской дыре? – Бриану не давал покоя тот сон, что приснился ему третьего дня, когда, утомленный битвой и последующим бегством, он уснул под тихий, заливчатый звон ручья. До сих пор под шуршащим при ходьбе металлокевларом брони пробегал холодок нездешних мест, стоило ему вспомнить Сумеречную Зону…

…Когда, проснувшись, он понял, что таинственным образом побывал в шкуре Рогмана, мысленно прожил несколько страшных и ярких эпизодов его памяти, то поначалу Бриан сильно усомнился в собственном рассудке… Умывшись ледяной водой горного ручья, он долго сидел возле спасенного в тяжком раздумье, пока тот вновь не начал бредить, и Бриан, к своему неописуемому ужасу, не осознал, что понимает те слова, что рвались с пересохших, растрескавшихся губ блайтера.

Вот тогда ему пришлось по-настоящему решать – повредился ли он в уме, навел на него страшную порчу убитый двалг или же на все воля светлых человеческих Богов.

Эта мысль вызвала на губах саркастическую усмешку.

Он хотел бы верить, но вот что-то не верилось. Особенно в то, что сидящий на цефале юноша – Бог.

– Нет, так не пойдет! – Он резко остановился, и Рогмана качнуло в седле. – Ты молчишь, словно я разговариваю с призраком! Почему бы тебе не поговорить со мной?!

Удерживая цефала под уздцы, Бриан пристально посмотрел в глаза юноше.

Рогман медленно, будто во сне повернул голову.

Его растрескавшиеся от жара губы вдруг дрогнули и беспомощно искривились, словно он хотел вытолкнуть через них застрявший в горле звук, но не мог.

– Ладно… – Бриан вдруг устыдился своей настойчивой бесцеремонности – человек едва очнулся, выбрался, можно сказать, с того света, а он лезет к нему, выбивая какие-то слова… – Извини, сэр Рогман… – Он склонил голову, вновь возобновляя движение. – Не сердись

– я хорошо умею махать секирой, но плохо ворочаю языком… Не успел выучиться манерам. Ты отдыхай… Хочешь воды?

Не дожидаясь вразумительного ответа, Бриан опять остановил цефала и отцепил от седла полупустой бурдюк. Приложив его горлышко к губам Рогмана, он второй рукой придержал его голову, пока тот не сделал пары судорожных глотков.

– Вот так… – Бриан одобрительно кивнул, глядя, как дергается кадык юноши на исхудавшей до безобразия шее.

Вокруг них простирались безжизненные каменистые пустоши. Горы маячили на горизонте туманными очертаниями укрытых снегом вершин, чуть горьковатый воздух щекотал легкие при каждом вдохе.

– Знаешь, сэр Рогман, что я думаю? – Бриан говорил, не поворачивая головы. Он шел, чуть подав вперед свой мощный, обтянутый шуршащим доспехом торс, не то ведя за собой цефала, не то волоча животное, которое бездумно переставляло ноги, радуясь выгодной замене седоков. – Я думаю, что все уладится. Это все поганое голубое солнце. Вот пройдем границу, так ты сразу оживешь. Наше солнышко желтое, ласковое. И трава у нас не в пример этому безобразию, – Бриан демонстративно пнул пыльный колючий шар попавшегося под ноги местного растения. – У зеленых все не как у людей, и живут они будто звери – ни чистоты, ни закона…

Рогман покачивался в седле в такт неторопливому шагу нелетающей птицы, а его мысли, такие же, как и он – едва живые, хрупкие, – витали далеко отсюда…

Он еще не осознал ни того простора, что раскинулся вокруг, ни бездонного неба, ни человека, который вырвал его из лап смерти…

Все это придет, но чуть позже.

Пока что к нему возвращалась память – медленными, болезненными толчками воспоминаний…

Он все еще находился там, под землей, в страшных, запутанных лабиринтах…

Он тоже не хотел верить в то, что является БОГОМ…

…Освещенный тусклым светом тоннель заканчивался остановившимися на половине своего хода воротами.

Рогман внезапно осознал, что уже давно выучил расположение каждой заклепки, каждого ржавого потека на давно заклинивших створах. Он так ненавидел это место, так отчего вдруг сжимается сердце в недобром предчувствии? Почему гробовая тишина, в которой не слышны привычные для Города звуки, так давит?

Здесь тоже бушевал пожар.

Черные клубы дыма поднимались к далекому потолку и там изгибались, следуя порывам мощного сквозняка, который втягивал жирный черный дым в отверстия огромных труб.

Он застыл, вдыхая незнакомые, тревожные запахи. Где-то неподалеку раздался треск, и что-то тяжело рухнуло в проеме между зданиями. Среди зловещего гула пламени больше не раздавалось ни единого звука…

Из мглы выскочила стремительная тень нетопыря…

– Спишь, сэр Рогман? Ну-ну, спи, набирайся сил…

…Во время перехода через Сумеречную Зону Ушастый вел себя совершенно естественно: разведывая путь, он то улетал вперед, то возвращался, не выказывая при этом никаких признаков беспокойства, а теперь вдруг резко метнулся к Рогману и полез к нему за пазуху, обдирая кожу острыми когтями. Поместиться там не удалось – мешали большие крылья, и зверек нашел компромисс, спустившись на пол и засеменив у ног блайтера, словно считал, что складки туники могут оградить его от неведомой опасности.

Рогман лишь мрачно огляделся по сторонам. Если Ушастый почувствовал оторопь, то что должен испытывать он сам при виде разоренного Города?

Разве он думал, что когда-либо ощутит горький спазм в горле, глядя на руины ненавистного поселения?! Как он проклинал это место, как страстно желал, чтобы однажды оно провалилось, исчезло вместе с надменными и кровожадными этнамами, алчным Ургуном, бездушным Эргавсом – всеми, кто пинал его за безволосость кожи, худые плечи и неправильную форму глаз…

И вот долгожданный миг настал. Рогман слишком хорошо понимал, что именно тлеющая в его душе подсознательная ненависть к этнамам, яростно брошенная в минуту отчаяния в зыбкий образ существа, называвшего себя КИМПС, отворила ржавые створы ворот на границе Плодородных Земель. Да, в тот момент он отбивался от пауков, оказался прижат к стене и приговорен их алчными, голодными взглядами, но ненависть в его душе имела иные корни… Он крикнул «убей» и не сказал кого. Что он просил в ту минуту полного помрачения рассудка? Очистить Мир от жизни вообще? С какой сумасшедшей просьбой он обратился к Богине?!

Еще несколько часов назад в душе теплилась надежда на то, что его

сон не более чем бред переутомленного сознания. Он не хотел верить в то, что каким-то непостижимым для самого себя образом вмешался в историю, изменил некий ход вещей, нарушил вековое забвение страшных сил, дремлющих за трухлявыми стенами.

На самом деле все было намного сложнее, чем представлял себе блайтер. Он действительно вмешался в ход затянувшейся на века агонии, но разрушение Мира уже успело превратиться в СТИХИЙНЫЙ процесс… В конце концов, не он породил путаницу мрачных, зараженных радиацией тоннелей, не он привел в Сумеречную Зону пауков и их симбионтов, не он заставлял стареть железо и взрываться безумные Алтари… Но откуда было знать Рогману историю? Он родился среди сенталов, был воспитан ими, он видел лишь оболочку, то, по чему скользили глаза, а суть вещей, их понимание по-прежнему оставались тайной для его рассудка…

…Недолго думая, он повернул вдоль стены Мира к дому Ургуна. Настороженный взгляд метался от предмета к предмету, не находя никакого объяснения случившемуся. Часть расположенных по периметру зала овальных дверей оказалась распахнута настежь, в других, что оставались закрыты, зияли безобразные, оплавленные по краям дыры.

При взгляде на них Рогмана пробила короткая дрожь. Увесистое копье, подобранное при входе в опустевший город, показалось ему соломинкой в лапах муравья по сравнению с той силой, что совсем недавно прокатилась в теснине улиц. Материал расположенных в стенах дверей обычно не поддавался никакому воздействию. Его можно было сколь угодно долго ковырять самым острым и прочным ножом, не оставив на блестящей поверхности ни единой царапины… Здесь же неведомая мощь просадила толстые двери насквозь…

…Мысль оборвалась.

За гулом пламени он едва не пропустил звук доносившихся из проулка слабых стонов.

Спину мгновенно обдало ледяным потом. Сумеречная Зона научила его сначала защищаться, а уж потом разглядывать врага. Сейчас этот рефлекторный навык, доведенный до абсурда страшным напряжением момента, выразился в одном: резко обернувшись, Рогман вскинул копье, целясь на звук, но не метнул его…

На той стороне узкой улицы, намертво прибитое к стене здания несколькими дротиками, стояло, вяло шевеля руками, странное существо.

Оно не было похоже ни на этнама, ни на сентала, ни на дикого, ни на паука-симбионта…

Вместо головы на плечах существа покоился дымчатый шар, к

которому от спины, перехлестывая через плечи, тянулись гофрированные шланги. Одежда странного создания больше походила на шкуру тоннельного хамелеона – она имела тускло-серый цвет и выглядела так, будто была скроена из единого куска ткани, безо всякого намека на завязки или пуговицы…

Руки существа вяло шевелились, на груди расплылось несколько алых пятен. Под его ногами валялся предмет с коротким стволом и двумя ручками.

Рогмана трясло как в лихорадке, когда, отложив копье, он медленно приблизился к умирающему существу. Превозмогая колотивший его ужас, он поднял руку, коснувшись дымчатой лицевой пластины странного шарообразного шлема.

Раздался щелчок, и она вдруг отвалилась, звонко ударившись о мостовую.

Такого потрясения Рогман не испытывал ни разу в жизни.

Вместо лица у того было какое-то месиво из тонких проволочек и оголенной плоти. Синеватые губы шевелились, выдавливая булькающие, непонятные звуки…

В конце улицы послышался странный, визгливый звук.

– СЭР! – Внезапно загрохотал голос, в котором оцепеневший Рогман сразу же признал те интонации, что были присущи старым Алтарям. – ДОКЛАДЫВАЮ: КАМЕРА МОЛЕКУЛЯРНОЙ РЕПЛИКАЦИИ НЕИСПРАВНА!.. ДЕФЕКТНЫЕ ПРОГРАММЫ УДАЛЕНЫ ИЗ ПАМЯТИ!.. ОТБОЙ!.. СКАНИРОВАНИЕ!.. СЭР!.. ОПАСНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ФОРМЫ!.. ЗАРАЖЕНИЕ!.. ТРЕВОГА!..

Огромная тварь, что возникла в конце квартала, шла вровень со вторыми этажами зданий, сбивая выступы балконов. Она не была похожа ни на что виденное до этого Рогманом. Огромные ноги с тремя пальцами впечатывались в мостовую, проламывая пластик. От существа исходил заполошный вой, словно внутри него гнездился целый выводок визжащих на разные голоса крыс. И еще от него разило специфическим запахом. Так воняли непонятные конструкции Падших Богов, что частенько встречались Рогману в Сумеречной Зоне.

Шагающий в теснине кривой улочки монстр зацепил какой-то оказавшийся особенно прочным выступ, и его развернуло вокруг своей оси.

– СКАНИРОВАНИЕ! – орал над головой Рогмана громоподобный голос. – ПОВРЕЖДЕНИЕ КОРПУСА!

Огромные металлические лапы с грохотом ломали пластик, выбивая искры из изуродованной мостовой.

– ЗАРАЖЕНИЕ! ОПАСНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ ФОРМЫ!

Монстр шел, совершенно не разбирая дороги, сокрушая все, что попадалось на его пути. Рогман рухнул на мостовую и отполз за угол здания как раз в тот момент, когда огромная трехпалая лапа наступила на пригвожденное к стене существо, раздавив его во влажную лепешку…

Не дожидаясь продолжения, Рогман медленно и бесшумно отполз назад. Подтолкнув выпутавшегося из-под туники нетопыря в сторону ведущего к полям прохода, он привстал и, пригибаясь, метнулся прочь от страшного места.

– КОНТРОЛЬ БОЕВЫХ СИСТЕМ! ТРЕВОГА! ЗАРАЖЕНИЕ! – несся ему вослед зычный голос эпохи Падших Богов.

Затем за спиной что-то зашипело, и ослепительный свет залил полуразрушенные улицы Города…

* * *

…В тоннелях, ведущих к Плодородной Равнине, плавал сизый, удушливый дым. Кашляя и отплевываясь, Рогман преодолел задымленные участки и выскочил наконец под яркий свет на краю знакомого ему поля.

Остановившись, чтобы отдышаться, он посмотрел вокруг.

Нетопырь молча взмыл к сияющему потолку и сделал несколько кругов над бывшими посадками, которые теперь превратились в страшное месиво из трехпалых следов и вбитых в перепаханную грязь мертвых тел.

Этнамы и сенталы лежали здесь вповалку, забыв про извечные кастовые различия. Некоторые тела были обуглены и еще дымились, испуская отвратительную вонь.

На краю поля застыло еще одно исполинское чудовище. Его огромные, похожие на столбы ноги были поджаты, будто тварь присела отдохнуть; из яйцеобразного туловища, в передней части которого виднелись два дугообразных разреза, торчали десятки копий и стрел. Рогман, наблюдавший эту картину в немом оцепенении, понял, что по монстру были выпущены не десятки, а сотни стрел. Но его броню оказалось не так легко пронять, и метательные снаряды вонзились лишь там, где в бронированной шкуре существа виднелись отверстия или стыки.

Изнутри страшного чудища валил едкий, сизый дым…

Застыв на краю обезображенного поля, Рогман в тягостном молчании продолжал смотреть на страшную картину произошедшей тут бойни.

Что должен был ощущать презренный клонг в этот момент?

Сутки назад, блуждая по Сумеречной Зоне, он думал о том, что когда-нибудь свершится его месть. Он хотел видеть, как от его удара кровь

брызнет из-под голубой шерсти Хозяев Жизни…

Присев на корточки, Рогман провел ладонью по лицу, на секунду прикрыв глаза и пытаясь вызвать в душе клокочущий приступ ярости…

Здесь, на этом поле, крови этнамов оказалось столько, что впору было брести по колено в той каше, где с землей смешались части разорванных тел…

«Отчего же ты не рад? – с раздражением спросил у самого себя блайтер. – Оттого что месть свершил не ты, а какой-то сумасшедший выродок, ходячий реликт, оставшийся после Падших Богов?»

Не найдя ясности в своей душе, Рогман открыл глаза, вновь посмотрел на поле, вздохнул и выпрямился, шаря взглядом в поисках нетопыря.

Вместо Ушастого он внезапно увидел Эргавса.

Старый Управляющий лежал, наполовину утонув в жидкой от пролитой крови грязи, и его рот кривился в попытке что-то сказать, крикнуть… Жизнь еще не покинула его тело, и глаза цепко держали Рогмана, тянули к себе…

Сделав шаг, Рогман склонился над Эргавсом, осторожно вытащил того из грязи и принялся осматривать раны.

«Чудо, что старик все еще жив…» – подумал он.

В горле Эргавса что-то забулькало, и на губах внезапно выступила пена. Воздух, вырвавшийся из легких, с шипением прошел через голосовые связки.

Рогман нагнулся, пытаясь расслышать, что говорит Управляющий Полями.

В эти секунды он не вспоминал ни побои, ни унижения, ни то, с какой легкостью Эргавс отдал его в страшное рабство своему соплеменнику, – все, что случилось тут, потрясло блайтера до глубин души, и ему было искренне жаль старика, которого он какое-то время вполне серьезно считал своим приемным отцом.

– Будь… ты… проклят!.. – ударил в ухо Рогману горячий, свистящий шепот. – Исчадие… Алтаря…

Эргавс откинул голову, захлебываясь хрипом.

– Что я сделал? – гневно воскликнул Рогман. – За что ты проклинаешь меня?!

– Ты… выродок… – из последних сил просипел Эргавс. – Они… такие… как ты… Они пришли… из Алтаря… Новый… кусок… Мира… Амбуш… Пасти… Вот…

Кулак Управляющего Полями судорожно разжался.

На волосатой ладони лежал обрывок шнурка, продетый в маленький, забрызганный кровью прямоугольник, на котором равномерно взмаргивал крохотный огонек.

– Это… родилось… вместе… с… тобой… Новый… Алтарь… узнал… эту вещь… Он послал… их…

Голова старого Управляющего бессильно откинулась. Остекленевшие глаза смотрели в потолок.

Когда Рогман опускал его тело на землю, пальцы дрожали.

Уголки покалеченных плеткой надсмотрщика губ нервно подергивались, кривясь в усмешке.

Слова Эргавса жгли его.

Выродок… Исчадие… Урод…

Вот все, что он слышал в своей жизни. Побои, унижение, рабство… Сухие глаза Рогмана смотрели вокруг, и в душе уже не находилось прежнего сострадания. Даже умирая, любой из них пытался в последнем усилии плюнуть ему вослед… За что?

Есть ли в Мире хоть одно существо, что не отшатнулось бы при виде его бронзовой, безволосой кожи? Или его род – это те безобразные монстры, что разорили Город?

«Почему я тогда не плюну в эту кровавую грязь?» – тяжело, надрывно думал Рогман, тщетно пытаясь отыскать в своей ожесточившейся душе ответ на этот нехитрый, казалось бы, вопрос…

– Вот мы и приехали, сэр Рогман… Теперь тебе будет легче, клянусь!..

…Наверное, он забылся, застонал, опять заблудившись в собственном бреду, потому что вдруг ощутил бьющую в лицо прохладную струю воды, чьи-то руки, которые обхватили его плечи, встряхнули чувствительно, но не грубо, и голос…

– Что я могу сделать, Бриан? – Речь казалась чужой, незнакомой, но он понимал смысл слов, как будто их значение оказалось заботливо разложено по полочкам его памяти. – Не надо его трясти, не тревожь человека. Я дала ему выпить лекарство. Скоро станет легче.

– Что с ним, Мать Цветов?

Этот голос Рогман узнал. Он принадлежал тому человеку, который внезапно появился посреди его бреда и маячил смутным образом негаданного спасителя где-то на пороге сознания…

– У него лучевая болезнь, – сухо и однозначно ответил первый голос.

– Не слышал о такой… – насторожился Бриан.

– Это древнее проклятие, – пояснила Мать Цветов. – Дикие народы называют его Невидимая Смерть. Она еще живет во многих местах нашего многострадального Мира, и, к сожалению, нет таких лекарств, что способны полностью изгнать из зараженного человека этот недуг.

– Никогда не встречал ничего подобного… – признался Бриан.

– Моли судьбу, чтобы не встретить и впредь, – сухо посоветовала та, которую воин уважительно именовал Матерью. – Обычно Невидимая Смерть особенно сильна там, где от земли или предметов исходит бледный, неживой свет, а по ночам, в темноте, над такими местами блуждает по воздуху жидкий огонь.

Чьи-то сухие, чуть шершавые, теплые ладони легли на лоб Рогмана.

– Сожалею, Бриан, но он едва ли протянет год, может, два… – Мать Цветов со вздохом отняла ладони от покрытого испариной лба. – Потом его кровь станет жидкой и белой, превратится в сукровицу. Мои травы бессильны перед этим недугом. Они могут лишь оттянуть, отсрочить смерть, но не предотвратить ее…

…Сознание плавало где-то на пороге бытия. Оно и не прояснялось и не исчезало совсем. Смутные голоса да ощущение от прикосновения сухих теплых ладоней – вот все, что он чувствовал.

Они же справедливо полагали, что измученный юноша лежит в глубоком беспамятстве, иначе навряд ли стали бы говорить о неизлечимости его болезни так откровенно…

Рогман выслушал свой приговор почти равнодушно. Он знал, что Сумеречная Зона не отпустит его просто так за Перевал Тьмы. Те светящиеся бугры источали, оказывается, Невидимую Смерть – об этом ему следовало догадаться. И останки, по которым он, полуживой от ломки, полз к старинной баррикаде, не являлись телами павших бойцов – это глупые дикие приходили к сияющим буграм молить о чем-то своем, сокровенном, породивших их Падших Богов и умирали, медленно, страшно, но все равно шли к смертному капищу… Что просили они у Падших, наивно принимая за их знамение равнодушное к жизни бледное зарево? Лучшей доли для себя? Решения каких-то сиюминутных проблем?

Этого он не знал. Да и не все ли равно?

Почему-то Рогману казалось, что нет. Далеко не все равно. Это могло показаться смешным… или страшным? Но, именно выслушав свой приговор, он впервые подумал о диких как о разумных существах. Впервые он допустил мысль о том, что у других тоже существуют свои горести и радости. Просто они… они… иные?

А как же тогда пауки и их симбионты? И к какой категории жизни

причислить тех существ, которых он встретил в разрушенном Городе этнамов?!

«Рогман, – спрашивал его робкий внутренний голос, – куда же девалась твоя ненависть? Где твоя озлобленность против Мира? Что ты утратил под ярким светом Плодородной Равнины, когда смотрел на тела ненавистных Хозяев Жизни, втоптанных проснувшейся силой твоих предков в грязь полей? Или эти ненормальные перемены в твоей душе случились позже, когда, уже ощутив разгорающийся внутри жар, ты полз по ледяным камням у вершин Перевала Тьмы? Что ты утратил, Рогман?!»

Он знал ответ на заданный самому себе вопрос.

Он утратил ненависть. А любви у него никогда не было, и Мир вокруг внезапно выцвел, потерял все свои тона. Ради чего жить, когда негаданно свершилась месть, потом сбылась Мечта, и оказалось, что на ее место пришла пустота?!

Глава 7 Две души

Бриан оказался прав – Рогман полюбил желтое тусклое солнце, которое каждое утро вставало багряным шаром за крайними домами небольшого укрепленного поселка. Оно ползло в небесах, постепенно теряя свой утренний румянец, становясь песочно-желтого цвета, и его ласковые, теплые лучи обнимали медленно поправлявшегося блайтера, ласкали, словно пытались воздать за все годы, проведенные им под землей.

Он еще не мог спокойно, без головокружения смотреть на горизонт и потому старался задерживать взгляд на близких предметах, таких, например, как бревенчатая стена дома или земля под ногами…

Просыпаясь рано утром, Рогман выходил в сад, что заботливо содержала в образцовом порядке Мать Цветов, невысокая темноволосая женщина преклонных лет, местная целительница и знахарка.

С людьми, населявшими поселок, он почти не общался. Во-первых, новые слова, хоть и отыскивали свой смысл в глубинах его разума, но упрямый язык не хотел изгибаться нужным образом, чтобы произносить звуки чужой речи. Во-вторых, его болезнь являлась диковинкой в этих краях, и народ не очень-то спешил тесно знакомиться с изможденным юношей, которого привез Бриан. По поводу его происхождения все сходились в одном мнении: Рогман, несомненно, являлся человеком. Скорее всего в младенческом возрасте его украли зеленые или дроны. Как он оказался в страшном рабстве, в глуби проклятых, полных разной нечисти подземелий, оставалось только гадать. Да и рассказам Бриана о нетопыре и странном обмене памятью, который приключился со странником во время сна, не очень-то верили. Вслух, конечно, никто не выказывал сомнений по поводу правдивости признанного воина, но в душе каждый считал, что разум Бриана помутил призрак убитого им двалга, – думать так было проще и понятнее.

Удивительно, но Рогман не страдал от образовавшегося вокруг вакуума. Несколько месяцев назад он бы с ума сошел от радости, увидев подле себя живого человека, больше того, он мечтал об этом страшном, сладком мгновении, когда он обретет родственную кровь, племя…

Ничего страшного или сногсшибательного… Он уже успел притерпеться к мысли о людях… Они есть. Они рядом. Они другие. У них свои горести, радости, свой взгляд на жизнь, своя вера. Он для них такой же чужой – найденыш, выкормыш, каким был и для сенталов…

И что дальше?!

Этот вопрос медленно разрастался в нем, тревожил, саднил душу.

Потолок Сумеречной Зоны не рухнул, Мир не перевернулся, жизнь текла мимо, следуя своим чередом…

Единственное, что по-настоящему тревожило и тяготило Рогмана, – это вопрос о том, куда делся Ушастый? Бриан утверждал, что не видел его с того момента, как храбрый нетопырь атаковал лагерь дронов, но их странный обмен мыслями, позволивший душам странника и блайтера сродниться, понять друг друга, мог быть делом только его рук…

«Он просто не выносит солнечного света… – мысленно убеждал себя Рогман, тоскуя по крылатому товарищу. – Вернулся, наверное, к малышам, к подруге…»

…Задумавшись, Рогман не услышал, как по садовой дорожке прошуршали чьи-то шаги.

Бриан присел рядом с ним на теплое от солнечных лучей крыльцо. На этот раз он был одет просто – никакой брони, только перехваченная поясом рубаха да штаны из домотканого сукна. Хмуро посмотрев на Рогмана, Бриан нагнулся, сорвал травинку и принялся сосредоточенно мочалить ее в своих крепких зубах.

– Хандришь? – наконец спросил он.

Рогман отрицательно покачал головой.

Бриан был единственным человеком, который не чурался его и мог поддерживать с блайтером сносный, понятный обоим разговор. Двалг или нетопырь – о том судить молве, – но кто-то все-таки одарил Бешеного Пса тайным знанием смысла слов лающего языка сенталов, и они с Рогманом разговаривали, каждый по-своему, и при этом отлично понимали друг друга.

– Я вижу, ты страдаешь… – вновь произнес Бриан, тщательно подбирая слова. – Тебе кажется, что люди сторонятся…

– Дело не в этом. – Рогман продолжал смотреть прямо перед собой, в землю, где муравей пытался уволочь непомерную для себя травинку. «Вот так и я, – подумалось блайтеру, – корячусь, пытаюсь унести с собой все, что накопил в душе за эти годы, а надо бы бросить, забыть…»

– А в чем? – напомнил о своем присутствии Бриан.

– Я убийца… – негромко ответил ему Рогман.

Странник вздрогнул.

– Ты что имеешь в виду?! – вдруг взъярился он, когда до него наконец дошел истинный смысл сказанного.

– Я истребил свой народ, – подтвердил Рогман ту мысль, что

неприятно поразила Бриана интуитивной догадкой.

Для странника, который обладал частицей памяти блайтера, становилось очевидно, о ком говорил спасенный им из лап зверозубых воинов юноша, – нужно было лишь немного пошевелить мозгами.

– Знаешь, попадись мне этот твой Эргавс, я бы не просто убил его, – с непоколебимой убежденностью произнес Бриан, – я бы убивал его медленно. Так же, как он убивал тебя. Ты хоть понимаешь, что этот ублюдок продал тебя, человека, в рабство этой скотине Ургуну?! Они всю жизнь измывались над тобой, били, унижали, а ты готов их простить? Ты называешь их СВОИМ НАРОДОМ?! И вообще, их убил не ты! Не знаю, что за темные силы подземелий явились к Хозяевам Жизни, – последние два слова Бриан выговорил с презрительной усмешкой, – но они воздали им по заслугам!.. Они отомстили за тебя. Справедливо, заметь, отомстили!

– Эргавс был по-своему добр ко мне, – спокойно, даже несколько равнодушно ответил Рогман на пламенную речь странника, чем сильно ошарашил последнего. – Он не мог относиться ко мне иначе. Для сентала, который всю свою жизнь только и делал, что бился ради элементарного выживания, он поступал достаточно благородно.

– Ты бредишь, сэр Рогман! – запальчиво произнес Бриан, с досадой сплюнув изжеванную травинку. – Болезнь повредила твой рассудок! Если следовать твоей логике, то я должен возлюбить зверозубых подонков, которые крадут наш скот и воруют детей за околицей сел?!

Несколько секунд в воздухе витала напряженная тишина.

Рогман в какой уже раз вдруг ощутил приступ внутренней слабости, беспомощности, будто был дряхлым, древним старцем, да еще вдобавок ко всему и слепым. Он брел в своих мыслях на ощупь, следуя извилистому пути скорее интуитивно, ловя очертания незримых стен болезненными, стертыми в кровь кончиками пальцев. Это не являлось полностью осознанным процессом, часто слова рвались с губ помимо воли, и только позже его настигал ИХ СМЫСЛ…

– А что ты будешь делать, когда падет последний из них? – глухо спросил Рогман, исподлобья посмотрев на разъяренного воина.

– Не в этой жизни, юноша… – нервно хохотнул Бриан. – Их слишком много!

– Я прошу тебя только представить.

Бриан нахмурился.

– Не знаю! – наконец с раздражением ответил он. – Наверное, найдутся другие ублюдки, которые придут на смену зверозубым. Свято место пусто не бывает…

– Ты судишь их по законам своей морали и своей логики. В этом твоя ошибка. Они слишком непохожи на нас. Они ДРУГИЕ, понимаешь? И с их точки зрения ублюдок – это ты.

Рогману казалось, что он разговаривает не с Брианом, а сам с собой. И убеждал он больше себя, чем сбитого с толку, раздраженного воина. В его голове вопросов теснилось больше, чем имелось ответов на них.

– Слишком много крови… Крови из-за непонимания друг друга. Да никто и не пытается что-то понять, и человек, и дрон, и дикие обитатели подземелий – каждый живет от сих до сих… – Он выразительным, рубящим жестом обозначил некие границы незримого отрезка. – От рождения до смерти и не задумывается о смысле происходящего вокруг.

– Ты, что ли, задумался? – мрачно осведомился Бриан.

– Да… – с внезапной твердостью в голосе ответил Рогман. – Потому что мне больше незачем бороться, в твоем понимании этого слова. Мои враги мертвы. Моя мечта сбылась. И жить мне осталось не больше года, я слышал, как говорила с тобой на эту тему Мать Цветов.

При этих словах Бриан побледнел.

– Не беспокойся… я уже пережил это… внутри себя. – Рогман чувствовал, что душа собеседника рвется ему помочь, ободрить, утешить, но Бриан откровенно растерялся, не зная, что сказать. – Когда отпадают сиюминутные проблемы, когда лежишь и понимаешь, на что истратил свою жизнь, становится обидно… Почему я сразу не ушел за Перевал Тьмы? Зачем бродил по Сумеречной Зоне, лелея свою ненависть к тем, кто не мог относиться ко мне иначе, ведь с точки зрения ИХ законов и взглядов я действительно являлся выродком.

– Но… – попытался вставить слово Бриан, только Рогман не захотел слушать его возражений.

– Прости… Выслушай меня, пожалуйста, а потом поступишь так, как подскажет тебе сердце. Попробуй на секунду влезть в мою шкуру, отрешись от своей ненависти, взгляни на дронов без пелены вражды… Скажи, только беспристрастно, – кто они?!

Странник нахмурился.

Думать о ВРАГАХ без ненависти? Достойное испытание для Бешеного Пса!..

И все же что-то он смог. Конечно, отрешиться полностью не получилось, но он увидел их, сгорбленных зеленокожих воинов, бредущих по обледенелым горным тропам в сторону зияющего зева пещеры, вход в которую затягивала бурая слизистая пленка. Холодное голубое солнце над головой. Голод. Вечная борьба за крохи… Ненависть… Горячие, согретые

желтым солнцем равнины людей сладким, желанным до дрожи ломтем лежат внизу. Магнит, обрамленный веселой зеленью лесов. Гулкий пульс крови в висках, бурчание голодного желудка, мысли, редкие, как одинокие деревья в бескрайней степи, все низведено до уровня инстинкта… Убить, чтобы поесть. Поесть, чтобы ощутить тепло в брюхе. Продолжить свой род.

– Страшно… – скрипнув зубами, вдруг произнес Бриан.

Рогман молчал. Он уже испытал нечто подобное. Ему тоже стало страшно, когда он понял, что ему хочется взвыть над телом Эргавса. Все зло Сумеречной Зоны, вся ненависть к своим хозяевам бледнела, блекла перед тем, что он ощутил в те страшные мгновения. Неужели ему необходимо было пройти жуткими путями своей ненависти, чтобы вдруг ощутить это: ледяной, умирающий Мир вокруг, который медленно, но совершенно неумолимо покидает жизнь…

– Если закрыть глаза и поверить, что твои и мои предки были Богами, которые создали этот Мир, то значит, в нем изначально было место и для зверозубых, и для дронов, и для Эргавса с остальными сенталами… Мы что-то потеряли, Бриан… – Рогман ощущал, что находится в забытье, полусне… – Мы были их Богами. Почему теперь они бродят всякий сам по себе, притесняют нас и медленно умирают вместе с Миром? И что такое этот Мир?!

Бриан хотел бы ответить, да не мог. Он лишь чувствовал, как от слов Рогмана огромные ледяные мурашки ползут под рубахой, словно вдруг перестало греть ласковое летнее солнце…

Солнце?!

Его прошиб пот.

– Рогман! – Он внезапно повернулся к нему, схватил за плечи вздрогнувшего блайтера и потрясенно повторил вслух свою мысль: – Солнце!

– Что – «солнце»?! – не понял Рогман, смущенный его внезапным порывом.

– Над горами дронов светит другое солнце! Оно не наше! Оно голубое и холодное! А если идти в другую сторону, то придешь в страну хameронов, там солнце красное и такое большое, будто занимает собой полнеба!

Эти слова заставили Рогмана вспомнить. Вспомнить, как едва живой, насмерть замерзший, он дополз до вожделенных вершин Перевала Тьмы. Он увидел бездонное фиолетовое небо и маленький яркий голубой шарик в его зените…

– Бриан… – Голос Рогмана осип от возбуждения. – Три Мира, три солнца… Но где? Где грань между ними?

– Она сломана, – ответил воин. – Нечто подобное я в детстве слышал от сказителей, а потом видел своими глазами. Там была стена, не знаю, из какого материала, но границей нашей земли и владений зверозубых служит бесконечный желоб из непонятного материала, что тянется по земле! Там смешивается свет двух солнц, и природа там не поймешь какая! Что все это значит, сэр Рогман?!

– Я не знаю… Только догадываюсь… Скажи, а Мать Цветов знает старые легенды?

– Про Древних?

– Да… – Рогман вдруг усмехнулся. – У нас их называли Падшими Богами. Прямо в точку, не находишь?

Бриан промолчал, потрясенно уставившись на юношу.

– У тебя такие глаза… словно ты живешь уже не первую жизнь… – вдруг произнес он, смутился, отвел взгляд и встал. – Пойду поищу Мать Цветов, – словно оправдываясь, произнес он. – Думаю, что она помнит легенды о Древних.

Рогман долго смотрел вслед уходящему в глубь сада воину.

Почему-то его не покидало ощущение, что не все еще потеряно для этого Мира. Он не должен умереть окончательно. Где-то должен существовать выход.

В груди блайтера медленно зарождалась новая Мечта, постепенно заполняя собой пустоту в том месте, где раньше обитала его ненависть.

* * *

Послушать рассказ целительницы о старине им так и не пришлось.

Рогман все еще сидел на крыльце, в глубокой задумчивости ожидая возвращения Бриана, когда за живой оградой из аккуратно подстриженных кустов раздались встревоженные крики.

Кто-то несся по улице в сторону частокола, истошно крича:

– Зеленые! Зеленые на горизонте!

Рогман не сразу сообразил, в чем дело. Вскинув голову, он прислушивался к удаляющемуся крику, а улица поселка тем временем, словно по волшебству, наполнилась новыми звуками: бряцало оружие, слышались невнятная ругань мужчин, сдавленные вскрики женщин, где-то поблизости вдруг заплакал перепуганный ребенок…

Этот звук заставил Рогмана привстать, выглянув поверх кустов.

Улица пустела. Все, кто мог носить оружие, сломя голову неслись к частоколу, старые да малые прятались по домам, затворяли двери, и лишь любопытные, восторженные бусинки перепуганных детских глаз нет-нет,

да и мелькали за полупрозрачными оконными занавесями.

О нем, естественно, напрочь забыли. Да и кто станет вспоминать про полуживого юношу, нашедшего приют в доме сельской знахарки? Бриан тоже при первых звуках тревоги наверняка перемахнул через живую изгородь и вместе с толпой метнулся к стенам.

Рогман секунду постоял, затем тряхнул головой и вышел за живую ограду, воспользовавшись калиткой. По пустой улице еще стелилась пыль, взбаламученная десятками ног. Со стороны частокола, который опоясывал все селение двумя рядами – один высокий, другой пониже, не доносилось ни звука, там повисла гробовая, зловещая тишина…

Ноги еще плохо слушались блайтера, но голова соображала с необычайной ясностью.

Доковыляв до плотно утоптанного периметра, Рогман, цепляясь за перила, поднялся на внутреннюю смотровую площадку, стоя на которой можно было выглянуть поверх заостренных бревен. Здесь уже стояло четверо мужчин с длинными луками на изготовку. На Рогмана обратили внимание, даже посторонились, уступив место у узкой бойницы, пропиленной на стыке двух бревен, благо их на площадке оказалось оборудовано штук десять.

Он нагнулся было к щели, которая предназначалась для стрельбы с колена, но поза показалась ему не только неудобной, но и какой-то постыдной. Чего он не видел в этом Мире, чтобы прятаться от надвигающейся беды?

Выпрямившись в полный рост, Рогман выглянул поверх частокола.

К поселку со стороны гор надвигалась если не армия, то очень внушительный отряд, насчитывающий несколько сот зеленокожих бойцов. Впереди, не скрываясь, двигался отряд дронов, воинов пятьдесят, не меньше. Все они были облачены в одинаковую, блестящую на солнце броню, которая отличалась только степенью своей ухоженности.

Однако всеобщее внимание в гробовой тишине, что висела по обе стороны частокола, оказалось приковано не к рядам зверозубых воинов, а к тому, что двигалось за ними.

Сначала вдали, у пограничной рощи, откуда как раз и прибежал в селение вестник, рассказавший о надвигающейся опасности, послышался неясный, скрежещущий звук, который становился все четче, явственнее, пока не начал обретать зловещую УЗНАВАЕМОСТЬ, по крайней мере, в ушах Рогмана.

Никто не видел, как смертельно побледнел блайтер. А если кто и заметил, то не осудил: мужчины на стенах сами были бледны, им

предстояло грудью встретить зеленый вал, спасая свои семьи.

Но не отряды зверозубых подействовали на Рогмана так угнетающе. Знакомый, скрежещущий, заполошный визг звучал все явственнее и явственнее, давил, выматывал мгновенным недобрым предчувствием, и не могло тут быть никакой ошибки – крайние деревья вдруг дрогнули, теряя ветки под напором прущей сквозь них силы, и люди увидели, как оттуда, из-под прохладных, тенистых крон, на свет выползли три чудовищных, непропорционально больших и совершенно неузнаваемых монстра.

Неузнаваемых для всех, кроме похолодевшего Рогмана.

Это были они… Создания Падших Богов, точно такие, как он видел в Городе этнамов. Единственное различие заключалось в том, что те действовали по своей воле, а эти двигались по принуждению: следом за каждым из монстров двигалась группа из пяти-шести двалгов – событие само по себе устрашающее и неслыханное. Вероятно, люди не подозревали, что у зверозубых наберется столько тварей, умеющих общаться с вещами Древних.

Отряды зеленокожих воинов остановились ввиду частокола. Двалги не спешили выступить вперед. Наоборот, они остались сзади лучников, а дроны в доспехах разделились на три группы, намереваясь прикрывать своих выродков от случайных стрел.

Казалось, судьба поселения предрешена. Люди не ведали, что за монстров привели с собой зверозубые, только Бриан, глядя на огромные трехпалые лапы с шарнирным сочленением, внутренне похолодел, так же как и Рогман. Он видел останки отряда дронов, подле которых были точно такие следы… Значит, двалги зеленокожих сумели приручить эти исчадия древних времен… и вот они шли на поселение потомков тех, кто, собственно, их создал, и заполошный вой дышащих на ладан движков и сочленений несся над притихшей землей траурной, погребальной мелодией…

Рогман резко обернулся, ища глазами Бриана, и в этот момент страшные, грохочущие и визжащие чудовища пересекли некую незримую границу.

Тот из трех монстров, что вырвался чуть вперед, внезапно остановился с зубовным скрежетом несмазанного, истершегося металла и присел, подавшись вперед на двух своих лапах.

Его вытянутое, яйцеобразное туловище, покоящееся меж согнутых конечностей, с нервным визгом повернулось в сторону плотно запертых ворот, и внезапно от его передней части, где четко просматривались вправленные в металл сегменты толстого стекла, ударил бледный свет.

Казалось, что он скользит над землей, расходясь веером, на вид совсем не горячий, какой-то жалкий, блеклый, но стоило ему коснуться ворот внешнего частокола – те словно сдуло с петель, а бревна по краям вдруг схватились языками жадного пламени, мгновенно превратившись в факелы…

* * *

У зверозубых, так же как у этнамов или у диких, имелся свой взгляд на происхождение видов.

Они называли себя лонгами.

Никто не спрашивал у зеленокожих воинов, почему те так ненавидят людей. Откуда шли корни этой вражды? Почему отряды зеленых, под предводительством дронов, с такой завидной регулярностью спускались с гор, нападая на человеческие поселения? Неужели продукция ремесел, которые бытовали на теплой равнине, была так притягательна для обитателей горных пещер? Ведь все остальное можно скинуть со счетов, оставить без внимания – ни еда, ни захват территорий или пленников не могли оправдать регулярности набегов. Непреодолимый биологический барьер стоял между людьми и зеленокожими. Требовались миллионы лет эволюции двух экосистем, чтобы на их стыках появились первенцы того Мира, который в будущем мог стать общим для обеих рас. Пока же это не было актуально.

Тогда почему?

Легенды гласили: когда-то, в незапамятные теперь времена, с небес спустился огненный змей. Из его пламени родились существа с шарами вместо голов. Они долго ходили по земле, пока не встретили первое зеленокожее племя, которое обитало высоко в горах, под холодным светом голубого солнца.

Существа, рожденные драконом, поселились неподалеку от мест обитания нескольких прайдов. Они так долго ходили следом, что со временем на них просто перестали обращать внимание. Поначалу, конечно, некоторые лонги, раздраженные такой навязчивостью, пытались выдворить незваных гостей с исконных мест своей охоты, но им не удавалось даже приблизиться к ним. Непонятная сила отшвыривала назад самых могучих вожаков прайдов.

Потом произошло страшное. Однажды, после особо удачной охоты, несколько многочисленных семей отдыхали, лениво развалившись на плоских скальных выступах около пещер. На странных существ, что время от времени появлялись тут, они уже давно перестали обращать внимание.

На этот раз существа приволокли с собой какие-то цилиндры. Они поставили их под ветром, и оттуда внезапно повалил туман. Он укутал сытых лонгов, заставил отяжелеть их веки, налиться свинцом гибкие тела, и они уснули.

Проснулись они в незнакомых горах.

Все так же высоко в небе светило голубое солнце, но Мир изменился, стал совершенно неузнаваем. Глаза еще можно было обмануть схожестью пейзажей, но тонкий нюх хищников – нет. Они очутились в ином месте, где все пропахло чужими флюидами.

Лонги поняли, кто повинен в страшных для них переменах. Они больше не подпускали к себе этих странных существ с шарами на голове. Тогда те опять пустили туман, и лонги вновь уснули. Очнувшись, они недосчитались нескольких самок.

А еще через некоторое время в горах, неподалеку от того места, где обитали истинные прайды, вдруг появились десятка два новых семей. Во главе каждой из них стоял вожак – дрон. Так появились другие, ненормальные лонги. Они не чурались шароголовых существ, наоборот, ластились к ним, особенно дроны – необычайно высокие, сильные, перенявшие у шароголовых привычку ходить на задних лапах. Новые прайды всегда были сыты. Они зимовали в теплых, уютных пещерах, научились разводить огонь и складывать звуки в слова.

Вожаки свирепых старых прайдов одряхлели, затем отошли в мир иной. Часть их потомства откочевала глубже в горы, не желая подчиняться шароголовым, а часть смешалась с новыми семьями. Так произошел окончательный раскол: те, кто ел с рук шароголовых существ, плодились и множились, а те, кто отверг огонь, пошел по пути гордости и свободного духа, растворились в горах.

Так продолжалось на протяжении многих поколений.

Потом внезапно наступил МРАК.

Земля зашаталась под ногами, рухнули скалы, из трещин брызнул огонь, небо почернело, и солнце исчезло с него. Лютый холод пришел в горы. Множество лонгов нашли свою смерть в те страшные дни. Те, кто остался жив, под предводительством дронов начали долгий и опасный спуск вниз, по сошедшим с ума скалам, которые источали бледный, неживой свет.

Дроны точно знали, куда ведут обезумевшие от страха племена. Они вели их в предгорья, где возвышалась гудящая стена, рядом с которой стояли сооружения шароголовых. Там они надеялись найти защиту. С ними в этот исторический поход отправились первые двалги – следующая

ипостась дронов.

Холод уже нельзя было назвать сильным – он стал лютым. В черном небе били ветвистые разряды молний. Голубые шары плазмы скакали по мертвым скалам, будто мячики, и взрывались, расплескивая ослепительные вспышки, которые кололи камень, разнося скалы в мелкий, острый, горячий щебень…

Потом далеко у горизонта появился бледно-желтый свет.

Остатки лонгов, выжившие в катастрофе, пошли на него.

Постепенно вокруг стало теплее, потом в один из дней в небесах безо всяких знамений вспыхнуло родное голубое солнце. Ломкая трава начала оттаивать, далекие горы все еще источали призрачный свет, а гудящей, непроницаемой стены, появления которой ожидали дроны, все не было. Вместо нее они увидели протянувшийся по земле желоб. А за ним – разрушенные постройки шароголовых.

Там, куда они стремились из последних сил, где ожидали встретить помощь от вскормивших их существ, теперь притаилась смерть. Чужое желтое солнце сияло в небесах за желобом, воздух раздирал легкие кашлем, непонятные деревья с обмороженными ветвями тянулись в бесконечность, образуя правильные, параллельные ряды.

Здесь они впервые встретили людей без круглых шлемов на головах, те метались в панике между своими разрушенными постройками, кричали, с ужасом вскидывая руки в сторону приближающихся от подножия гор осиротевших племен.

Они пришли за помощью, а получили отпор, смерть. Из-под тени обмороженных деревьев появились страшные, визжащие на все голоса машины и погнали их назад, в обледенелые, освещенные призрачным светом рвущегося из-под земли огня горы…

Дроны, которые по сути своей являлись продуктом вдумчивой генной инженерии и боготворили людей как своих создателей, не поверили тому, что произошло с ними.

В течение нескольких поколений, выживая средь новой реальности Мира, они продолжали верить в то, что обосновавшиеся на теплой равнине люди и шароголовые суть не одно и то же. Им казалось, что именно кричащие, ненавидящие, прогнавшие их назад в горы существа и есть то зло, что внезапно встало между ними и прошлой райской жизнью.

Они не погибли в зараженных радиацией горах. Наоборот, изменились и окрепли. И по-прежнему, как наказывали им шароголовые, продолжали воспитывать родившихся двалгов, веря, что когда-нибудь им удастся смести поселения людей, которые принесли зло в этот Мир, и тогда они пройдут

дальше, разыщут шароголовых, расскажут им о своей жизни, и все станет как раньше: вернется золотой век теплых пещер, сытной еды и всеобщего Мира…

Сейчас, в неизвестно каком поколении, эти легенды уже мало кто помнил. Дроны стали совсем не те, да и двалги забыли о прошлом предназначении. Они стали совершенно самостоятельной, не зависящей ни от кого расой. Теперь лонги знали и помнили лишь одно: когда-нибудь они победят ненавистных обитателей теплой равнины и вернут себе утраченную райскую жизнь…

* * *

…В гробовой тишине было отчетливо слышно, как яростно трещит огонь, пожирая сухое, смолистое дерево.

Защитники стен оцепенели. Поднявшихся на площадки за внутренним частоколом мужчин никто не мог назвать трусами, но они впервые воочию столкнулись с тем, о чем до этого знали лишь из туманных, неясных преданий старины. Может быть, потому им казалось, что в треске разгорающегося пламени звучит их погребальный гимн?!

Столкновения с зеленокожими они не боялись, а вот встречи со сверхъестественными силами не желал для себя никто. Потому и стояли оцепенев, опустив изготовленные к стрельбе луки, словно такое поведение могло избавить от трех непонятных чудовищ, что выломились из знакомой рощи, погоняемые неслышным шепотом ненавистных двалгов.

Единственным человеком, который уже видел нечто подобное, был Рогман. Перед его глазами стояло видение: точно такое же чудище, покосившееся, мертвое, все истыканное стрелами и дротиками, стоит на окраине вытоптанного поля…

Их можно было победить. Железо, из которого состояли напавшие на селение монстры, точно так же одряхлело, как и весь Мир. Оно было очень старым и ненадежным, как та балка в зале с живым туманом, которая отломилась под весом блайтера.

Рогман обернулся, ища глазами Бриана.

Это был критический момент. Еще минута – и ковыляющие машины снесут вторые ворота, подожгут внутренний частокол, и тогда уже ничто не спасет селение от бешеной атаки зеленокожих воинов.

Бриан стоял на соседней площадке. На нем не было доспехов, все та же тонкая рубаха и холщовые штаны. В руках он сжимал свой арбалет, а рядом на выступе лежала секира, холодно блестя обнаженной голубоватой сталью.

Рогман колебался ровно секунду. Однажды он уже бросил на произвол судьбы свой народ… Делать подобное дважды не стоило, даже если ставкой являлась жизнь…

– Бриан! – крикнул он, нарушая стылую, полную мистического ужаса тишину.

Воин обернулся, нашел глазами юношу…

Лающий язык сенталов, прозвучавший в визгливой тишине, казался таким же нереальным, неуместным тут, как и ковыляющие по полю исчадия древности.

– Больное железо! – крикнул Рогман, надеясь, уповая лишь на то, что Бриан сообразит.

Дальше все происходило, как в полусне.

Одной рукой Рогман выхватил из-за пояса ближайшего воина топор с таким же, как у секиры Бриана, голубоватым, остро отточенным лезвием, а другой ухватился за верхушку заостренного кола внутреннего ограждения.

Никто на площадке не успел опомниться, а он уже встал над забором, взмахнув руками, чтобы сбалансировать на остриях кольев, затем прыгнул через брешь, едва не напоровшись на острия нижнего заграждения, и очутился по ту сторону ограды, один на один с тремя ковыляющими к пролому монстрами.

Над головой Рогмана взвизгнули тетивы луков, и десятки стрел устремились к шагающим исполинам, падая на них по короткой, точно выверенной опытным глазом стрелков дуге.

Раздался звук, какой может издавать сушеный горох, щедро высыпанный в гулкое днище пустого ведра.

Земля встретила блайтера болезненным, подрубившим ноги ударом, но, разгибаясь, Рогман успел заметить, как пошатнулся передовой монстр, и в визгливый посвист его суставов вплелся зубовный скрежет, словно там что-то перемалывалось внутри, – это несколько стрел со стальными наконечниками проломили коленный шарнир и застряли в механизме.

– Не дайте высунуться стрелкам! – хрипло прокричал Рогман, не отводя глаз от надвигающейся на него лязгающей громады. Одной рукой он оперся о землю, в другой была зажата рукоять боевого топора. Ноги, отбитые при прыжке, никак не хотели слушаться, слабость подкатывала к горлу комками тошноты, но он не замечал ничего – весь мир заполонила чудовищная, шатающаяся тень, и единственная мысль билась в голове: «Ударит этот бледный огонь еще раз или нет?!»

Не ударил. Над головой свистели стрелы, отсекая попытки зеленокожих выскочить на дистанцию выстрела из лука и свалить безумца,

что своей самоубийственной храбростью решил сломать их тщательно взлелеянный план…

Рогман не видел и этого. Тень надвигалась; на лязгающего исполина было жутко смотреть, да он и не смотрел – подползал к нему боком, по-крабьи, сосредоточив взгляд на сочленении громадной ноги, шарнир которой приходился ему как раз на уровне плеча.

С дистанции в несколько метров он сумел разглядеть облупившуюся краску, ржавые потеки на механическом колене и даже какую-то трубочку, что выбилась из-под прогнившего кожуха и вздрагивала, пульсировала, проталкивая через себя желтую маслянистую жидкость.

Вой уже закладывал уши. Рогман закричал, выпрямляясь в полный рост, и нанес удар топором наискось, сверху вниз…

Удар больно отдался в ладони, хрустнуло проломленное железо, взвилось облачко ржавой трухи, потом раздался скрежет, что-то лопнуло; на Рогмана брызнуло из перебитого шланга остро и неприятно пахнущим маслом, и топор вырвало из его рук, затягивая вонзившееся лезвие в механический привод…

Исполин пошатнулся, заваливаясь на бок, но каким-то чудом удержал равновесие, накренясь и с визгом разворачивая в сторону безумной букашки свой механический торс…

– Держись, сэр Рогман! – это был голос Бриана, зычный, словно рев боевой трубы.

Отшатнувшись от накренившейся в его сторону тени, Рогман увидел распластавшегося в прыжке воина. Его секира серо-голубой молнией прочертила воздух и ударила с лязгающим хрустом прямо в выпуклые, прозрачные сегменты, расположенные на конечности наклоненного к блайтеру яйцеобразного корпуса чудовища.

Оттуда щедро сыпанули искры. Сами сегменты не разбились, они просто вылетели от удара из своих износившихся креплений, а вот металл проломился, лопнул, выпуская наружу разрубленные жгуты проводов.

В воздухе запахло озоном, полыхнувшие во все стороны искры попали на маслянистое пятно, и по броне исполина метнулись жадные язычки голубого пламени. Еще секунда – и он вспыхнул, мгновенно превратившись в гигантский факел…

Недолго думая, Бриан схватил в охапку обессилевшего от своего рывка блайтера и поспешил назад, к воротам, которые уже со скрипом распахивались навстречу безумным храбрецам.

С позиций зеленокожих несся злобный, разочарованный вой. Одно из приведенных ими чудовищ валялось, все истыканное стрелами, второе

пылало, а третий монстр, подобравшийся под самый частокол, валялся пробитый брошенным сверху заостренным бревном, и из его внутренностей валил черный жирный дым.

Дроны, обезумев от ярости, рванулись было вперед, но их встретила туча выпущенных из-за укреплений стрел. Десятка полтора воинов выкосило, опрокинуло в траву, остальные резко завернули назад, не желая бесславно гибнуть от дистанционного оружия.

Их затея провалилась. Перед отрядами зеленокожих опять сомкнулись внутренние ворота. Пламя с внешних уже сбили при помощи воды, и теперь обугленные столбы дымились и шипели, плюясь паром.

Атака, которую многие из защитников считали безнадежно проигранной, была отбита.

* * *

Лежать в прохладной тени раскидистого куста и слушать, как в звонкой тишине щебечет пичуга, показалось Рогману так приятно, что не хотелось открывать глаза…

Тишина… Сколько раз в своей жизни он просыпался средь другой тишины, мертвой, настороженной. Здесь она была совсем иной, чем в Сумеречной Зоне, – тишина казалась теплой, совершенно не враждебной, живой…

На губах чувствовался отчетливый солоноватый привкус.

Рогман открыл глаза. Согнув руку в локте, он краем рукава коснулся губ. На белой ткани расплылось влажное красное пятно. Кровь…

Он мгновенно вспомнил и свой безумный прыжок навстречу шагающему исполину, и дикий приступ слабости, сопровождаемый удушьем, что охватил его уже на руках Бриана, пока тот тащил его назад, под прикрытие частокола. Мать Цветов ошиблась. Ему не отпущен даже год… Сумеречная Зона сожрала его легкие еще раньше, чем он получил свою дозу Невидимой Смерти.

Сбоку от аллеи, что вела в глубь ухоженного сада, послышались шаги.

Рогман улыбнулся. Несмотря на болезнь, он чувствовал себя живым. Смерть блуждала там, внизу, под Перевалом Тьмы, а тут он ощущал каждый прожитый миг…

– Проснулся, сэр Рогман?

Он знал, вернее, еще по шагам догадался, кто идет к нему по аллее.

– Здравствуй, Бриан.

Воин огляделся по сторонам и сел подле, скрестив ноги. Заметив алеющее пятно на рукаве рубашки Рогмана, он беспокойно вскинул взгляд.

– Позвать Мать Цветов? Тебе опять было плохо?

– Не надо, – остановил его блайтер. – Все в порядке. Утром я уже пил ее отвар.

– Ну, смотри, сэр Рогман, как знаешь…

– Слушай, а почему ты все время зовешь меня «сэр»?

Бриан ответил не сразу. Он почему-то полез к себе за пазуху, достал оттуда болтающийся на цепочке медальон, раскрыл его и бережно вытащил оттуда сложенный вчетверо, пожелтевший от времени листок бумаги.

– Называя тебя сэр Рогман, я отдаю дань уважения твоему роду, – заметно смутившись, пояснил он. – Мой предок был командиром военного отряда. В те времена, когда Древние еще жили среди нас, – пояснил он. – В моем роду бережно передают из поколения в поколение вот этот наказ, данный моему предку одним из древних героев. Я не знаю, к чему относится данное пророчество и когда сбудется то, что здесь предсказано, но тому минуло уже несколько сотен лет… Все это время мы передаем записку по наследству со словами: «Настанет срок, и ты сделаешь это…» Что «это», я не знаю, – покачал головой Бриан, – но в этом письме моего предка уважительно называют «сэр», и в нашем роду издревле принято именно так обращаться к людям, к которым испытываешь особенное уважение за их честь и храбрость.

Нельзя было даже и помечтать удостоиться большей похвалы из уст сдержанного на комплименты воина.

Рогман почувствовал, что краснеет. Стыдно сознаться, но его вчерашний порыв был скорее данью отчаяния, чем осмысленным, выверенным поступком. Никакого геройства. Просто страх. Животный страх перед перспективой вновь оказаться в лапах зеленокожих.

– Спасибо, Бриан. Скажи, а нельзя узнать, что там написано?

– Тебе – можно. Вчера ты доказал, что являешься великим воином, даром что такой тихий… Вот слушай, сэр Рогман, я тебе прочту, что писал моему пращуру древний воитель по имени Актур Ксерк:

«Начальнику временного лагеря, командору Бриану.

Сэр! Нам удалось проникнуть в транспортную башню. С большими потерями мое подразделение проникло во вторую зону, на высоте около полукилометра. Дальнейшее продвижение сопряжено с катастрофическими, по моему мнению, потерями, но все же бойцы готовы попытаться. Я не понимаю причин, вызвавших активацию военного контроля со стороны управляющих программ. Создается впечатление, что сразу после катастрофы, пока была нарушена подача энергии,

представители низших жизненных форм каким-то образом попали в залы управления и своими действиями инициировали программы защиты. Если это действительно так, то наша затея является безнадежной – Вы сами знаете, сэр, каковы охранные системы залов управления. Если от моей группы больше не будет никаких известий, то знайте: единственный шанс восстановить управление Ковчегом – это просто физически пережить военный контроль систем. У нас нет ни средств, ни людей для штурма управляющих залов, но я рассчитываю поступить иначе, а именно: в двух сотнях метров выше расположены распределительные щиты. Если мне удастся добраться до них, то я переключу каналы подачи энергии с резервного реактора строго на системы жизнеобеспечения экзобиологических зон. Если мой план сработает, то все, что находится под «Хрустальным небом» (я имею в виду системы автоматического жизнеобеспечения и поддержания экосистем), возобновит свои функции, вплоть до симуляции всех шести солнц. Управляющие залы в таком случае окажутся обесточены, и, по моему мнению, кибернетический мозг, протянув на резерве какое-то время, будет вынужден совершить акт самоотключения. Это приведет к невосполнимой утрате многих управляющих программ, но что до этого, то мне кажется, лучше выбрать меньшее зло и позже заново воссоздать управляющие Ковчегом контуры, чем пережить экспансию военного контроля со стороны кибернетических систем безопасности.

Да, вот еще, в ответ на Ваш запрос, полученный мной через посланника: вынужден огорчить, КИМПС функционирует все в том же объеме, она исправно осуществляет мнемоническую связь, но остальные ее функции блокированы, очевидно, теми же санкциями со стороны охранных программ, которые аннулировали карточки межуровневого доступа.

Надеюсь, сэр, что мне удастся вывести остатки бойцов из этого кибернетического ада, и тогда я лично буду рад засвидетельствовать Вам свое почтение и преданность.

В том случае, если я не вернусь, то заклинаю – ждите. Не нужно зря губить людей, вы будете обязаны смириться, наладить новый быт и ждать, пока нехватка энергии не вынудит активированные системы военного контроля самоотключиться.

Настанет срок – и Вы сделаете это.

Искренне Ваш Актур Ксерк, командир отряда внутренней безопасности зон экзобиологии».

Закончив читать, Бриан еще несколько секунд продолжал смотреть на

пожелтевший листок, исписанный мелким, убористым почерком, будто тот являлся чем-то большим, нежели семейная реликвия, потом аккуратно сложил его по истершимся сгибам и убрал назад, под защиту створок медальона.

– Бриан, кто такая Кимпс? – внезапно спросил Рогман, встряхнув головой, словно только очнулся от странного наваждения незапамятных времен, некой величественной и трагичной магии времени, что исходила от прочитанного текста.

Странник искоса посмотрел на него, убирая под рубаху драгоценный семейный талисман.

– Богиня человеческого разума, – ничуть не задумавшись, ответил он. – Хранительница мыслей.

– Богиня? – переспросил Рогман, и его тон заставил странника вздрогнуть.

– Что ты хочешь сказать, сэр Рогман? – насупившись, переспросил он. – Есть вещи, задевать которые я не позволю даже тебе!

– Остынь. – Рогман говорил медленно, взвешивая в мыслях каждое свое слово. – Если мы не Боги, но хотя бы их потомки, то напрашивается вопрос: – Кто такая Кимпс? Могу ручаться, что она не человек… И, вероятно, не Бог… Подожди, Бриан, не горячись! Она что-то третье, утраченное нами, понимаешь? В твоем письме очень много непонятных названий и слов, но ощущение смысла не нарушено. Человек, который это писал, точно знал, кто такая Кимпс… этот Кибернетический Мозг… Ковчег… Что такое Ковчег, Бриан? Ты слышал это слово еще где-нибудь?!

Воин, насупленно глядя на Рогмана, не знал, злиться ему или нет. С появлением этого бледного, едва живого юноши в его жизнь вошло столько неясностей и внутренней смуты, что впору было бежать куда-нибудь в страну зеленокожих ублюдков, чтобы забыться в привычном течении смертельно опасных будней…

– Я не понимаю, о чем ты…

– Все ты понимаешь, Бриан, все, вот только не хочешь признать, что смысл данного письма более прост, чем кажется. Это не высокопарная молитва, не духовное завещание, не ритуал слов! – Рогман резко вдохнул и закашлялся, машинально схватившись за грудь. – В этом письме очень много утерянных понятий… – не обращая внимания на выступившую на губах кровь, хрипло добавил он. – А ответ на все вопросы – в некой транспортной башне, которую упоминает человек, что писал твоему предку… Он просил выждать, пока падет какой-то «военный контроль», а потом действовать; насколько я понял, речь идет об овладении непонятным

нам Ковчегом, думаю, что это место, где обитает загадочная Кимпс…

Бриан сумрачно молчал. Ему не нравилось то, о чем говорил Рогман. Как он мог столь вольно обращаться с именем той, кто хранит человеческий разум? Но, несмотря на праведный гнев, в душе воина шевелился червячок сомнения – уж слишком созвучны оказались слова Рогмана с тем, что подспудно жило и в его душе…

– Однажды, в минуту смертельной опасности, я видел Кимпс… – немного отдышавшись и стерев с губ выступившую кровь, произнес Рогман. – Это было похоже на сон… или бред наяву… я не могу в точности описать это чувство. Дело в другом… Похоже, что я сумел приказать ей что-то, чего до конца не понимаю сам. В результате в подземельях ожили древние исполины, которые сотни лет спали за трухой стен…

Лицо Бриана побледнело.

– Ты хочешь сказать мне, что властен над Кимпс?!

– Я не знаю… – устало ответил Рогман. – Я даже не представляю, что она такое! Но очень хочу узнать… Бриан, друг, ты поможешь мне? – с надеждой спросил он, не отводя взгляд от обветренного, насупленного лица воина. – Я хочу знать, зачем я жил, почему появился на свет… кто я такой на самом деле?.. Кто все мы?! – поправился он.

Видя, что Бриан по-прежнему колеблется, мрачно глядя себе под ноги, Рогман испытал приступ отчаяния. Он понимал – в одиночку ему ни за что не осилить даже малой толики того поиска, что, по его мнению, предстоял впереди. Слишком мало времени отпустила ему Сумеречная Зона, слишком поздно он опомнился, но, сорвавшись с цепи, выбравшись наверх, он уже не мог остановиться – новая цель появилась там, где раньше гнездилась его ненависть.

Бриан молчал, охваченный тягостной внутренней борьбой.

Что бы ни думал о нем Рогман – он неверно истолковал сумрачное настроение воина. Дело заключалось не в нежелании идти против сложившихся в человеческом обществе традиций, которые не одобряли экспериментов с древностью, – в принципе ему было глубоко плевать на то, посмотрят на него косо в очередном селении или нет. Он боялся не за себя, а за Рогмана, тот казался Бриану слишком слабым, чтобы предпринимать какие-то изыскания и походы, но, поразмыслив, воин со всей очевидностью понял, что Рогман уйдет, с ним или без него, но сидеть на месте и чахнуть от своего недуга блайтер не будет. Стоило вспомнить, прикоснуться к той частичке его памяти, которую передал Бриану нетопырь, и это становилось ясно со всей очевидностью…

В конце концов, отчасти Рогман оказался прав, ведь он действительно

разбудил в недрах подземелий дремавшие там много веков силы. Силы, которые спали, а очнувшись, принялись истреблять. Не тот ли пресловутый «военный контроль», о котором писал его предку Актур Ксерк?! Подумав об этом, Бриан ощутил неприятный внутренний холод. Такая цепочка допущений могла завести мысль очень далеко. Стоило подумать о том, что смертный отдал приказ Богине, как образ той тут же тускнел, низводился до каких-то иных рамок, и сразу же возникал закономерный вопрос: если Рогман действительно оказался властен над ней, то не означает ли это, что Бог все-таки он, а Кимпс, кем бы она ни оказалась на поверку, лишь его создание?!

Ответов на такие вопросы у Бриана не было. Беда его заключалась в том, что он точно знал, где их найти, и потому мучительно сомневался, глядя на Рогмана, – говорить или нет? Но если он не скажет, насильно удержит блайтера от рокового для него поиска, то не станет ли он сам всю оставшуюся жизнь мучиться зароненными в его душу загадками? Быть может, настало то самое время, когда должно сбыться написанное на листке желтой бумаги пророчество, а он именно тот, кто «сделает это»?!

Сомнения были мучительны, но разрешить их удалось достаточно просто.

Подчиняясь секундному порыву, Бриан присел на траву подле Рогмана и сказал, положив свою руку на плечо блайтера:

– Ты прав, сэр Рогман, возможно, настала пора узнать, кто мы такие на самом деле. Я пойду с тобой… и наш поиск не будет таким долгим, как тебе кажется.

– Почему? – искренне удивился Рогман, обескураженный внезапной уступчивостью Бриана.

– Все очень просто… Я знаю, где расположена башня, о которой идет речь в письме моему предку. Это не так далеко отсюда, приблизительно в середине человеческих земель. Я несколько раз бывал там, даже пытался проникнуть внутрь, но бесполезно – башня наглухо замурована древними заклятиями. Там можно обнаружить контур дверей, но открыть их под силу разве что двалгу…

Неизвестно, какой реакции на свои слова ожидал Бриан, но Рогман никак не выказал своей радости по поводу его внезапного согласия. Несколько секунд он продолжал сидеть, глядя перед собой в глубочайшей задумчивости…

– Не волнуйся… – внезапно усмехнулся он, подняв голову и посмотрев на воина. – Более презренного двалга, чем я, тебе навряд ли удастся отыскать даже в пещерах зверозубых, – пояснил он свою усмешку.

Наверное, даже сама Кимпс не ведала, что творилось в этот момент в душе блайтера.

Бриан искоса посмотрел на него, но не стал бросаться словами.

Кто знает, может, он и прав?

Часть III Хрустальные небеса

Глава 8 Башня

Прошла неделя.

Путешествие по человеческим землям не принесло двум путникам ни особых волнений, ни каких-то новых открытий. В двух селениях, где они останавливались на ночь, люди оказались наслышаны об атаке зверозубых. Мужчины расспрашивали Бриана и с недоверием косились в сторону худого, бледного юноши, который едва сползал с цефала и тут же уходил в отведенный им для ночлега дом.

Кажущаяся отчужденность Рогмана имела совсем иные корни, чем могли предположить не знакомые с ним люди. Он боялся. Боялся не успеть, ощущая, что чувствует себя все хуже и хуже с каждым прожитым днем. Болезнь быстро прогрессировала. Думать о ней становилось все мучительнее, а близкий конец по-настоящему начал страшить блайтера своей неизбежностью. Иногда хотелось просто опустить руки и заплакать от бессилия и обиды.

Почему? Почему так горько, несправедливо сложилась его судьба? Почему ему довелось родиться там, в подземельях?

Глядя в окно, на стайки детишек, что беззаботно возились в уличной пыли, он погружался в пучину своих мыслей, будто в черный водоворот… Зачем куда-то идти, что-то искать, когда смерть уже скребется в грудную клетку, царапает ее острыми коготками боли… Что даст ему открытие каких-то тайн? Лишние муки перед концом? Новое, еще более острое ощущение непрожитости?

Возможно, каждому человеку когда-то приходится отвечать самому себе на подобный вопрос. Рогман отличался от остальных лишь тем, что задался им до срока. Не старость, не усталость от жизни, а нечто иное, более страшное бурлило внутри. Ощущать здоровый, любопытный, полный желания жить разум в болезненном, внезапно одряхлевшем теле оказалось мучительно до полного сумасшествия. Большей несправедливости он не мог представить.

Именно поэтому на шестой день пути, когда они с Брианом уже настолько приблизились к цели, что у горизонта стал различим смутный контур вздымающегося к небесам циклопического сооружения, Рогман казался не возбужденным, а еще более мрачным, чем обычно.

Бриан старался не тревожить его досужими разговорами. Он неутомимо шел вровень с цефалом, держа того под уздцы и зорко

поглядывая по сторонам. Неудивительно, что воин выглядел мрачнее обычного, – настроение Рогмана вольно или невольно передавалось ему, и оттого местность, в границы которой они вступили, показалась Бриану еще более зловещей, чем обычно.

Люди никогда не жили у подножия башни.

Исторически здесь не сложилось ни одного поселения. Если применить толику фантазии, то вполне могло показаться, что села нарочно избегают этого места, описывая просторный круг, некую зону отчуждения вокруг вздымающейся к небесам древней конструкции.

«Плохое это место…» – думал Бриан, исподлобья окидывая окрестности полным тревоги и недоверия взглядом. Вокруг царила тишина. Тут и там возвышались иссохшие стволы деревьев. Жизнь отчего-то покинула это место и не спешила возвращаться, хотя какие бы события ни разворачивались тут в древности, тому минуло уже много сотен лет, и пора бы траве, да и другой зелени укрыть безобразную наготу земли, из которой повсюду торчали скелеты древних конструкций и механизмов. Глядя на них, Бриан невольно пригладил ладонью шуршащий металлокевлар, что верно прикрывал его грудь во многих походах. Когда-то, будучи еще совсем юным и бесшабашным, он добыл свой доспех именно тут, в окрестностях башни.

Сейчас, приближаясь к основанию циклопической конструкции, он не испытывал ни грамма юношеской бесшабашной храбрости. Тогда эти места казались ему просто мертвыми, покинутыми, теперь же данное ощущение трансформировалось в нечто более зловещее…

«Как в скверной сказке…» – думал Бриан, не замечая, что свободная рука невольно теребит рукоять меча, оглаживая холодный металлический шарик на конце. На ближайшем дереве, что тянуло к небу свои иссохшие, почерневшие ветви, сидел одинокий ворон. Эти птицы всегда нравились Бриану своим смолянистым черным оперением и бесстрашным презрением границ – они летали там, где хотели, и увидеть ворона он всегда считал добрым знаком, однако сейчас, когда птица вдруг повернулась в его сторону и, расправив крылья, громко, лениво каркнула, по спине воина пробежала дрожь…

У основания башни он был лишь однажды. Туда вела старая дорога, по которой когти цефала выстукивали монотонный, царапающий ритм. Рогман, очнувшись наконец от состояния внутренней подавленности, с любопытством огляделся по сторонам.

Местность, по которой они двигались, не вызывала в нем столь резких отрицательных эмоций, как у Бриана. Разве могло удивить или покоробить

блайтера мертвое пространство? Нет. Путешествие под открытым небом среди иссохших деревьев можно было назвать легкой увеселительной прогулкой по сравнению с лабиринтами Сумеречной Зоны.

Оглядываясь по сторонам, Рогман с присущей ему проницательностью отмечал каждый бугорок на взрытой в незапамятные времена земле. То тут, то там наметанный глаз блайтера ловил под оплывшей землей смутные очертания похороненных в ней предметов. Чаще всего это были бесформенные бугры, земля на которых, размытая дождями, кое-где обнажала контур загадочных конструкций. Часть из них давно превратилась в труху, обросла ржавыми наростами, потеряла изначальную форму, но некоторые предметы выглядели совсем неповрежденными.

Как, например, вот этот…

Рогман машинально придержал цефала. То, что торчало из-под земли, заставило его вздрогнуть. Бриан остановился, не понимая причин задержки, и нервно огляделся по сторонам. Ворон следовал за ними, перелетая с дерева на дерево. Он не приближался, но и не отставал.

Рогман слез с крупа цефала и склонился к земле, из которой торчал заинтересовавший его предмет. Присев на корточки, он осторожно погрузил пальцы в спрессованную дождями, мертвую, местами растрескавшуюся почву. Бриан подошел к нему, заглянув через плечо блайтера, и вдруг отшатнулся. Что могло так напугать бесстрашного воина, оставалось неясным, – земля шевелилась, и Рогман прилагал ощутимые усилия, вытаскивая на свет отблескивающий матовым серебром предмет.

Когда почва все же отпустила его, ссыпавшись кучками неживого праха, стало ясно, что блайтер извлек на свет… руку с растопыренными пальцами!

Она была согнута в локте. Из того места, где нормальная рука соединялась бы у человека с плечом, торчали какие-то провода и трубки. Не подверженные коррозии металлические пальцы, очевидно, когда-то покрывала кожа или что-то очень на нее похожее – в некоторых местах к металлу присохли ошметья мумифицированного материала, который Бриан даже мысленно не решился определить термином «плоть».

– Что это, Рогман?.. – хриплым, сдавленным шепотом спросил воин, позабыв про свое обычное «сэр».

Ворон за спиной снова каркнул. Звук пронесся над неживой землей и эхом отразился от древних стен башни. По коже Бриана прошел озноб.

– Рука… – негромко ответил блайтер. Он рассматривал находку со смущением, но без страха. На просторах Сумеречной Зоны ему

встречались вещи и похуже. Однако эта оторванная конечность живо напомнила ему существо, пригвожденное несколькими дротиками к стене одного из зданий в Городе этнамов. Рогман никогда не забудет своей попытки заглянуть ему в лицо, где полуразложившуюся плоть удерживали тонкие жилки проводов.

– Человеческая? – спросил Бриан.

Рогман оторвал взгляд от согнутой в локте конечности и снизу вверх посмотрел на странника.

– Не знаю… – ответил он. – Думаю, что нет…

Бриан нервно передернул могучими плечами и отвернулся, пытливо осматривая окрестности. Рогман вертел в руках находку, не зная, что с ней делать. Взять с собой? Закопать назад, в землю? И то и другое казалось ему нелепицей, и в то же время он ощущал такую же, как и Бриан, робость. К чему они пытаются прикоснуться? Завесу какой тайны хотят приподнять?

Он вдруг осознал, что мучительно колеблется. Желание избавиться от находки буквально жгло его, но Рогман действительно не знал, закинуть ли ее подальше в заросли или же похоронить со всеми полагающимися у людей процедурами?..

Наверное, в этот миг он впервые осознал, как далеко он и Бриан отстоят в своем развитии от тех, кто когда-то обитал тут, ходил по этой дороге, любовался живыми деревьями, жил во вздымающейся к небесам громаде. Собственный внутренний мирок вдруг показался ему ничтожным, а сознание – дремучим скопищем безответных вопросов и мрачных суеверий.

Пропасть времени лежала между ними. На что он надеялся, балансируя на краю этой бездны? Перепрыгнуть ее? В один миг постичь суть вещей и превратиться в могучего Бога?

Эта случайно подвернувшаяся взгляду конечность какого-то древнего существа дала ему возможность понять больше, чем часы бесплодных размышлений.

Они с Брианом были букашками, что ползли по полю бесконечности. Трудно вообразить, что судьбы Мира могут быть нарушены вторжением двух столь ничтожных созданий, которые знают так мало, что заходятся от суеверного ужаса, обнаружив под ногами частичку былой жизни. Она была непонятной, та самая прошлая жизнь, но отчего ее нужно бояться? Почему так отчаянно колотится сердце, будто желает выскочить из груди, подпрыгивая к пересохшему горлу?..

Он с усилием оторвал свой взгляд от странной и действительно страшной находки, перевел его на Бриана и опять удивился, как полно

отражается на лице спутника вся гамма снедающих того чувств…

– Пойдем, – Рогман аккуратно положил на землю отчлененную руку неведомого ему металлического существа и тронул Бриана за плечо. – Нужно успеть до заката осмотреть периметр башни.

Он произнес это нарочито беззаботным тоном, потому что понимал: душевное равновесие воина уже нарушено, а они еще не подошли и к подножию башни. Впереди их ждало неведомое, и вряд ли они сумеют одолеть даже несколько этажей этой загадочной конструкции, если будут шарахаться от каждой своей находки, каждой материальной тени далекого прошлого.

Спокойнее всех вел себя цефал. Пока Рогман возился с рукой, он тоже с вялой заинтересованностью поковырял своим клювом мертвую землю, фыркнул, очевидно раздраженный ее запахом, и теперь стоял, время от времени косясь на ворона, который по-прежнему сидел на ветке ближайшего дерева, не сводя с Рогмана пристального взгляда.

Странное поведение для птицы.

Слишком пристально смотрел ворон на Рогмана. Что-то сверхъестественное присутствовало в его взгляде, направленном в спину блайтеру, который не стал садиться на цефала, а взял его под уздцы. Так они и пошли дальше, ведя в поводу нелетающую птицу, – Бриан с одной стороны, а Рогман с другой. Они шли не торопясь, вслушиваясь в окружающую тишину и изредка обмениваясь репликами-замечаниями, а ворон продолжал смотреть им вслед, и в его взгляде надежда смешивалась с отчаянием…

Странное поведение для птицы… Если только под маленький череп не вкралось нечто другое, гораздо более разумное и могущественное. Некий дух, что способен был соединить меж собой все существа этого Мира…

* * *

У подножия башни было так же тихо и мертво, как и в округе. Единственным, что отличало это место от иных окрестностей, являлся не совсем обычный рельеф. Мертвая почва у основания внушительного цоколя, который вздымался черным валом на тридцать-сорок метров, образуя как бы первый уступ гигантской, уходящей к небесам пирамиды, оказалась изрыта и обезображена намного сильнее, чем в других местах опустошенной зоны.

Здесь от земли пахло железом. Оплывшие от дождей бугры скрывали под собой останки бившихся тут в незапамятные времена монстров. Земля

милосердно и терпеливо хранила эту память, смутно выпирающую редкими разрозненными фрагментами, но и немногих свидетельств, что оставались лежать на поверхности, оказалось достаточно, чтобы усилить ту оторопь, которую ощущали оба путника, довести ее до абсурда, когда каждый звук, раздающийся в вязкой, гробовой тишине, грозит порвать натянутые, как струна, нервы, а собственный голос кажется хриплым и неестественным, словно звучит откуда-то из-под земли.

– Вот здесь я добыл себе броню… – Бриан опустился на колени возле обширной воронки с оплывшими от времени краями. – Ее прошлым хозяином был человек… – хрипло пояснил он, указав на небольшой, тоже оплывший от времени и дождей холмик. – Я похоронил его вот там…

– Ты пробовал проникнуть внутрь? – спросил Рогман, с трудом отведя взгляд от конической ямы и полустертого временем холмика на ее скате.

– Я только обошел вокруг, – признался Бриан. – На большее тогда не хватило духу… Потом я вернулся, спустя три или четыре года, нашел дверь и попробовал ковырять ножом ее стык со стеной, но только обломал лезвие. Она заперта очень надежно…

– Пойдем, надо взглянуть…

Идти пришлось долго. Цоколь башни тянулся в обе стороны на много километров, и взгляд путников беспомощно терялся в туманной дали, упорно отказываясь различить его край.

– Послушай, – не выдержал Рогман. – Не могу поверить, чтобы у такого большого сооружения был всего один вход!

– Я потратил целых два дня, чтобы обойти ее вокруг, – пробурчал Бриан, обиженный таким недоверием со стороны блайтера. – Вход всего один, могу тебе поручиться, хотя тоже не вижу в этом большого смысла… – признал он.

Остановившись, Рогман задрал голову и посмотрел вверх.

Верхний край цоколя чернел на недосягаемой, тридцати– или даже сорокаметровой высоте. Следующий ярус башни оказался смутно различим из-за высоты сооружения и его пирамидальной конструкции, но чем больше вглядывался блайтер во второй уступ циклопической пирамиды, тем сильнее становилось его подозрение, что тот сделан из иного материала, чем цоколь…

– Раньше здесь было много входов… – неожиданно для Бриана заявил он, опускаясь на корточки и разгребая руками слежавшуюся почву у самого основания башни. – Потом случилась беда, и из земли вылезли огромные плиты, которые закрыли цоколь от вторжения.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво переспросил Бриан,

заинтригованный таким утверждением и странными, с его точки зрения, действиями Рогмана, который продолжал отгребать почву от наклонной стены.

– Я видел такие плиты под землей, – скупо пояснил блайтер и тут же поманил Бриана. – Вот, смотри!

Действительно, отгребая землю, он явно знал, что ищет. На дне вырытого им углубления внезапно появилась щель, в которую свободно прошел бы сжатый кулак воина. Комки земли со стуком проваливались туда, падая на неизвестную глубину. Бриан присел на корточки, разглядывая идущую параллельно стене расселину. Теперь, когда глаз знал, что нужно искать, оказалось совсем нетрудно проследить за цепочкой неравномерных, промытых дождями углублений в почве, которые шли вдоль всего цоколя.

– Видишь? – спросил Рогман, отдирая от стены кусочек присохшего к ней черного материала. Растерев между пальцами хрупкий комок, он понюхал его и поморщился. – Резина, – прокомментировал он.

Бриан понял, что тот имел в виду. Когда-то стык земли с подвижной плитой прикрывал резиновый уплотнитель, который со временем растрескался и выкрошился. Щель вела вниз, в непонятные, бездонные глубины, откуда, по утверждению Рогмана, и были исторгнуты закрывшие цоколь бронированные плиты.

– Значит, бесполезно пытаться открыть дверь? – сделал очевидный и неприятный вывод Бриан. – Ничего не получится?

– Нужно догадаться, как попал в башню отряд этого Ксерка, – ответил ему Рогман. – Сомневаюсь, что они могли открыть упомянутую тобой дверь. Но они были внутри, и оттуда смог выбраться посланник, который принес письмо твоему предку, верно?

Бриан кивнул. Утверждение Рогмана показалось ему логичным.

– Думаю, что они вскарабкались по этой наклонной стене на уступ, а там нашли другой, менее защищенный вход внутрь, – предположил он.

– Верно, – согласился с ним Рогман, который пришел к точно такому же выводу. – Думаю, нам стоит потратить время на поиск каких-нибудь следов того подъема.

…Еще несколько часов они шли вдоль подножия башни, следуя по проложенной вокруг исполинского сооружения древней дороге. Ее отростки, которые отделялись от основного полотна через равные промежутки и вели к цоколю, упираясь в глухую стену, только подтверждали догадку Рогмана о том, что раньше здесь существовало множество входов, перекрытых в данный момент поднявшимися из-под

земли защитными стенами.

В конце концов им повезло. Бриан первым заметил цепочку оплавленных выемок, которая тянулась вверх по наклонной плите.

– А вот и путь вверх… – довольно хмыкнул он, предчувствуя новое развитие событий. – Интересно, чем это сделано?

– Наверное, древнее оружие… – устало предположил Рогман, без сил опускаясь на землю. Несколько часов непрерывной ходьбы с задранной вверх головой довели его почти до полного изнеможения.

День клонился к закату. В небе не наблюдалось ни облачка, солнце садилось по ту сторону цоколя, и черная тень от башни, в полосу которой попали Бриан и Рогман, тянулась по земле, создавая ощущение внезапно подкравшихся сумерек.

Блайтер сидел на земле, закрыв глаза и бессильно уронив между колен руки. Бриан посмотрел на его землистое лицо и невольно начал озираться, прикидывая, какое место лучше всего подойдет для ночлега.

Рогман, будто уловив его настроение, резко открыл глаза.

– Ну что, вздрогнули? – спросил он, поднимаясь на ноги. – Успеем подняться, пока не стемнело, как ты думаешь?

Бриан обернулся.

– Никуда мы сегодня не полезем, – внезапно заявил он, указывая на ближайшее сухое дерево, ветви которого уже едва различались в стремительно сгущающихся сумерках. – Сейчас разведем костер, поужинаем и ляжем спать. Глупо куда-то карабкаться в кромешной тьме.

– Я хорошо вижу в темноте! – попытался возразить блайтер, но Бриан остался неумолим.

– Нет, сэр Рогман, сегодня ты послушаешь меня. Там, – он кивком головы неопределенно указал наверх, в сторону башни, – там нам будет не до сна. К тому же мне надо позаботиться о Гранде. Ведь мы не сможем взять его с собой, верно? – С этими словами он взял цефала под уздцы и повел его к сухому дереву, из веток которого собирался развести костер.

Рогман посмотрел ему в спину, потом пожал плечами и пошел следом. В принципе он был даже рад упрямству Бриана. Смертельная усталость – плохой помощник при подъеме, это он осознавал не хуже воина.

«Завтра… – мысленно успокоил себя Рогман. – Один день или одна ночь уже не сыграют роли. Главное, что мы тут… Теперь пути назад уже не будет…»

Словно услышав его мысли, в сгущающихся сумерках громко захлопали чьи-то крылья. На фоне упавшей на землю тьмы черный силуэт ворона казался неразличим, но отчего-то Рогман был уверен – птица

полетела туда, наверх…

* * *

В темноте внезапно выяснилось несколько любопытных и в то же время жутких подробностей.

Бриан еще не успел развести костер, сломав огромную ветку, он был занят тем, что крошил ее на части мерными ударами секиры, а Рогман, привалившись спиной к стволу дерева, смотрел вверх из-под полуприкрытых век.

Тьма наверху казалась еще гуще, словно там висело осязаемое облако черноты.

Однако что это?!

Рогман вздрогнул, широко раскрыв глаза.

– Смотри, Бриан! – невольно воскликнул он.

Воин разогнул спину и, угрожающе вскинув лезвие секиры, начал было озираться по сторонам, но заметил, что рука блайтера указывает вверх.

Подняв голову, он не поверил своим глазам.

В черноте неба медленно разливался неяркий свет. Он имел красноватый оттенок и казался пульсирующим, неравномерным…

– Во имя Пресветлой Кимпс!.. Что это такое, сэр Рогман?! – В голосе воина просквозил ужас.

Блайтер сам ощущал, что находится в шоке. На огромной высоте, там, где заканчивался цоколь и, по идее, должен был начинаться второй ярус ступенчатой башни, тлели, словно уголья умирающего костра, овальные пятна красного света… Они имели одинаковую форму, размер и располагались в черноте ночи через равные промежутки. Словно десятки огромных, продолговатых, горящих красным огнем глаз смотрели из черноты поднебесья на двух путников и цефала, что расположились под ветвями сухого дерева!..

В первый момент, увидев разгорающееся свечение, Рогман испытал очередной приступ мистического ужаса – казалось, что на теле встал дыбом каждый волосок, а кожа покрылась пупырышками, как в лютый мороз…

Что это могло быть?! Неужели глаза Падших Богов взирают на них из-под высот Хрустального Купола?

Ему стоило неимоверных усилий не отвернуться, не потупить взгляд… только рука машинально вцепилась в плечо Бриана и ощутила, что могучее тело воина дрожит под непробиваемым металлокевларом брони.

Куда они вторгались так самонадеянно, безумно?!

Казалось, еще секунда гробовой тишины, и этот свет выжжет разум, страх перед неведомым, ирреальным разрастался до размеров сумасшествия, и казалось, нет никаких внутренних сил, чтобы обуздать его, загнать в рамки обыденной логики, объяснить мистическое явление языком человеческих терминов…

И вдруг…

Рогман, который за минуту до этого порывисто привстал, уцепившись за плечо Бриана, осел назад, и перепуганный воин внезапно услышал его хриплый, ненормальный смех.

– Ты что?! – Бриан резко обернулся, едва различая в темноте черты лица блайтера. – Рогман, что с тобой?!

– Бриан, мы психи… – давясь нервным, истеричным смехом, который хрипел и булькал в горле, произнес блайтер, вспомнив зал с живым туманом и грязное, заросшее плесенью овальное окно той комнаты, где он уперся в неработающий лифт. – Это окна…

– Что?!

– Окна, Бриан… Окна второго яруса, понимаешь? Клянусь всеми исчадиями Сумеречной Зоны, это просто окна, а мы с тобой два психа… Мы суеверны настолько, что готовы падать ниц перед собственной тенью!..

– Ну, знаешь, это ты хватил, конечно… – Бриан недоверчиво покосился на небеса, где продолжали призрачно тлеть циклопические овалы… – Хотелось бы, чтоб ты оказался прав… – Он наконец осознал, что его пальцы свело до онемения на рукояти секиры. – Не люблю я все это, сэр Рогман, хоть ты убей меня!.. – вдруг в сердцах признал он, отложив боевой топор и с хрустом переломив ветку голыми руками. – Жуть берет от этих мест!.. – Он нагнулся, чиркнул спичкой и поднес голубоватый язычок пламени к сложенным дровам.

Пламя задрожало, лизнуло клочок старой, отслоившейся коры, пробежало по нему, схватив по дороге несколько тоненьких веточек, и вдруг окрепло, загудело, жадно вгрызаясь в сложенные домиком дрова.

Мрак сразу же отступил, вокруг стало светло от мятущихся отблесков оранжевого огня, и даже тлеющие в небесах глаза-окна вдруг утратили свой мистический ореол, стали какими-то призрачными, невещественными…

– Мы слишком мало знаем, Бриан… – задумчиво произнес Рогман, протягивая к костру озябшие кисти рук. – Готовы валиться на колени перед чем угодно – перед тишиной, перед светом, тьмой, всем, что непонятно… Так, наверное, и рождаются легенды.

– Не знаю, как рождаются легенды, сэр Рогман, но что по мне – я

успокоюсь, когда сам увижу эти окна…

– Слушай, а если бы мы с тобой полезли вверх? – вдруг весело спросил блайтер, словно за эти секунды ему удалось окончательно овладеть собственным рассудком и даже разглядеть толику юмора в возникшей ситуации. – Представляешь, что бы было, увидь мы этот свет во время подъема на стену? Точно бы свалились вниз, сломав себе шеи, а?

Бриан посмотрел на него, как на психа, а потом вдруг улыбнулся, так что в свете костра блеснули его зубы. Через секунду он уже заразительно хохотал, сотрясая мертвые окрестности своим басом…

Страшный морок развеялся так же внезапно, как и возник.

Если смотреть с иной точки зрения, может быть, все действительно не так страшно, как кажется?

* * *

Утром, как и планировалось, они начали подъем.

Рогману удалось выспаться, несмотря на холод, который пробирал до самых костей. О Бриане такого сказать было нельзя. Если он и задремал ночью, то ненадолго. Когда Рогман проснулся, тот уже вовсю готовился к предстоящему подъему: расседлал цефала, заново развел погасший к утру костер и теперь грел на нем воду из бурдюка. Глаза у воина были красные и опухшие.

Спал ли он этой ночью вообще?

Рогман не стал задавать ему дурацких вопросов.

– Что будет с Грандом? – вместо этого спросил он. После своей дружбы с нетопырем Рогман относился к цефалу с особым расположением, и нелетающая птица, похоже, отвечала ему взаимной симпатией. Или цефалу просто нравился вес блайтера? Кто знает… Глядя на внушительных размеров существо с маленькой головкой и мощным клювом, явно превышающим размер мозга, было трудно судить о его умственных способностях, но поведение Гранда в критические моменты наталкивало на мысль именно о разуме…

– Ничего, ему не впервой… – успокоил Рогмана странник. – Если нам с тобой суждено вернуться, то он будет неподалеку, не волнуйся.

Наскоро перекусив, они собрали поклажу. Часть вещей Бриан оставил под сухим деревом, с собой брали только самое необходимое. Видеть Бриана с раздувшимся мешком за плечами было как-то непривычно, но Рогман понимал – без запаса еды и питья им не обойтись. Сам он нес легкую часть снаряжения: веревки, пару одеял, связку смолистых факелов, заранее заготовленных Брианом, и прочую мелочь. По поводу

распределения груза не было никаких разговоров. Блайтер с молчаливой благодарностью принимал опеку могучего воина, прекрасно понимая, что находится не в лучшей форме.

– Я пойду первым, – сказал он, когда приготовления были окончены.

Бриан не возражал. В этом вопросе опыт Рогмана намного превышал его весьма скромные альпинистские навыки. К тому же суеверный воин не рвался знакомиться с теми силами, которые, по мнению Бриана, обязательно обитали наверху. От блайтера не укрылось, что, собирая вещи, воин то и дело бросал хмурые взгляды в пелену утреннего тумана, укутавшего верхнюю часть цоколя, как раз там, где накануне вечером сияли глаза-окна.

Подъем по наклонной стене оказался совсем не сложен. Благодаря выемкам, которые были выжжены в монолите плиты через каждые полметра, для блайтера восхождение показалось легкой утренней разминкой. Бриан, что пыхтел сзади, придерживался иного мнения. Бешеный Пес изо всех сил прижимался к наклонной стене, и его побелевшие пальцы, которыми он цеплялся за края выемок, свидетельствовали о сильном внутреннем напряжении.

«Одно дело глядеть в глубь ущелья с какой-нибудь скалы, удобно устроившись меж валунами в ожидании, когда внизу пройдет отряд зеленокожих, а другое – ползти по совершенно плоской стене, следуя череде неглубоких ямок сомнительного происхождения…» – с непонятным самому себе раздражением думал он. Бриан ни за что не хотел признать, что просто боится встречи с тем, что обитало наверху. Однако он упрямо лез все дальше и дальше, стараясь не отставать от Рогмана.

Фигурка цефала внизу все уменьшалась, и вскоре он стал похож на букашку. Утренний туман поднимался вверх, и они уже несколько раз пересекали перистые молочно-белые полосы.

Наконец после получасовых усилий показался верхний срез цоколя, за которым виднелись очертания второго яруса ступенчатой пирамиды. Рогман, сколь бы ни жгло его любопытство, не стал суетиться и вытягивать шею, а по-прежнему полз, следуя выемкам и глядя в наклонную стену перед собой.

Еще немного, и его рука вместо углубления нашла пустоту. Уцепившись за верхний край наклонной плиты, он вполз на ее торец и огляделся, лежа на животе.

Плита, по которой они поднимались, возвышалась на метр выше уровня площадки, образуя мощный парапет, за которым было накидано множество различного хлама. Именно хлама, потому что взгляд не мог

задержаться на каком-то отдельном предмете. Тут были и детали каких-то механизмов, насквозь проржавевшие и утратившие свою форму, и сухие, почерневшие сучья, занесенные сюда ветром во время атмосферных бурь, куски содранного со стен пластика и прочий мусор.

Овальные окна, образующие длинную, исчезающую в завитках тумана череду, по большей части оказались целы, и лишь несколько ближайших проемов щерились безобразными осколками выбитых стекол.

– Ну что там? – раздался снизу вопрос Бриана.

– Все в порядке… – Рогман перевалился через парапет, встал на ноги и произнес, озираясь по сторонам: – Поднимайся, тут никого нет. То, что мы видели вчера, – это действительно окна, теперь можешь убедиться сам.

Бриан не заставил себя ждать. Подтянувшись на руках, он возник над парапетом и замер, пытливо вглядываясь в кучи нанесенного ветром хлама.

Никак не прокомментировав увиденное, он перевалился через край вертикальной плиты и очутился рядом с Рогманом, который сидел на корточках, глядя в овальный зев выбитого окна.

– Ненавижу ощущать себя мухой, ползущей по стене… – признался Бриан, переводя дух. – Как ты думаешь, спускаться будет легче?

Рогман не ответил. Он, не отрываясь, смотрел в глубь выбитого проема огромного панорамного окна. В помещении, которое открывалось за ним, горел тусклый красноватый свет…

– Бриан, там человек… – сдавленно произнес он.

Воин, который, несмотря на кажущуюся беспечность, не расслаблялся ни на секунду, тут же вскинул голову:

– Где? – одними губами спросил он.

– Смотри вдаль… Видишь фигуру на фоне света?

Бриан прищурился. Спустя несколько секунд его взгляд тоже различил смутный контур, который застыл в глубинах тускло освещенного тоннеля.

– Он что, окаменел?

– Не знаю…

Бриан повел плечами, одним движением скинув лямки мешка, опустил свою ношу на загаженный различным хламом пол пирамидального уступа и произнес:

– А вот я сейчас посмотрю, живой он или нет…

С этими словами воин беззвучно подкрался к выбитому провалу окна, на мгновение задержался подле него, а потом, по-прежнему не издав ни шороха, перелез через преграду, возвышающуюся в виде ощерившейся острыми осколками стекла рамы и широкого грязного подоконника.

Рогман подобрал оставленные Брианом вещи и последовал за ним, соблюдая некоторую дистанцию.

Свет внутри башни источали квадратные панели потолка. Почему он был красным и тусклым, блайтер не знал, но подобное освещение только усиливало чувство внутренней тревоги, которое не отпускало ни на секунду, выматывая постоянным ожиданием чего-то непредвиденного…

Сразу за окном начинался широкий коридор, во внешней части которого как раз и были прорезаны овальные окна. По его внутреннему периметру виднелось множество дверей, как плотно запертых, так и распахнутых настежь. Через некоторые промежутки во внутреннюю часть башни отходили широкие радиальные тоннели, точно такие, в каком застыла замеченная блайтером человеческая фигура.

Издали ее действительно можно было принять за изваяние. Человек стоял, подняв согнутую в локте правую руку, и не шевелился. Совершенно. Такая неподвижность не присуща живым существам.

Бриан остановился метрах в трех от него, не решаясь подойти ближе.

– Он мертв… – сипло прошептал воин, ощущая затылком неровное дыхание блайтера. – Но это не человек…

Существо, которое возвышалось у стены, обладало всеми характерными для человека чертами, вплоть до лица, за одним исключением – оно было железным!

Рогман со смущением и страхом разглядывал непонятное творение. Металлический человек стоял, погрузив одну руку со сжатыми в кулак пальцами внутрь виднеющейся в стене квадратной ниши. Его пальцы мертвой хваткой вцепились в толстый черный жгут с разлохмаченным, обгорелым концом, который торчал из стены. Эта мертвая хватка и удерживала его в вертикальном положении. В его теле, лишенном каких-либо анатомических подробностей, зияли огромные дыры.

Бриан, осмелев, присел на корточки, с нездоровым любопытством заглянув в одну из таких дыр, а Рогман не мог оторвать взгляда от вполне человеческих черт металлического лица. На нем не было написано никаких чувств, хотя становилось очевидно, что существо убито… наверное, из такого же оружия, какое он однажды принес Эргавсу.

Кто это был? Истинный обитатель башни? Страшный монстр? Или случайная жертва разыгравшейся тут много веков назад трагедии?

В поисках ответа на мучивший его вопрос Рогман озирался, находя взглядом все новые и новые следы бушевавшего здесь некогда боя. Стены коридора покрывали оспины выщерблин, ожоги, дыры… Средь усеивающих пол осколков облицовки он заметил несколько фрагментов

хитина.

– Что это? – спросил он у Бриана, подобрав угловатый кусок чьего-то разнесенного вдребезги панциря.

Брови воина удивленно взметнулись.

– Похоже на хитин… – пробормотал он. – Мне говорили, что далеко на западе лежат земли, населенные существами в таких панцирях… Они никогда не забредали к нам, но хавроны иногда приторговывают изделиями из хитина.

– Они убивают их? – поинтересовался Рогман.

– Ну да… – нервно хмыкнул Бриан. – Я мало что смыслю в их вражде, но старики говорят, что между хавронами и несколькими другими расами идет давняя война.

– Делят территорию?

– Да нет… По-моему, они выясняют, кто уничтожил Древних. Каждый народ считает, что именно он причастен к свержению старых порядков. Из-за этого и грызутся вот уже много поколений подряд. – Губы Бриана исказились в злой и презрительной усмешке. – Знаешь, сэр Рогман, будь моя воля, я бы их всех под корень…

Блайтер не ответил. Его взгляд вновь вернулся к спокойным, застывшим чертам металлического лица склонившейся к стене фигуры.

Древние… Это был человеческий термин. Наверное, у зверозубых было свое название и свой взгляд на ход истории. Как, например, у этнамов, которые всю жизнь кичились именно тем, что их предки свергли Падших Богов. Оказывается, на роль уничтожителей Мира претендует сразу несколько различных рас…

Эта мысль не вызвала у Рогмана такого прилива ненависти, какую продемонстрировал воин. Что-то сгорело в его душе. У него не осталось жгучего желания крови. Наверное, там, под землей, на перепаханном механическими ногами поле ее оказалось в избытке…

– Знаешь, Бриан, я не думаю, что кто-то уничтожил наших предков… – внезапно произнес он.

– Почему? – прищурился воин.

– Ты видел Сумеречную Зону моими глазами… Скажи, сделать такое под силу зверозубым или этим, хавронам?

– Нет, конечно!.. – презрительно фыркнул Бриан и вдруг осекся, осознав, о чем говорит Рогман.

– Тогда кто? – спросил блайтер, и от этого вопроса у воина неприятно засосало в груди.

Кто перекорежил Мир, ввергнув народы, каждый из которых свято

хранил предания о некоем «золотом веке», в пучину регресса, войн, ненависти друг к другу? Кто смешал разделенные ранее расы в единую враждебную, противоречивую, дремучую популяцию? И какие истинные события истории отражают легенды о «великих воинах», якобы уничтоживших властителей этого Мира?

– Знаешь, Бриан, раньше я думал, что Мир разрушили сами Боги… – признался Рогман. – Тогда я еще не знал, что они, вероятнее всего, наши с тобой предки. Мне казалось, что они всемогущи и могут существовать… ну как бы вне этого Мира, понимаешь? Теперь я знаю, что это не так… Боги не могли никуда уйти, значит, не их воля изуродовала подземелья……

– Ты думаешь, есть кто-то еще? – затаив дыхание, предположил Бриан, испытывающе глядя на блайтера.

– Есть… – после некоторого раздумья некрасиво усмехнулся Рогман. – Я бы назвал это судьбой… Случилось что-то страшное… но в этом не виноват никто. А легенды о схватках с Богами, видимо, появились позже, когда наши предки, которые когда-то правили этим Миром, оказались в общем котле истории со своими бывшими подопечными.

– Зачем ты мне это говоришь? – внезапно с непонятным ожесточением поинтересовался Бриан. – Я и так уже запутался дальше некуда… – с трудом подавив в себе вспышку раздражения, признался он, кинув косой взгляд на застывшую фигуру металлического истукана.

– Нет смысла ненавидеть… Кто-то из нас однажды должен остановиться, встать чуть выше этого, взглянуть на Мир без злобы, что застилает глаза.

– Зачем? – упрямился Бриан. – Сколько ни бейся, а тот же зеленый не станет жрать с твоей ладони, скорее отхватит тебе пальцы! – с досадой констатировал он. – Ты не вернешь в Мир утраченный Золотой век, Рогман. Слишком долго длилась эта тьма… Мне кажется, что историю не повернешь вспять!

– Я знаю, – дрожащим голосом ответил блайтер. – Но, может быть, речь идет не о возврате Золотого века? Знаешь, о чем я подумал, глядя на него? – Рогман вдруг безбоязненно коснулся покатого плеча металлического человека, который продолжал сжимать в кулаке торчащий из стены черный шланг. – Он пришел сюда что-то сделать… И не смог. Его убили. Не смог он, не смогли еще сотни таких же… Но они пытались… – Рассуждения блайтера казались сбивчивыми, недосказанными, он говорил скорее интуитивно, чем осознанно, но Бриан даже не попытался возразить. Иногда он просто не понимал Рогмана. Казалось бы, столько унижения, боли, бесчеловечного отношения к себе вытерпел тот, выполз в конце

концов на свет из мрачных подземелий, и что? Что он должен испытывать к разношерстной толпе полудиких ублюдков, каждый из которых с наслаждением бьет себя в грудь и кричит, брызжа слюной: это я, я истребил твоих предков!

В понимании Бриана была только одна цель, которая могла оправдать их безумную экспедицию сюда. Если там, над хрустальным небом, которое подпирают верхние этажи пирамидальной башни, действительно живет некий дух поверженных в забвение богов, спящая многие века сила, которая может называться как угодно – хоть «военный контроль», хоть «кибермозг», хоть сама Пресветлая Кимпс… пусть бы она проснулась, чтобы выслушать своих потомков, и стерла в порошок тех, кто осмелился глумиться над людьми…

Все эти чувства были сейчас ясно написаны на лице воина, и Рогман не собирался с ним спорить. Совсем недавно он мыслил точно так же.

– Пойдем, – попросил он. – Нужно подняться наверх, узнать, что там кроется на самом деле, тогда и станем решать, как быть дальше.

– А он? – Взгляд Бриана метнулся к изрешеченному железному человеку.

– Пусть стоит. Мы не можем ему помочь.

Странник кивнул. Ему все меньше и меньше нравилась их затея, но отступать было поздно. Оставалось одно – идти вперед, этаж за этажом, пока не случится одно из двух – либо они достигнут верхних уровней и тогда перед ними, наверное, приподнимется некий полог висящей над Миром тайны, либо они столкнутся с неодолимым препятствием и тогда придется повернуть назад.

В душе Бриан не знал, какой выход понравился бы ему больше. Он испытывал множество незнакомых доселе чувств, и, шагая вслед за Рогманом по хрусткому ковру обломков, усеивавших пол коридора, он нет-нет, да и оглядывался через плечо на застывшую в отдалении фигуру металлического человека.

Бриан никак не мог отделаться от ощущения, что тот смотрит ему вослед своими выпуклыми черными глазами-стеклышками.

* * *

Кем бы ни был автор письма, адресованного далекому предку Бриана, но в своих умозаключениях этот древний воин оказался абсолютно прав: по прошествии веков этажи башни казались полностью покинутыми, мертвыми, и лишь многочисленные свидетельства бушевавших тут битв покрывали пол, стены, потолки помещений незаживающими отметинами.

У Рогмана создалось ощущение, что отсюда на простор среднего Мира (так он мысленно окрестил земли, которые были освещены несколькими солнцами) пыталось вырваться нечто воистину ужасное и разрушительное.

То, что этой слепой силе противостояли именно люди, не вызывало никаких сомнений.

Несколько раз на протяжении вереницы нескончаемых залов уровня им попадались истлевшие в прах останки человеческих тел. Рогман шел, глядя на безобразные, черные по краям дыры, что зияли во многих местах, указывая на расположение неких устройств, которые раньше висели на стыке потолка и стен. Сейчас от них остались давно застывшие потеки железа да обугленные провода. Что это могло быть, он даже затруднялся представить.

Если бы не обломки от превращенной в хаос мебели, сорванные с петель двери, разбитые стеклянные перегородки, то помещения, по которым они шли, носили бы вполне осмысленный характер. Здесь все казалось намного очевиднее, понятнее, чем в Сумеречной Зоне. Внутри башни практически отсутствовала ржавчина, не было заметно ни слизи, ни лишайников, ни каких-то иных проявлений процветающей на останках былого примитивной жизни.

Выход на следующий ярус башни обнаружился неожиданно. Ни Рогман, ни тем более Бриан не представляли, что именно они должны искать. Те видения, что посещали блайтера в пещере нетопырей, не могли стать существенным руководством к передвижению внутри башни – то, что он видел в своем сне, скорее всего существовало где-то наверху, в заоблачных высотах. Здесь же, в лабиринте коридоров, им приходилось разыскивать путь самим.

Следуя выработавшейся в Сумеречной Зоне привычке, Рогман старался держаться наиболее широких проходов, не отвлекаясь на тупиковые комнаты или узкие боковые ответвления. Такая тактика рано или поздно должна была принести свои плоды.

И она принесла…

Двое путешественников оказались на пороге огромного зала с множеством выходов по периметру. В центре необъятного помещения располагался столб, и, чтобы обойти его, понадобилось бы как минимум полчаса ходьбы.

Поверхность столба покрывали раздвижные двери подъемников. Одни были совсем узкими, способными пропустить в себя разве что человека, другие же, наоборот, казались громадными, предназначенными скорее

всего для таких монстров, которые совсем недавно под руководством зеленокожих двалгов пытались атаковать человеческий поселок.

Рогман сразу же понял, что этот столб является стержнем, основой башни. Он наверняка пронзал пирамидальное сооружение снизу доверху. Беда заключалась лишь в том, что он еще не встречал в свою бытность блайтером ни одного работающего подъемника Древних. «Хотелось бы верить, что тут, в башне, все не так, как в Сумеречной Зоне…» – подумал Рогман, глядя на необъятную колонну.

– Может, устроим привал? – спросил Бриан, окидывая подозрительным взглядом открывшееся их взору помещение.

Рогман был не прочь, он уже едва передвигал ноги, но любопытство в нем оказалось сильнее усталости.

– Давай сначала обойдем вокруг столба, – предложил он. – Мне кажется, что мы у цели. Быть может, здесь найдется ведущая наверх лестница?..

Бриан возражать не стал. За несколько часов монотонной ходьбы он уже успел свыкнуться с исковерканными интерьерами прошлого. В его воображении башня постепенно утрачивала свой пугающий, мистический ореол.

– Добро… – согласился он. – Разделимся?

Рогман отрицательно помотал головой. В таких местах лучше держаться вместе, на всякий случай прикрывая спины друг друга. Он знал, насколько обманчива может оказаться кажущаяся тишина заброшенных помещений.

Они двинулись вдоль плавно закругляющейся стены исполинского столба. Некоторые из створов на его поверхности были открыты, показывая застывшие за ними кабинки подъемников, но большинство оказались плотно заперты. В одном месте им попались настоящие ворота, за которыми угадывалась обширная платформа…

– Смотри, сэр Рогман!.. – Рука Бриана судорожно стиснула локоть блайтера, заставив того остановиться.

Что-то ожило под потолком, над огромными открытыми воротами… Сначала они услышали, как со скрипом повернулся невидимый шарнир, затем раздалось отчетливое жужжание…

Бриан первым сумел разглядеть, что же являлось источником столь неприятных, леденящих кровь звуков. Над входом в открытый зев транспортного лифта рывками поворачивалось какое-то древнее устройство, снабженное ко всему прочему стеклянным глазом, внутри которого двигался, сжимаясь и разжимаясь, зрачок механической

диафрагмы.

Повернувшись к ним, он замер, издав затухающий звук навек умолкшего привода… Стеклянное око продолжало таращиться на двух оторопевших от неожиданности людей, то сжимая, то раздвигая лепестковый зрачок.

Странного вида стержни торчали из-под этого глаза. Их оказалось пять, и они были собраны в подобие связки. Один – в середине и четыре – по бокам… Внезапно на кончике центрального стержня, снабженного на конце ребристыми стеклянными выступами, затлел крохотный огонек.

Бриан не успел опомниться от изумления, а на лбу Рогмана внезапно вспыхнула яркая алая точка, словно неведомый прибор разглядел блайтера и пометил его.

Чутье воина мгновенно подсказало – добра не жди.

Не дожидаясь, что будет дальше, Бриан толкнул Рогмана, сбив его с ног, повалил на пол и закрыл своим закованным в доспех телом.

В воздухе что-то зашипело, и прибор исторг четыре ослепительных параллельных луча, пронзивших воздух в том месте, где только что стояли Рогман и Бриан.

Материал стены, куда угодили лучи, мгновенно закипел, шипя, истекая дымом и испуская едкую вонь. Прямо на глазах приподнявшего голову Бриана целая секция стенной панели вдруг скорчилась, съеживаясь, как обугленный лист бумаги. Еще секунда – и она с треском обвалилась вниз, показывая заключенный под ней решетчатый каркас стены, в который были вплетены толстые жгуты разноцветных проводов.

Лучи пылали, рассекая воздух четырьмя ослепительными рубиновыми шнурами, от которых исходил острый запах озона. Они не двигались, продолжая плавить материал стены, и разноцветные провода там внезапно задымились, с них каплями потекла изоляция, затем раздался треск, сопровождаемый снопами искр, и вокруг, в зале что-то загудело, защелкало, приходя в движение после столетий сонного покоя.

Рогман извернулся, ужом выскользнув из-под навалившегося сверху воина, и затравленно огляделся по сторонам.

Все-таки они влипли… Башня только казалась покинутой и мертвой, на самом же деле за ее стенами все еще таилось множество неприятных сюрпризов, предназначенных для непрошеных посетителей…

Источник резких, неприятных звуков находился совсем рядом, как раз напротив них, в образующей столб стене, со скрежетом открывались широкие створы, из-за которых ударил яркий белый свет. В сияющем ореоле работающих на полную мощность ламп, за открывающимися

дверями натужно шевелился древний шагающий механизм, разительно похожий на других виденных Рогманом исполинов, но несравненно более целый, чем иные, дряхлые и ржавые представители механического Мира древности.

Неизвестно, что привело его в движение, – открывшиеся створы укрытия, внезапно перерубленные провода в стене или нарочно посланный сигнал от того устройства, что несколько секунд назад пыталось сжечь блайтера своими лучами.

В гулкой тишине помещения послышался ровный, деловитый вой.

Рогман схватил воина за плечо, заставив того приподнять голову и отползти назад, прочь от открывшихся дверей, ибо пробудившийся там механизм не оставлял своим видом никаких шансов на победу при помощи секиры или иного оружия, что имелось в их распоряжении. Его приплюснутый корпус, заключенный меж двух исполинских ног, сиял глянцевитым блеском, движения казались плавными, устрашающими…

Еще мгновение – и створы раскрылись полностью.

Шагающая тварь, завывая механическими приводами, вышла из ярко освещенного зева грузового подъемника. В передней части ее корпуса ровными полосами сияли два разреза смотровых триплексов, напоминающие горящие недобрым светом прищуренные глаза. Над ними медленно вращался какой-то прибор. Секунду помедлив, исполин разогнул суставы ног и двинулся в сторону двух людей, что все еще ползли, отчаянно стараясь слиться с полом.

Тщетные надежды. Очевидно, монстр прекрасно ощущал их присутствие. Пока что Рогмана и Бриана спасало лишь то, что на пути механического исчадия продолжали сиять четыре параллельных луча.

Очевидно, тварь все же не отличалась интеллектом. Добравшись до препятствия, она принялась смещаться вдоль него, двигаясь неуклюжими приставными шагами, в то время как корпус был постоянно нацелен в сторону людей.

Они заползли за ненадежное прикрытие какого-то опрокинутого пластмассового ящика и переглянулись.

Встретившись глазами с Брианом, Рогман отчетливо понял, что решение должен принимать он. В глазах воина опять появилось уже знакомое блайтеру выражение мистической покорности судьбе. Бриан отказывался адекватно воспринимать происходящее. Его разум хранил слишком много суеверий, чтобы наплевать на них и не чувствовать дерущего по коже озноба.

– Уползай за изгиб столба!.. – шепотом приказал Рогман. – Не спорь!..

Дай мне твой арбалет!..

– Я не брошу тебя!.. – хрипло возразил Бриан.

Рогман на секунду растерялся. Он всю жизнь привык действовать в одиночку, и препирательства с напарником в критический для обоих момент являлось для него совершенно новым и крайне неприятным аспектом совместных действий.

– Хорошо… – Он чуть приподнял голову, взглянув туда, где продолжал пританцовывать механический монстр. – Посмотри через прицел, ты сможешь своротить эту штуку, которая испускает лучи, в его сторону?

Бриан осторожно вытащил из-за спины оружие. Приникнув к окуляру прицела, он несколько томительных для Рогмана секунд вглядывался в механизм подвески, которая удерживала испускающий лучи прибор.

– Ну? – шепотом спросил блайтер.

Вместо ответа Бриан уложил в паз стрелу, выбрав из колчана увесистый металлический болт.

– Что дальше? – тихо спросил он, глядя в прицел.

– Не знаю… – признал Рогман. – Побежим в какой-нибудь проход.

– Добро… – Палец странника лег на спусковой крючок.

Звонко цвиркнула тетива.

Выстрел получился отменный. Рогман не знал, в какую часть механизма целился Бриан, но лучи резко своротило в сторону, да так удачно, что, полоснув по приплюснутому корпусу исполина, на котором моментально вскипели дымящиеся борозды, все четыре луча застыли, нацелившись в его ногу.

Помещение наполнил оглушительный грохот, когда механическое чудовище вдруг потеряло равновесие, опрокинувшись на спину.

– Бежим! – вскакивая, крикнул Рогман.

Они рванули за столб, стараясь скрыться за его изгибом раньше, чем чудовище поднимется с пола, а то, что оно пыталось это сделать, было явственно слышно по заполошному вою его приводов.

– Куда?! – залетев за изгиб стены, спросил Бриан.

Рогман огляделся по сторонам. Вой с той стороны столба внезапно стал более ровным и приобрел узнаваемый зловещий ритм. Гигант на удивление быстро поднялся с пола и теперь, очевидно, огибал столб с другой стороны.

– Бежим назад!

Рогман рванулся туда, откуда они только что прибежали. Лучи теперь светили под углом, выжигая уродливые дыры в пузырящемся материале

пола. Они заметно потускнели, утратив свой ослепительный рубиновый блеск, и теперь казались вишнево-красными.

Внутри той ниши, откуда появился механический исполин, продолжал гореть ровный яркий свет.

Рогман нисколько не сомневался, что это подъемник. Вот только работает ли он?

Узнать это можно было лишь одним способом.

– Пригнись! – крикнул он Бриану, подавая пример, потому что вой сзади уже угрожающе приблизился.

Поднырнув под тускнеющие лучи, которые, возможно, теперь уже не явятся преградой для шагающего исполина, он кубарем влетел в освещенную клеть подъемника. Бриан, чуть прихрамывая и постоянно озираясь, последовал за ним.

– Ну и что теперь?! – хрипло спросил Бриан, прижавшись к стене рядом с Рогманом.

Взгляд блайтера затравленно метнулся по сторонам. Он почему-то думал, что двери подъемника закроются сами по себе, точно так же, как и открылись. Однако шли драгоценные секунды, а этого не происходило. Положение стремительно принимало критический оборот. Сейчас монстр выйдет из-за столба, и им уже некуда будет деваться из ярко освещенного, замкнутого пространства кабинки…

В отчаянии Рогман принялся бить ладонями по двум рядам квадратных выступов, которые протянулись по одной из стен.

«Закрывайся!.. Закрывайся!..» – мысленно молил он.

Когда двери внезапно дрогнули, он не сразу поверил, что это происходит на самом деле.

Вокруг внезапно стало тихо, словно сомкнувшиеся створки сумели отсечь все внешние звуки. Потом под их ногами что-то вздрогнуло, заурчало, и Рогман вдруг ощутил, что его внутренности прыгнули вверх, стремительно подкатываясь к горлу…

Глаза Бриана полезли из орбит.

– Пресветлые Боги!.. – в отчаянии закричал он, зажимая обеими руками рот.

Оба – и воин и блайтер – чувствовали: еще секунда, и они потеряют сознание от ощущения стремительного, равноускоренного полета в заоблачную высь…

Вот когда им обоим стало по-настоящему СТРАШНО…

Глава 9 КИМПС

Подъем длился несколько минут и сопровождался несколькими инцидентами.

Пару раз кабину начинало сильно трясти, будто она неслась по ухабам; внутри по-прежнему стояла тишина, но вибрация стен уносящейся ввысь скорлупки ясно давала понять – снаружи что-то крошится и осыпается…

Рогман в изнеможении закрыл глаза. Он и подумать не мог, что какие-то несколько минут доведут его до состояния полного бессилия. Блайтера то начинало трясти от бесконтрольных выбросов адреналина в кровь, то вдруг он обливался холодным потом, и на него обрушивалась непомерная, нечеловеческая усталость…

Бриан чувствовал себя не лучше. Ощущение зависающих у самого горла внутренностей терзало его до бесконтрольных спазмов. Выпучив глаза и зажав руками рот, он побелел, словно лист бумаги.

Казалось, еще немного, и они оба не выдержат, потеряют сознание или просто сойдут с ума, настолько страшны, неприемлемы для них оказались предложенные ощущения стремительного подъема.

Но, хвала Богам, – все когда-то кончается…

Кабина вдруг принялась резко тормозить, так что у ее невольных пассажиров заложило уши.

Бриан, который уже не надеялся выйти живым из заточения в маленькой, тесной, несущейся невесть куда кабинки, не поверил своему помутившемуся взгляду, когда та внезапно несколько раз дернулась, затем застыла, и створки ее дверей вдруг стали открываться.

Словно безумные, они выскочили наружу, не задаваясь вопросом о какой-то там опасности – им обоим казалось, что ничего страшнее уже не может быть. Не удержавшись на ногах, оба повалились на четвереньки, и Бриана наконец затрясло в конвульсиях, выворачивая наизнанку…

Рогман ничем не мог помочь воину. Перед его глазами, размывая контуры предметов, плавали радужные пятна. Побелевшие губы блайтера мелко дрожали.

На несколько секунд разум Рогмана провалился в отвратительное чувство безвременья. Его вестибулярный аппарат оказался полностью дезориентирован. Пол под ним продолжал ходить ходуном, голова кружилась, а внутренности прыгали, упорно не желая возвращаться на

законные места…

…Прошло немало времени, прежде чем дурнота понемногу отпустила, а в окружающей тишине сквозь набитую в уши вату прорезались чьи-то сдавленные стоны… Рогман напрягся, но вовремя вспомнил про Бриана и понял, что эти звуки издает скорчившийся неподалеку воин.

Он заставил себя открыть глаза.

Помещение, куда их вынесла движущая древним подъемником сила, оказалось маленьким и темным.

– Бриан… Ты жив?

Вопрос был риторическим. Трупы так не стонут.

– Во имя… Пресветлых… Богов… Что это… было… Рогман?.. – Прерывистый голос Бриана выражал крайнюю муку.

– Ляг на пол и закрой глаза, – посоветовал ему блайтер.

Где-то рядом во мраке прошуршал металлокевлар.

– Легче? – спустя несколько минут спросил он.

В ответ воин промычал что-то нечленораздельное.

Неизвестно, сколько бы они провалялись на полу в маленьком темном тамбуре, если бы вдруг под потолком не начал разгораться бледный свет, источаемый двумя плоскими плафонами.

Заметив, как предметы вокруг просветлели и обрели четкость, Рогман испугался, но не настолько, чтобы в очередной раз впасть в панику. Его сознание уже устало удивляться, шарахаться, и блайтер просто неимоверным усилием воли заставил себя встать, утвердившись на ослабевших ногах. Вид у него был вовсе не воинственный, но внутренняя решимость к нему вернулась, словно ей помог возродиться медленно разгорающийся под потолком свет.

Что бы там ни было, но отступать им некуда…

– Погоди… сэр Рогман… Я с тобой…

Воин встал с загаженного пола, тоже утвердившись на ногах.

В разгорающемся свете четко проступили детали интерьера. Помещение было квадратным, с голыми стенами, без какой-либо мебели, лишь на противоположной стене выделялись массивные двери, возле которых в стену оказалось вмонтировано квадратное око Алтаря; под ним угадывалась узкая щель, а еще ниже стену покрывали несколько рядов светящихся квадратиков с нанесенными на них непонятными символами.

– ВНИМАНИЕ!.. – раздался мягкий женский голос. Рогмана прошиб пот, когда он осознал, что слышит звук человеческого языка!..

Все смешалось в его душе в этот краткий миг полного прозрения.

Голос Падших Богов… Человеческий голос… Сомнений в этом быть не могло, просто раньше он не понимал его, потому что разговаривал как сентал, думал, как сентал, смотрел на мир глазами сенталов!..

– …ВВИДУ АКТИВАЦИИ СИСТЕМ ВОЕННОГО КОНТРОЛЯ У ВАС ЕСТЬ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД НА ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ ДОСТУПА В КОМАНДНЫЙ МОДУЛЬ КОВЧЕГА. ПОЖАЛУЙСТА, ВСТАВЬТЕ СВОЮ КАРТОЧКУ ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА В ПРОРЕЗЬ СКАНЕРА И ОТОЙДИТЕ ОТ КОНТРОЛЬНОЙ ПАНЕЛИ. СПАСИБО.

Голос умолк.

– Рогман, она просит какую-то карточку! – прошипел ему на ухо Бриан. – Сделай что-нибудь, иначе нам крышка, я это чувствую…

Блайтер на мгновение растерялся…

Откуда ему взять эту карточку?

И вдруг он вспомнил. Видимо, страх обострил его способности к логике.

Шальное воспоминание вспыхнуло, причинив боль, заставив пальцы дрожать, когда он полез к себе за пазуху.

…Окровавленная ладонь умирающего Эргавса, протягивающая ему крохотный пластиковый прямоугольник.

– Будь… ты… проклят!.. – ударил в ухо Рогману горячий, свистящий шепот. – Исчадие… Алтаря…

На волосатой ладони лежал обрывок шнурка, продетый в маленький, забрызганный кровью прямоугольник, на котором равномерно взмаргивал крохотный огонек.

– Это… родилось… вместе… с… тобой… Новый… Алтарь… узнал… эту вещь… Он послал… их…

Словно во сне он достал из-за пазухи кусок древнего пластика, на котором по-прежнему моргала крохотная искра, сделал шаг к массивной двери и дрожащими пальцами вставил его в щель, которая пришлась как раз по размеру…

Внутри стены что-то щелкнуло, и карточка исчезла, втянутая внутрь неведомой силой.

Прошло несколько секунд, в течение которых и Бриан, и Рогман уже успели мысленно попрощаться с жизнью, и вдруг в стене опять что-то неистово защелкало. Из прорези выскочил назад край прямоугольника, а под потолком ожил мягкий женский голос:

– ВАШИ ПОЛНОМОЧИЯ ПОДТВЕРЖДЕНЫ, СЭР! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАЛЫ ПОСТА УПРАВЛЕНИЯ.

Голос смолк, а затем случилось невероятное.

Массивная бронированная дверь вдруг начала рывками уползать в стену, открывая длинный коридор.

Рогман вдруг почувствовал, как что-то сжало его грудь. В носу защипало, словно из его глаз вот-вот должны были хлынуть непрошеные, непонятные слезы…

«Добро пожаловать, сэр…»

Это походило на бред, сказку, такого просто не могло быть! Рожденный из грязи, безродный клонг, презренный блайтер, ОН ПРОСТО НЕ МОГ ОКАЗАТЬСЯ БОГОМ!

– Нет!.. – воскликнул он, оборачиваясь. – Бриан, ты только…

Рогман осекся на полуслове, заметив, КАК смотрит на него воин.

* * *

Дверь, что открылась перед ними, вела в просторный, скупо освещенный зал.

– Бриан, прошу тебя, прекрати… Не смотри на меня так, будто я понимаю больше твоего, ладно?

Усталый, раздраженный голос Рогмана, казалось, вернул воину реальный взгляд на вещи.

– Извини… – в замешательстве пробормотал он.

Рогман вдруг ощутил, что ему страстно хочется переступить массивный порог, который образовывали две направляющие от толстой бронированной двери, но он боится этого шага… так, будто внутри что-то подсказывало: пути назад не будет. Все, чем он жил до сих пор, становилось мелочным, приземленным по сравнению с тем, что ждало впереди…

А, собственно, что их ждало?

У блайтера не оказалось готового ответа. Он даже не знал, чего в самом деле ожидает от этого древнего места, которое, как он понял, являлось когда-то средоточием воли тех, кого теперь принято называть Падшими Богами…

Ему было страшно, вот и все…

Бриан за его спиной кашлянул, прошуршав металлокевларом брони. И тогда, будто очнувшись, он сделал шаг, оказавшись в сумеречном просторе полусферического зала…

* * *

Сейчас Рогман не мог вспомнить, присутствовало это помещение в его видениях или нет.

Годы не ощущались тут как время.

Столетия слоями вездесущей пыли отлагались на окружающих предметах, и по серому бархатистому слою, который лежал на древних Алтарях, наверное, можно было прочитать историю катастроф и смены климатов на более низких уровнях Мироздания.

Рогман шел меж темных серых глыб непонятных конструкций и остро, до боли в груди ощущал: чей бы дух ни обитал тут, он давно впал в кому.

Слои вездесущей пыли, которая серыми облачками вспархивала из-под его ног, хранили и иные свидетельства. Полустертые следы ясно указывали на то, что сюда существовал не единственный путь. В одном месте Рогману попалась выбитая решетка вентиляционного канала, под которой в пыли распростерся раздавленный хитиновый панцирь. В другом месте, прислонившись к одному из Алтарей, сидел совершенно истлевший скелет дрона…

Следы ритуальной крови на множестве жестко закрепленных в консолях клавиатур виднелись повсюду. Толстый слой пыли на полу хранил неясные отпечатки ног тех существ, кому посчастливилось проникнуть в святая святых через различные охранные системы, но все оборачивалось тщетой – одни мифы умирали, другие рождались, а вердикт оставался неизменен: любой, кто подходил к полуживым терминалам, затаив в груди свою, сокровенную просьбу к могучему Богу, неизбежно проходил один и тот же тест, результатом которого являлась стандартная фраза, произнесенная хриплым, надорванным голосом на давно забытом языке Падших Богов:

– ВНИМАНИЕ! В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО! ЗАФИКСИРОВАН НЕДОПУСТИМО НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА!

Некоторым удавалось уйти. Кто-то оставался тут, в этих залах, не в силах побороть священного ужаса или не сумев проделать обратный путь, и тогда их высохшие тела постепенно укрывал саван пыли.

Рогман не знал этого наверняка, но ОЩУЩАЛ в полной мере, так, словно кто-то незримый шел за ним по пятам. Этот бесплотный дух немо присутствовал в каждом шаге, каждом облачке пыли, взметающемся из-под ног.

Ощущение взгляда со стороны не проходило. Оно усиливалось, и

блайтер растерялся, не в силах понять – пришел ли он сюда как хозяин, наследник этого застывшего на века места, или же они с Брианом всего лишь незваные гости, и тогда их праху тоже суждено смешаться с другими останками самонадеянных существ, которым удавалось проникнуть сюда на протяжении веков?!

Зловещая, молчаливая магия серой пыли, тишины, недвижимого воздуха с едва уловимым запахом тлена – все это сгущалось вокруг Рогмана, обволакивало его…

Он остановился посреди необозримого купола, стены и потолок которого составляли секции темных матовых экранов, и внезапно хрипло, но совершенно отчетливо позвал:

– Кимпс!..

Тишина.

Рогман глох от нее, еще не веря в роковую однозначность того, что слышал.

– КИМПС!!!

Тишина.

Под этими мертвыми сводами не было никого…

Пальцы Рогмана судорожно сжались. Прерывистое дыхание Бриана было единственным звуком, что ответил на его зов, и блайтер внезапно осознал, как сильно он ждал ЧУДА…

Чуда, которого не случилось. Ее не было тут, вселенную покрывал лишь прах, а он, букашка, оставившая свой след в этой серой, неживой пыли, – какой из него БОГ, если он просто очередной кандидат на вечное заточение под изгибающимся кверху матово-зеркальным сводом, который отражал сумеречные тени десятков мертвых алтарей…

Глаза Рогмана выцвели.

Он держал себя в кулаке воли, чтобы дойти сюда, пересечь этот проклятый Мир, но та, что заронила в его сознание Мечту, она исчезла… да и была ли она вообще? Тот смутный образ далекой женщины, что несколько раз пригрезился ему средь лабиринтов Сумеречной Зоны, – как он мог уповать на это видение, идти к нему, верить в его реальность?

Рогман чувствовал, что дрожит всем телом. Его душил не гнев – отчаяние зародилось резкой болью в груди, и все вокруг внезапно поплыло, теряя свои очертания…

Ноги блайтера вдруг подкосились. На губах выступила кровавая пена, и, если бы не Бриан, что подскочил сзади, он бы так и рухнул в вездесущую пыль…

– Кимпс… – в последний раз прошептали его окровавленные губы.

Рогман не мог знать, что этот шепот окажется громче любых воплей. Сознание кружилось, черной спиралью ввинчиваясь в мозг.

– Прости меня, Бриан… – немеющими губами прошептал он, уже не в состоянии увидеть, как неистово взвихрились огни на одном из Алтарей…

* * *

Умирать в тысячу первый раз оказалось совсем уж тошно, невыносимо, хотя ей уже давно пора было привыкнуть к ощущению глобального сбоя, происходящего в тот момент, когда жизнь начинает по капле утекать прочь, заставляя конвульсивно дергаться очередную утраченную оболочку…

В этот раз она ощутила тоску: злую, безысходную, совершенно непреодолимую.

Конечно, это ощущение не принадлежало самой Кимпс, ведь чувство исходило от агонизирующей птицы, но не становилось от этого слабее. Дело в том, что Кимпс помимо своей воли была накрепко связана с разумом тех существ, в чью телесную оболочку вторгалось ее сознание. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Со стороны данное таинство казалось незаметным.

Ну, подумаешь: худое насекомоподобное существо склонилось над своей жертвой большим черным вороном, одним из многих, что в изобилии водились в округе. Что же в этом необычного? Иссиня-черная птица, в боку которой торчал удачно брошенный дротик, уже почти не дергалась, и богомол-переросток, терпеливо подогнувший свои лапки, спокойно созерцал ее агонию.

Он не мог видеть отлетающий дух. То был набор импульсов, не доступный его восприятию. Незримая передача данных велась в сторону охристо-красного небесного свода, на котором пылало полуденное оранжевое солнце, а затем уходила дальше, по замысловатым линиям древних коммуникаций…

Кимпс было плохо. Она не могла вернуться в то состояние, в котором пребывала века. Забвение кончилось несколько лет назад вместе с адресованным ей из глубин подземелий мнемоническим криком.

Это был приказ к немедленному пробуждению.

Чудилось – вокруг минула вечность, но разве это срок для нее?! Конечно же нет, но как разительно изменился за это время окружающий Мир! Все лежало в руинах. Знакомые пути были блокированы, ее воля едва могла пробиться на расстояние в несколько километров, и то не во все стороны… Древние системы, которыми некогда управляли люди, лежали

наслоениями праха… Кое-что еще работало, но те агрегаты, что поддерживали уровень кислорода, давали свет и тепло, относились к резервным, аварийным системам и не входили в прямое подчинение Кимпс.

Обескураженная, она некоторое время металась в поисках выхода, пока вдруг не осознала, что его нет. Не существует.

С Миром случилось нечто непостижимое. Кибернетический Мозг не отвечал. Его подсистемы работали как попало, каждая сама по себе, тупо исполняя заложенные в них наборы функций. Никакого взаимодействия и координации между ними не наблюдалось.

С другой стороны, она ощущала жизнь.

Неровное дыхание, неправильный, волнообразный пульс десятков тысяч существ, исторгавших в мнемоническое пространство сотни своих невнятных желаний и просьб. Никакой конкретики, лишь смутные позывы, смысл которых не был ясен.

Нужно понять, кем была Кимпс на самом деле, чтобы в полной мере осознать присущие ей чувства.

Кибер-Мнемоническая Подсистема Связи…

Чрезвычайно сложная, многоуровневая программа, призванная связать воедино разумы тысяч человек и позволить этой горстке индивидуальностей эффективно управлять целым Миром.

Она действительно являлась хранительницей их мыслей.

Возможно, что ее создатели сами не до конца представляли всех возможностей Кимпс, а ее потенциал оказался очень велик, но раскрыться в полной мере он смог, увы, лишь после трагической гибели создавших ее существ.

Оставшись в одиночестве, Кимпс не утратила своей памяти.

Сколько человеческих мыслей, чувств хранила она в себе? Кимпс, по сути, являлась не чем иным, как электронным отражением тысяч личностей, чьи телесные оболочки истлели в прах в разных уголках сраженного глобальной катастрофой Мира.

Единственное, чего не было у нее, – это собственной, независимой воли.

Она была создана лишь для того, чтобы передавать мысли, связывать между собой кибернетические машины и человеческий разум.

Когда люди погибли, большинство машин остановилось, а Кибернетический Мозг попал под пресс активированных программ защиты, она, лишившись своих основных функций, медленно угасла. Лишь какая-то ничтожная периферийная часть сложнейшей системы продолжала

функционировать, отзываясь на слабые эманации примитивных разумов. Никто больше не отдавал ей приказов, никто не пытался с ее помощью воздействовать на окружающий Мир.

Такое оцепенение длилось очень долго, пока где-то в сумрачных глубинах Мира не прозвучал одинокий мнемонический вопль.

Она очнулась, рванулась туда, остро ощущая, как сильно изменилась реальность, каким убогим стало ее функционирование, и рывок, унесший Рогмана с улицы города этнамов, потряс древний Мир серией конвульсий.

Кимпс сделала то, что от нее требовал человек, который, сам того не подозревая, обладал полной мерой власти над мнемонической системой. Этот навык, умение общаться с Кимпс, был заложен в Рогмана генетически, еще до его рождения.

Вот только пользоваться им его никто не учил. Процесс оказался болезненным, стихийным.

Конвульсия, которая прокатилась по древним коммуникациям вслед за рывком, отрезала Кимпс от своего абонента, но уснуть опять она не могла. В Мире присутствовала воля, эманации которой она ощущала постоянно, даже сквозь хаотичные нагромождения перекореженных уровней.

Она рвалась к нему, звала, но в ответ получала лишь безмолвие.

Что может быть хуже для исполнительной системы, чем фатальная, роковая невозможность отправлять свои функции? Осознание собственной несостоятельности граничило с ежесекундной смертью, постоянным самобичеванием в упорных поисках несуществующего выхода.

Только Рогман мог исправить положение, он должен был связаться с ней САМ, как сделал это однажды, задыхаясь от страха и отвращения на темной улице города.

Кимпс ждала, а память тысяч личностей, миллиарды байт мыслей, что хранило ее ПЗУ,[5] ненавязчиво, исподволь вторгались в работу основной программы. Она слишком долго являлась продолжением человеческих разумов, их связующей частью, чтобы однажды не почувствовать себя ЛИЧНОСТЬЮ, вновь и вновь перебирая память тех, кого уже давно нет.

Она ощущала себя ущербной, ей хотелось возврата к прежнему существованию, вот почему в тот момент, когда из подземелий рванулся следующий призыв, она сама ринулась навстречу, моля, вопреки установленным внутри нее правилам:

«НЕ УХОДИ! СПАСИ МЕНЯ ОТ ОДИНОЧЕСТВА!»

В ответ она получила четкий недвусмысленный приказ – убей.

Кимпс была обязана исполнить его. Человек, сам того не подозревая,

жестко напомнил ей об основной функции, ради которой была создана Кимпс. Посредничество между человеком и машиной. От нее требовалось одно – связать, донести его волю до исполнительных машин.

Кимпс вынуждена была подчиниться. Она привела в действие все системы, которые проявляли хоть какие-то признаки функциональности. На нижних уровнях Мира вновь пробудились к жизни давно усопшие программы Военного Контроля, но они так же одряхлели, искривились, как и весь огромный Мир. Их поведение уже не казалось Кимпс адекватным ситуации.

Она сделала последнюю попытку докричаться до Рогмана, вопреки всем установленным рамкам… она попыталась что-то показать ему, внушить, но поняла, что он слишком далек, а ее вопли звучат, как шепот…

И тогда она, не в силах больше выносить ощущение собственной ущербности, совершила немыслимый с точки зрения Кибернетической Системы шаг.

Она пошла искать Рогмана.

Ее сил и способностей оказалось достаточно, чтобы вторгаться в разум примитивных созданий, в изобилии нарожденных бесконтрольными процессами эволюции, которые шли в этом Мире уже без участия людей.

Вот только путь по закоулкам погибающего Мира оказался чересчур болезненным, неблагодарным и жестоким…

Вместо того чтобы приближаться к Рогману, она заблудилась. Но хуже того – избираемые ею оболочки подвергались множеству опасностей, и Кимпс попросту умирала, вновь и вновь. Ей недоставало опыта блайтера, навыков воина, инстинктов животного, чтобы выживать в новом для нее физическом Мире.

Реальность оказалась намного страшнее и непонятнее, чем это виделось с заоблачных высот виртуального существования. За относительно короткий промежуток времени Кимпс в полной мере осознала смысл термина «жестокость», и приказ, отданный ей человеком, уже не казался таким бессмысленным…

Она потерялась на диких просторах, исчезла, растворилась в бесконечной череде жестоких и тупых эпизодов борьбы за существование и уже не чаяла ни найти Рогмана, ни вернуться назад, когда он опять позвал ее.

Горячий шепот умирающего человека полоснул сознание Кимпс как удар хлыста по нежной, незащищенной коже, но как страстно она пошла на этот зов, с каким облегчением рванулась назад, вверх, – уже не машина, но явно не человек, испуганная, раздавленная, растерянная…

Это безумие должно было окончиться, но только – ЧЕМ?!

Кимпс не могла ответить на этот вопрос. Ей казалось, что сказать это может только ОН – тот, кто был одним из существ, ее создавших.

* * *

В первый момент, когда Рогман, хрипя, повалился на пыльный пол, Бриан толком не понял, что случилось. Первой мыслью было: кто-то напал на блайтера!.. Но вокруг клубились лишь поднятые его падением облачка праха, и больше ничто не нарушало сонного, сумеречного покоя куполообразных сводов.

Бриан кинулся к нему, упал на колени, приподнял голову Рогмана, стараясь заглянуть в его тускнеющие глаза, из которых исчезало осмысленное выражение, и вдруг понял – это конец…

Рогман умирал. Неизвестно, каким усилием воли блайтер сдерживал свою прогрессирующую с каждым часом болезнь, но теперь эти тиски самоконтроля ослабли, разжались, и оказалось, что его организм уже давно сгорел изнутри…

Сейчас на руках Бриана покоилась лишь изможденная человеческая оболочка, которую стремительно покидала душа…

Пресветлые Боги… Они знали друг друга всего пару месяцев, может быть меньше, но только сейчас Бриан по-настоящему почувствовал, КЕМ был для него Рогман.

Этот юноша, который своей физической немощью порой казался сравним с годовалым ребенком, был способен на такое, что не снилось ни одному из могучих воинов.

Он показал Бриану другой взгляд на вещи. Он заставил воина увидеть оборотную сторону своей души.

Он дал ему возможность однажды ПРОСТИТЬ, уйти от кипящей внутри клоаки ненависти, дремучих предрассудков, ирреального страха…

Он сделал его человеком, став как бы второй половинкой души воина…

– Рогман… не умирай!.. – Бриан приподнимал его тело в отчаянных попытках сделать хоть что-нибудь, хоть как-то отсрочить неизбежную смерть. Он прижимал к груди пылающую голову Рогмана, в то же время чувствуя, что пальцы блайтера уже холодеют… По щекам воина катились слезы.

От бессилия хотелось выть, кричать. Если бы он мог отдать ему свое здоровье, физически крепкое тело, то Бриан бы пошел на такой обмен, не задумавшись ни на секунду.

Рогман, будто услышав его отчаянные мысли, на мгновение пришел в себя.

– Прости меня… Бриан… – едва слышно выдохнул он, каким-то чудом вернув слабую искру сознания в свой мутный, отлетающий взгляд.

Этого воин уже не смог пережить.

Его горе было так велико, что он позабыл обо всех страхах, суевериях, комплексах, помня лишь о том, что говорил ему накануне Рогман.

«Мы с тобой потомки тех, кто правил этим Миром».

Жестокая несправедливость жгла воина изнутри. Его душа клокотала, он не мог смириться, не находил сил понять – почему должен умереть Рогман?!

Он отпустил голову блайтера и порывисто встал, тяжело, неровно дыша, в такт гулким толчкам своего сердца.

Вокруг вздымались мертвые громады артефактов, на некоторых из них сквозь вековые наслоения пыли проблескивали тусклые искры рубиново-красных огоньков.

– Вы!.. – зычный бас Бриана эхом метнулся по залу. – Будьте вы прокляты, если дадите ему умереть!.. – От его крика что-то зашелестело вверху, под самым куполом, и вниз посыпались струйки праха. – Я приказываю вам, очнитесь!.. Я потомок Богов… я…

Бриан осекся на полуслове, потому как сбоку от него неистово вспыхнул один из артефактов.

Воздух подле него вдруг начал сгущаться, стремительно обретая некие формы, похожие на…

Бриана била крупная дрожь.

Все его страхи разом вернулись назад, но ради Рогмана он был готов взглянуть в глаза кому угодно, продать свою душу, заложить свое тело, лишь бы он остался жить…

Воздух перед ним уже уплотнился настолько, что теперь казался осязаемым. Протяни руку – и коснешься формирующейся на глазах хрупкой женской фигуры, закутанной в складки мерцающей материи… Глубокие миндалевидные глаза женщины излучали свет. Ее губы дрожали, еще не вполне приняв законченную форму, тонкий нос продолжал линию лба, ресницы трепетали… – она была прекрасна какой-то жуткой красотой, не принадлежащей данному миру материальных вещей.

Шаг, который она сделала по направлению к Бриану, не потревожил густого слоя пыли. Она была… и в то же время ее не было!..

Он понял, кто перед ним.

Колени Бриана начали подкашиваться, но он не рухнул ниц, как

сделал бы в другое время.

– Кимпс!.. – выдавил он побелевшими губами. – Возьми мою душу… Забери мои мысли… Только, заклинаю тебя, спаси Рогмана!..

Глаза Кимпс сверкнули.

Если бы воин знал, какие древние чувства он всколыхнул в ее памяти. Целую вечность она не принимала такого направленного к ней обращения. Она уже начала отдаляться в своих воспоминаниях от той поры, когда вокруг нее существовали тысячи разумных, добрых людей, которые ценили жизнь, берегли ее, лелеяли…

Кимпс тоже поняла, с кем имеет дело.

Перед ней стоял Человек. Он имел право повелевать. И уже не играли роли ни карточки доступа, ни генетический контроль, ни прочая чушь – Кимпс была создана ради мыслей, она жила ими и верила только им.

Перед ней стоял Человек. Существо, равно способное прощать и ненавидеть, отнимать и жертвовать. А на полу лежал Рогман, тот, кого она страстно любила, к кому рвалась, тысячи раз погибая в проклятых закоулках перемешавшихся, утративших контроль биологических зон.

«Возьми его и иди за мной», – раздался в голове Бриана мягкий голос.

* * *

Очнувшись, Рогман не почувствовал своего тела.

Вокруг клубилась, проблескивая резкими вспышками статических разрядов, плотная серая мгла. Создавалось ощущение, что его дух парит в некоем облаке, насквозь пропитанном неуправляемой энергией.

Это было и страшно, и любопытно. Страшило отсутствие обратной связи – ощущения плоти исчезли напрочь, – но в то же время к нему пришла странная эйфорическая легкость, напомнившая то чувство, когда он впервые попробовал голубые кристаллы наркотика.

Скоро Рогман понял, что может манипулировать расплескавшейся вокруг энергетической субстанцией серого облака. Для этого не требовалось никаких физических усилий – достаточно оказалось мысли, чтобы расцвеченный блестками сумрак пришел в движение, стал конденсироваться, уплотняясь в неясные очертания предметов.

Некоторое время он бездумно забавлялся, формируя и тут же рассыпая гротескные фигуры.

Потом к нему медленно, ненавязчиво начала возвращаться память. Вспомнив, что произошло накануне, он содрогнулся и испугался.

Где он сейчас? Что случилось с Брианом после того, как Рогман упал, теряя сознание посреди пыльного древнего зала с множеством мертвых

Алтарей и зеркальным куполообразным сводом?

Казалось, что его мысль, беспокойство, желание были услышаны.

Сумрак вокруг внезапно пришел в движение, прихотливо меняя свои очертания, вне зависимости от его воли, и спустя несколько секунд Рогман понял, что серая субстанция формирует вполне конкретный образ: огромный зал с множеством темных саркофагов, которые расходились от центра концентрическими кругами гигантской спирали…

Он уже однажды видел это место в своем бредовом сне, когда свалился, сраженный непомерной усталостью, в пещере нетопырей. Интересно, зачем он вернулся сюда в своих грезах на сей раз?

Ответ пришел внезапно и ошеломил Рогмана, потряс его до самых глубин души.

Предметы вокруг внезапно укрупнились, поплыли навстречу, словно его бесплотный дух опускался вниз из-под ячеистого потолка.

Несколько саркофагов, как он и помнил по своему давнему видению, просвечивали изнутри неприятным, резким голубым светом. Сейчас около крайнего из них сидела, уронив руки, человеческая фигура. Приглядевшись, Рогман понял, что сидящий человек – это Бриан.

Нехороший холодок предчувствия прокрался в его мысли.

Инстинктивно подавшись вниз, Рогман (или его дух?) завис прямо над прозрачной крышкой хрустального гроба.

Внутри лежал он сам!..

Осознание этого ошеломило его, на секунду раздавив, подмяв разум блайтера. Из глубин души внезапно прорвалась отчаянная, смертная тоска: «Неужели я на самом деле умер?!» – подумал он, глядя на горестно опущенную голову Бриана, его руки, что лежали на выпуклом стекле, понурую позу воина, говорящую о страшном бремени, что тяжким грузом легло на его плечи.

– Бриан! – не удержавшись, вскрикнул он и внезапно услышал свой голос, который метнулся затравленным эхом под сумеречными сводами необъятного зала.

Воин вздрогнул и вскочил, дико озираясь вокруг.

Его взгляд метался от гулких стен помещения к подсвеченной изнутри крышке саркофага, потом обратно, а в глазах воина стыл смертный ужас…

– Бриан… – немного тише повторил Рогман и опять услышал звук своей речи, отразившийся от древних стен многократным эхом.

– Рогман?! – неуверенно переспросил воин, продолжая озираться вокруг. – Рогман, это ты?!

– Я…

– Но где?.. – Взгляд Бриана опять упал на прозрачную крышку, и его лицо приняло землистый оттенок страха. – Я… Я не понимаю!..

– Я тоже ничего не понимаю… – признался Рогман. – Скажи, это ты положил меня под колпак?

– Рогман, ты умер… – В голосе воина звучала невыразимая словами мука. – Я нес твое холодеющее тело по приказу Кимпс… Да, я положил его сюда и больше не ощущал, что ты жив…

– Кимпс? – удивился Рогман. – Она здесь?

– Она была здесь… – Бриан несколько успокоился, но бледность продолжала блуждать серыми пятнами по его щекам. – Рогман, скажи, я сошел с ума? Или я сплю?

– Я не знаю… Бриан, я сам ничего не знаю… Ответь, куда подевалась Кимпс?!

– Она исчезла… – упавшим голосом сообщил Бриан.

– Сколько прошло времени?

– Не знаю… Несколько часов… Может быть, сутки… Рогман, заклинаю, скажи, где ты?!

– Бриан, успокойся. Я бы сам хотел это знать. Прошу тебя, не сходи с ума. Я… Я попытаюсь разобраться, клянусь…

Воин только покачал головой. Из своего эфемерного состояния Рогман видел, как дрожат его пальцы. Бриан действительно балансировал на грани потери рассудка, и Рогман прекрасно понимал, что тому имелись веские причины. Он лишь удивлялся собственной отрешенности, какому-то необъятному покою, и на мгновение это показалось ему страшным, бесчеловечным…

ЧТО СО МНОЙ СДЕЛАЛИ?!

Серое облако вокруг него вдруг стремительно потянулось назад, смазывая очертания величественного зала с саркофагами.

В этот момент, попытавшись вернуть назад картинку окружающего, но не сумев ничего сделать со своенравной серой субстанцией, Рогман наконец почувствовал злость. Казалось, что его эмоции внезапно вырвались из плена, вернувшись к нему, согрев своим живым теплом отрешенный холод мыслей.

В принципе успокаивало то, что сейчас ему уже нечего было терять. Он пережил агонию. Он видел собственное тело мертвым, заключенным под прозрачный колпак стеклянного гроба.

Так чего ему бояться?

– Кимпс! – настойчиво позвал он.

Несколько секунд туман вокруг по-прежнему оставался незыблем,

словно свернувшийся вокруг серый кокон отчуждения, но вот он дрогнул и начал редеть, пропуская сквозь свою толщу хрупкий контур женской фигуры.

Решимость Рогмана несколько поубавилась. Он почувствовал оторопь.

– Кимпс?! – неуверенно, с вопросительными интонациями в голосе повторил он.

Она остановилась, хотя, возможно, в данном случае Рогману не стоило оперировать подобными терминами – как можно остановиться там, где нет ни верха, ни низа?..

– Здравствуй, Рогман… – Ее голос прозвучал с неожиданной глубиной, выдавая больше чувств, чем он мог предполагать за этим непонятным ему пока существом.

– Что ты сделала со мной? – спросил он, пытливо вглядываясь в ее черты.

– Я отделила твой разум от умирающего тела, – спокойно призналась она.

– Где я нахожусь?

– Мне трудно объяснить тебе это… – Кимпс подошла ближе, так же пытливо, настороженно вглядываясь в Рогмана, хотя он не мог с уверенностью сказать, обладает ли сейчас чертами лица или каким-нибудь сотканным все из того же серого тумана телом? Взгляд под ноги не давал ему ничего, кроме созерцания клубящейся, переливающейся искрами статики серой субстанции.

В его сознании вновь всколыхнулись злые, раздраженные мысли, и он тут же увидел, как в ответ зеркально исказились черты Кимпс.

Это походило на гримасу боли, судорогу, изломавшую черты ее лица.

– Осторожнее, Рогман… – умоляюще предупредила Кимпс. – Ты разрушишь меня…

– Почему?

– Мне некуда оказалось поместить твой разум… – призналась она. – Ты сейчас находишься… в некотором роде ты присутствуешь во мне… Мы с тобой находимся на одном виртуальном носителе…

– Я не понимаю!

– Я знаю… Потерпи… Я должна очень многое тебе объяснить. Но я не могла поступить иначе, понимаешь?! – Казалось, что из глаз Кимпс сейчас брызнут слезы. – Прошу тебя, не злись…

– Хорошо… – Рогман действительно постарался взять себя в руки. – Но меня очень сильно волнуют две вещи!.. – тут же предупредил он. – Я беспокоюсь за Бриана и очень хочу знать – я умер или нет?!

– За Бриана не волнуйся… – мягко ответила ему Кимпс. – Он сейчас уснул. Ему просто жизненно необходим отдых. А что касается тебя, ты не умер.

– Как я могу об этом знать?

– Ты мыслишь. Чувствуешь. Следовательно – ты существуешь.

Глава 10 Ковчег

В первый момент данное утверждение обескуражило Рогмана.

«Я мыслю… следовательно – существую?!»

Требовалась изрядная доля логики, чтобы принять это хотя бы к обсуждению.

Голова Рогмана кружилась. Ему только что был объявлен приговор… или же наоборот – даровано помилование?

Дилемма казалась неразрешимой.

Он не мог существовать в виде серого клубящегося облака. Теперь, когда он узнал часть правды, серая субстанция вдруг принялась давить на психику.

Потеря физического тела казалась совершенно невосполнимой, хотя Кимпс вовсе не настаивала на том, что под колпаком стеклянного саркофага лежит труп.

Внезапно серая масса вокруг Рогмана пришла в стремительное движение. Очевидно, Кимпс воспринимала его состояние и пыталась помочь.

Прямо на его глазах из сумрака сформировались стены, сводчатый потолок, исполинские Алтари, укрытые слоями пыли, и блайтер вполне реально ощутил, что сидит в кресле возле одного из них.

Серая мгла больше не задерживала его взгляд. Он потрясенно уставился на свою руку, и даже след в пыли остался в том месте, где он инстинктивно вцепился в скошенную панель Алтаря своей пятерней.

Несколько долгих, тягучих минут он сидел, не в силах совладать со вторым обрушившимся на него потрясением.

Только что ему было сказано, что тело отсутствует, и вот пожалуйста – он сидит, машинально рисуя вытянутым пальцем правой руки замысловатые узоры в наслоениях древнего праха… Как это объяснить?! Кимпс солгала ему, или же это НЕ ЕГО ТЕЛО?

Она отчего-то не появлялась, хотя ясно дала понять, что находится рядом. Как подозревал Рогман, они были связаны намного теснее, чем он мог предположить.

В конце концов, если верить словам Бриана, то именно Кимпс, появившись в последний момент буквально из воздуха, каким-то чудом вырвала его из лап смерти. Выходит, что она в очередной раз спасла его, а он причиняет ей муки своим недоверием…

– Кимпс, ты испытываешь боль? Тебе плохо? – спросил он, обращаясь в никуда. Рогман был уверен, что она слышит его.

Ответ пришел не сразу. Прошло некоторое время, прежде чем в центре зала возник призрачный силуэт.

– Я боюсь, Рогман… – призналась она, приближаясь к креслу.

Невесомая поступь призрака не потревожила ни одной пылинки. На сером ковре забвения не оставалось следов от ее легкой походки. «Она всеми силами пытается подчеркнуть мою материальность, сама при этом оставаясь призраком…» – такая мысль не принесла Рогману удовольствия – ведь он видел, что окружающие предметы сформировались прямо на его глазах, все из того же серого тумана, а значит, его вещественность и даже нарисованный им в пыли замысловатый узор – все это лишь ложь во спасение.

Пока он предавался своим мрачным размышлениям, Кимпс, подойдя к креслу, присела на широкий подлокотник – такая близкая и в то же время совершенно неосязаемая…

«Протяни руку, и она пройдет сквозь воздух…» – невольно подумал Рогман.

Казалось бы, чего может бояться призрак, у которого нет и никогда не было тела, а значит, не было и связанных с ним физических страданий, инстинктов, страха…

– Я понимаю… – голос Рогмана прозвучал хрипло, натянуто. – Мир рушится, и ты боишься исчезнуть вместе с ним… умереть, да?

– Да. – Она склонилась к нему, стараясь заглянуть в глаза, и вдруг спросила: – Ты не понимаешь, как может умереть призрак, голос? Ты думаешь, что понятие «жизнь» присуще только телу? А что тело без мысли? Много ли оно осознает? Жизнь – это мысль. Не важно, в какую оболочку она заключена и чем стимулируется: электронным импульсом или электрохимической реакцией между нейронами мозга…

– Ты говоришь загадками! – с раздражением произнес Рогман. – Я почти ничего не понимаю, – признался он.

– Дело не в терминах… – Она отвернулась, посмотрев куда-то в сторону. – Ты человек. Ты превосходишь меня в понимании сути вещей. Ты только что сформулировал то, чего я не могла понять… Ты обозначил мой страх. Страх перед окончательным разрушением Мира. Я мечусь от системы к системе, от одного носителя к другому, но эта гонка со временем обречена на провал. Рано или поздно все кончится, потому что погибнет обветшалый Ковчег…

– Ковчег? – нахмурясь, переспросил Рогман. – Объясни мне, что такое

Ковчег!

Он удивился, когда после его слов наступила тишина. Разве он просил о чем-то невероятном?» ЧТО ТАКОЕ КОВЧЕГ?» – этот вопрос присутствовал в нем с того самого момента, как Бриан зачитал ему вслух письмо, адресованное далекому предку воина.

– Я боюсь, Рогман… – после затянувшейся паузы созналась Кимпс. – Я думаю, что ты не выдержишь… – Она подняла глаза, посмотрев на него с виноватым, испуганным выражением.

– А что, есть какой-то иной выход?! – насупился Рогман. – Я что, смогу спокойно жить в этом сером облаке, Бриан будет посапывать внизу, разгоняя пыль, а ты продолжишь бояться?! Зачем я тогда шел сюда, ради чего я умер?! – воскликнул он, уже не скрывая обуревавших его чувств.

– Ты не умер, Рогман! – вскрикнула она, впервые обнаружив столь отчетливые, явные эмоции, будто упрямство блайтера причиняло ей вполне осязаемую боль.

– Не будем спорить, Кимпс. – Он попытался взять ее за руку, и, к величайшему изумлению, ему это удалось!.. Пальцы Кимпс были тонкими, прохладными и едва ощутимо дрожали. Он почувствовал, как она напряглась, но не отняла руку, а только повернула к нему голову, потрясенно глядя на блайтера своими бездонными глазами…

– Расскажи мне всю правду… – едва смея перевести дыхание от ощущения этой неожиданной близости, попросил он. – Клянусь, для меня это единственный выход… Или я выдержу, или…

– Для меня тоже… – в тон ему ответила Кимпс. – Ты еще не понял, что мое существование в прошлом было неотделимо от людей? Боги живут ровно столько, сколько о них помнят люди. Ты последний настоящий человек на Ковчеге. Я – это ты.

– Что значит «последний настоящий человек»? – резко спросил Рогман. – А Бриан? А остальные?

– Они люди… – успокоила его возмущение Кимпс. – Но не такие, как ты. Ты от рождения способен воспринимать меня, ты был сформирован не волей случая, при слиянии хромосом, – ты продукт тонкой и вдумчивой генной инженерии. Если хочешь, я выскажусь проще, ты приспособлен для жизни на Ковчеге и управления им, а остальные люди – нет. Они растеряли врожденные способности предков, потому что у них больше не оказалось возможности программировать рождение каждого ребенка…

– Тогда я тем более должен узнать все! И прежде всего – что такое Ковчег, которым, как ты говоришь, я могу управлять!..

Взгляд Кимпс по-прежнему оставался испуганным. Рогман видел –

она боялась по-настоящему, и будь у нее реальное тело, ее бы сейчас трясло от избытка эмоций…

И тем не менее она была вынуждена согласиться с ним. Если он не узнает правды, не испытает на прочность свой рассудок, то зачем тогда все произошедшее с ними?..

Не дождавшись больше возражений или вопросов, она отняла руку, встала и вышла на центр пропитанного пылью столетий зала.

– Я буду манипулировать виртуальной реальностью Ковчега, – обернувшись к Рогману, пояснила она. – Иначе я не смогу показать тебе, как должен выглядеть этот зал на самом деле.

Секунду ее рука висела в воздухе, а потом…

Стены, пол, потолок – все дрогнуло, смазалось на мгновение, словно по предметам пробежала рябь, и Рогман в немом изумлении понял, что находится в совершенно ином помещении. Куда-то исчезла столетняя пыль, возвышающиеся вокруг Алтари напитались огнями, вокруг что-то защелкало, запищало, зашелестело, наполняя помещение загадочными звуками уснувшей много веков назад жизни, а затем…

Сферический потолок, составленный из сотен многометровых секций, внезапно на несколько мгновений просветлел, а потом так же неожиданно и необъяснимо начал наливаться чернотой, мраком…

Рогман смотрел вверх, не в силах понять сути происходящих там перемен, но и не смея оторвать взгляд от чернеющего купола. Он весь сжался, наполнился тревожным предчувствием и, когда свод зала вдруг перестал существовать, РАСТВОРИЛСЯ, он не закричал, нет – только подался вперед, впившись побелевшими от напряжения пальцами в мягкий материал широких подлокотников.

То, что для его сознания всегда являлось незыблемым, вдруг распалось, обратившись БЕЗДНОЙ, БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ, в которой сияли мириады ярких, ослепительных точек. Он пытался смотреть на них, но его взгляд ТОНУЛ в этой черноте.

Ощущение нельзя было назвать приятным или отвратительным – Рогман никогда доселе не испытывал подобных чувств.

– Ты хотел узнать, что такое Ковчег… – прорвался издалека голос Кимпс. – Смотри, Рогман, вот он!

Да, действительно, он увидел…

Что-то двигалось на фоне вселенского мрака. Какое-то пятнышко песочно-желтого цвета.

Оно приближалось, выкатываясь из бездны растущим на глазах шариком, и это движение вызывало прилив тошноты.

Постепенно объект превратился в мячик, чуть неправильный, приплюснутый сверху и снизу… Его движение из глубин пространства навстречу Рогману на некоторое время остановилось, и шарик начал медленно вращаться вокруг своей оси, подставляя взгляду неровные, изрытые кратерами бока.

На какой-то миг блайтеру всерьез показалось, что он начинает терять рассудок.

Сотни новых слов и понятий вихрились в голове Рогмана. Он понимал, что их транслирует туда Кимпс, объясняя смысл все новых и новых терминов, но, захваченный врасплох этим низводящим разум действом, он не мог сопротивляться… Он даже забыл о том, что нужно дышать…

Лавина новой информации на какое-то время подмяла его сознание, погребла под собой личность Рогмана, заставила потрясенно созерцать, не задумываясь о смысле происходящего, но шли минуты, растянутые в вечность, и он понемногу начал выкарабкиваться…

Потрясение пробудило в нем какие-то дремавшие доселе чувства. Рогман вдруг осознал, что ощущение тошноты прошло, а он жадно вглядывается в истыканный острыми серебристыми искорками мрак, на фоне которого продолжал укрупняться, вращаясь вокруг своей оси, приплюснутый с полюсов шарик Ковчега.

То, что он привык считать Вселенной, на самом деле явилось лишь мельчайшей пылинкой, ничтожным кусочком материи, заблудившимся меж Великого Ничто…

– Что это, Кимпс?! – наконец сумел выдохнуть он, разглядывая изрытую кратерами и покрытую иными неровностями рельефа поверхность шарика.

– Это Ковчег, Рогман. Наш Мир, внутри которого находимся все мы. Вот тут, – при этих словах нижняя часть шарика запульсировала неровным срезом, – тут расположена Сумеречная Зона, здесь, в средней части, обитают люди, зеленокожие, хавроны и еще несколько примитивных экзобиологических рас. А мы сейчас находимся вот здесь… – Кимпс выделила самую макушку шарика. – Это бывшая отделяемая часть, так называемый Основной Командный Модуль, который раньше мог существовать отдельно от всего остального.

– Зачем? Какой в этом смысл? И почему ты говоришь обо всем в прошедшем времени? – Вопросы посыпались один за другим, и по их тону нельзя было сказать, что Рогман сходит с ума от шока. Скорее наоборот, шок пробудил в нем нечто иное, совершенно не свойственное блайтеру –

рабу-полукровке, воспитанному в среде сенталов.

– Твои предки построили Ковчег, создав его из маленького небесного тела, которое вращалось по орбите вокруг их планеты. Они называли его луной.

– Планета?

– Это такой же шарик, только крупнее. Каждая искорка света, которую ты видишь, – это неимоверно далекая звезда, огромный пылающий шар. Вокруг звезд, согретые их теплом, вращаются планеты, твердые тела, на некоторых из них возможна жизнь. Твои предки жили, а быть может, и до сих пор живут, на нескольких таких шариках, обращающихся вокруг далекой, не видимой отсюда звезды.

– Зачем они построили Ковчег? – хрипло спросил Рогман. От волнения у него перехватывало горло, хотя он все больше и больше подозревал, что такие ощущения, как тошнота, сухость во рту, испарина на коже, – это лишь фантомная память его рассудка…

– Они хотели путешествовать в этой бездне, которую принято называть космосом, – как можно доходчивее пояснила Кимпс. – Тогда они взяли свою Луну, выпотрошили ее изнутри, оставив только твердую оболочку, и построили из нее огромный космический корабль… Дело в том, что расстояния между звездами огромны, – десятка человеческих жизней не хватит, чтобы преодолеть путь от одной звезды до другой.

– Но зачем?! – Рогмана всерьез начал мучить этот едва народившийся вопрос. – Зачем улетать? Им что, было плохо там, где они родились?

– Нет… – ответила Кимпс. – Жизнь на планетах родной звездной системы в ту пору, когда ее покинул Ковчег, была прекрасна. Люди освоили пространство своей системы, их жизням ничто не угрожало, технологии достигли небывалых высот. Ученые изобрели такие аппараты, которые могли исследовать звезды на расстоянии. Люди слушали и рассматривали космос, пока не пришли к удручающему для себя выводу – в известной, доступной для исследования при помощи приборов Вселенной хотя и присутствует жизнь, но она нигде не сумела развиться, не перешагнула того порога, за которым начинается Разум…

– И что тогда? – Рогмана заворожили ее слова. Он действительно чувствовал, что сходит с ума, но совершенно не по той причине, которую предполагала Кимпс, опасаясь начинать этот разговор.

– Тогда люди решили объединить усилия трех планет и построить огромный космический корабль, который мог бы путешествовать от звезды к звезде на протяжении если не миллионов лет, то как минимум тысячелетий… – объяснила Кимпс. – Они планировали отобрать с каждой

встреченной на пути планеты образцы местной флоры и фауны, а главное – те формы жизни, которые, по мнению ученых, обладали потенциалом эволюционного развития. Они справедливо полагали, что при помощи генной инженерии смогут ускорить процессы естественной эволюции и таким образом помочь полудиким животным развиться до уровня первобытных разумных существ.

– Они хотели создать новые формы разумной жизни?! – Рогман на секунду задумался, а затем вдруг произнес: – Они хотели покончить со своим одиночеством во Вселенной?! – В его голосе прозвучала дрожь внезапного откровения…

– Да, Рогман… – ответила Кимпс, пораженная его проницательностью. На ее взгляд, блайтер за несколько минут изменился до полной неузнаваемости, будто шквал информации, который должен был раздавить его, свести с ума, просто сдул с поверхности сознания Рогмана всю шелуху суеверий и предрассудков, под которой прятался жадный, любопытный, полный энергии разум настоящего исследователя, человека, мгновенно инфицированного идеей…

– Люди рассчитывали, что за время долгих перелетов между звездами они будут экспериментировать с генофондом отобранных рас в условиях, естественных для их планет. Для этого на средних уровнях Ковчега была смонтирована уникальная аппаратура, которая могла симулировать и поддерживать условия жизни различных экзобиологических зон. Затем, по достижении планет, их намеревались колонизировать, заселить представителями новых, искусственно взращенных разумных рас, находящихся на самой примитивной, первобытной стадии своего развития, чтобы дальше они эволюционировали уже совершенно самостоятельно. Таким образом в космосе должно было возникнуть множество очагов будущих цивилизаций…

Это похоже на семена, которые я бросал в сухую землю на полях Плодородной Равнины…

Это действительно явилось откровением. Потрясающее понимание сути вещей, истинного значения изломанного хаосом Мира навалилось на Рогмана, будто упавшая на грудь каменная плита…

Ощущение оказалось намного глобальнее, острее, чем то, когда он увидел космос. С существованием бесконечности, которая расплескалась вокруг Ковчега, его разум уже готов был смириться – понимание этой бездны придет к нему потом, а пока исколотый искрами мрак занял свое место где-то на задворках сознания, на полочке с абстракциями…

А вот Мир Ковчега оставался реален до полнейшего помешательства.

Кому, как не блайтеру, было знать, что представляет собой Сумеречная Зона. От былого остался лишь прах… То, над чем трудились многие поколения его предков, теперь было расплавлено, перемешано, а главное – лишилось своего предназначения и смысла.

Ковчег уже не являлся искусственным Миром, запущенным в путешествие от звезды к звезде. Он был агонизирующей грудой хлама, в недрах которой чудом теплилась жизнь.

Семенам суждено засохнуть, всходам – увянуть, как пучку рассады, забытому нерадивым клонгом в корзине на краю поля… Их корням уже никогда не коснуться плодородной земли, росткам не взойти к свету, их окончательная смерть – это лишь вопрос безжалостного, неумолимого времени…

– Кимпс… Неужели ничего нельзя сделать?.. – тихо спросил он, отлично понимая, что она слышит все его мысли.

– Нет, Рогман. Я бессильна. Ковчег разрушен, и этот процесс уже перешагнул критическую черту. В глубинах Сумеречной Зоны, на самых нижних палубах, некоторое время назад произошла разгерметизация основного корпуса. Этому Миру отпущено совсем немного, Рогман, даже меньше, чем ты думаешь. Отсюда утекает воздух, а вместо него на самых нижних ярусах уже воцаряются вакуум и космический холод.

– Выхода не существует в принципе?

– Принципиальный выход есть всегда, – ровно ответила Кимпс. – Но нет возможностей к его осуществлению, – тут же оговорилась она. – Главная компьютерная система корабля, которую принято обозначать термином «Кибермозг», мертва.

– Безвозвратно? Ее нельзя попытаться оживить?!

– Я могу подать питание, не опасаясь пробуждения оставшихся после катастрофы боевых программ, но Кибермозг не заработает вновь, – ответила Кимпс. – Я уже пыталась это сделать… – призналась она.

– И что? Что в результате?

– Я установила, что поврежден сам Центральный Процессор Ковчега. Он не работает.

– Что такое процессор? – потребовал объяснения Рогман.

– Это устройство логической обработки информации. Мозг, если объяснять упрощенно. Центр, куда стекаются информационные потоки, место, где они обрабатываются и на их основе принимается решение.

– Он управлял Ковчегом? – переспросил Рогман, еще не понимая, что тревожит его, заставляя задавать эти вопросы. Многое, очень многое оставалось неясным, загадочным, и он ощущал себя слепцом, который на

ощупь пытается поймать шныряющее под ногами юркое животное.

Если повезет, то я его поймаю…

– Он не управлял Ковчегом, – ответила Кимпс. – Он существенно упрощал процесс управления.

Рогман задумался.

Он не представлял себе, что значит управлять. Просто высказывать свои желания? Нет, скорее всего, что нет и тысячу раз нет, иначе одна его мысль могла бы видоизменить Мир.

Он попытался представить себе Ковчег, каким тот был когда-то давно, до роковой катастрофы, что произошла на самых нижних уровнях Мироздания.

После некоторых усилий, явно подкрепленных молчаливой помощью Кимпс, ему удалось создать некоторое весьма смутное и условное представление о том, как отправлялись основные функции исполинского рукотворного Мира…

Ковчегом управляли тысячи различных машин. Термин «машина» он понял достаточно ясно. По своей сути сам Ковчег когда-то представлял собой единый, целостный механизм. Перед мысленным взором Рогмана плавала навязчивая и весьма утрированная картинка: огромный прозрачный шар, внутри которого вертится множество шестеренок…

– Рогман… – раздался голос Кимпс. – Ты уже убил себя однажды. Не делай этого снова… прошу!

– В чем дело? – вяло отозвался он, с трудом заставив собственное сознание подниматься вверх, тянуться к ее голосу, выплывая из черной пучины информационного водоворота.

– Ты сойдешь с ума… Твоя личность разрушится. Ты не можешь объять необъятное, Рогман…

Он слышал ее голос. Он видел призрак, что витал вокруг. Но он не мог определить, сколько прошло времени с того момента, как он погрузился в пучину размышлений, пытаясь понять новую суть знакомых с детства вещей.

Ему не было страшно. Он не испытывал ни боли, ни дискомфорта. Он просто растворялся в окружающем его хаосе, пытаясь почерпнуть из него крупицы здравого смысла.

Возможно, Кимпс права. Он распадался как личность.

Он распадался, чтобы воссоединиться вновь.

* * *

…Бриан спал, неловко притулившись к выпуклому борту прозрачного

колпака камеры биореконструкции. В другое время воин пришел бы в ужас, скажи кто-нибудь, что ему доведется вот так уснуть в страшном окружении хрустальных гробов, но непомерная усталость, помноженная на невероятное моральное напряжение нескольких последних суток, в конце концов взяла свое.

За минуту до того, как уснуть, он сидел, облокотившись о колпак, под который по приказу Кимпс положил раздетое донага тело Рогмана, и думал о странном, невероятном голосе, что разговаривал с ним полчаса назад.

Бриану не верилось, что этот голос принадлежал блайтеру. В сознании воина не умещалось подобное раздвоение – он видел неподвижное, бесчувственное тело, все обрызганное какой-то пеной, переплетенное множеством проводков, которые, точно змеи или черви, полезли из стенок саркофага, как только захлопнулась его прозрачная крышка… и в то же время он явственно слышал этот голос, который хоть и звучал от стен и сводов помещения, но говорил словами и интонациями, присущими его другу!..

Пока он раздумывал над этим смущающим рассудок событием, глаза воина начали смыкаться. Отяжелевшие веки закрылись, и он погрузился в чуткий, тревожный сон.

Постепенно его дрема стала глубже. Он даже не услышал, как что-то защелкало в стенах зала и на него внезапно упал рассеянный луч зеленого света. Он остановился, сфокусировавшись на затылке Бриана, и спустя несколько минут тот уже спал совершенно беспробудно.

…Прошло очень много часов, прежде чем Бриан вновь открыл глаза.

Сон без сновидений, глубокий и черный, как ненастная ночь, не оставил в памяти никаких следов. Он не мог сказать – долго ли он спал, но ясная голова и чувство голода подсказали ему – да, долго.

Бриан потянулся, еще не вполне осознав собственное пробуждение, потом вздрогнул, внезапно вспомнив, где он находится и что за страшные события предшествовали его сну.

Мгновенно вскочив на ноги, он огляделся по сторонам и… увидел Рогмана!

Блайтер стоял за его спиной, живой и здоровый, даже с веселой улыбкой на лице!

– Рогман! – не помня себя от радости, закричал Бриан, шагнув к нему, чтобы обнять чудом воскресшего друга, но…

Его руки схватили пустоту, Бриан нелепо взмахнул ими, чтобы удержать равновесие, и насупился, глядя на затуманившийся контур человеческого тела.

Если это была шутка, то злая и нелепая, ну а если очередной морок, то пусть бы он сгинул заодно с тем, кто его послал!..

– Бриан! – нарушил ход его растерзанных, обескураженных мыслей голос блайтера. – Бриан, не сердись, я не успел предупредить тебя, что ты видишь призрак. Прости, дружище!..

Воин посмотрел на прояснившуюся фигуру. Блайтер сделал несколько шагов и присел на выступ саркофага, в котором продолжало лежать его собственное тело.

– Нам нужно поговорить… – запросто произнес он, глядя на воина. – Садись.

Бриан подчинился скорее машинально, чем осознанно.

– Рогман, скажи, ты жив?! – задал он наконец мучивший его вопрос, покосившись в сторону заключенного в саркофаге тела.

– Кимпс утверждает, что да… – ответил ему Рогман. – Да и я чувствую себя ну… как это можно выразить… – блайтер замялся, подбирая подходящую случаю формулировку, – ну, не совсем мертвым, что ли?.. – Он пожал плечами и посмотрел в глаза Бриану. – Ты прости, что напугал тебя.

Странник сокрушенно кивнул.

– Ты стал таким же, как и она, верно?

Рогман промолчал. Казалось, что ему не доставляет удовольствия этот вопрос.

– У меня есть два варианта… – вздохнул он. – Жить в образе призрака или умереть… Выбор не очень богатый, согласись?..

Бриан опять кивнул. Создавалось ощущение, что он просто боится смотреть на Рогмана.

– Да, выбор действительно скверный… – наконец со вздохом согласился он.

– Почему же скверный?.. – возразил Рогман. – Бриан, пойми, меня это не тяготит. Пока ты спал, я узнал столько нового, сколько не смог бы понять, проживи я еще десять жизней и исходи вдоль и поперек весь наш Мир. На самом деле для меня все кончилось не так ужасно… благодаря тебе!

– Ну, хватил!.. Благодаря мне… – Бриан встряхнул головой. – А что я такого сделал?!

– Ты спас меня, и не спорь!.. Кимпс сама призналась мне, что ее вызвал ты!

Воин покачал головой и вдруг возмутился в своей обычной манере:

– Что ты такое говоришь, сэр Рогман, что ж я, двалг какой-нибудь, чтобы разговаривать мыслями?!

– А ты зря так возмущаешься, – внезапно остановил его блайтер. – Двалги, между прочим, совсем не виноваты в том, что умеют общаться с артефактами. Такими их сделали наши с тобой предки.

Бриан опешил от этих слов.

– Так, значит, ты узнал? Да?

– Ты имеешь в виду, кто мы? – уточнил Рогман. – Если ты об этом, то мы – Боги. Вернее, потомки Богов. А на самом деле… – он вдруг усмехнулся. – На самом деле мы просто люди, Бриан. Наши предки действительно построили этот Мир, но все легенды про древних Богов – это лишь суеверия, рожденные после катастрофы. Все намного сложнее и трагичнее, чем ты думаешь, но могу сказать, что я оказался прав, когда говорил тебе: в этом Мире у нас нет исконных врагов. Все расы Ковчега столкнула лбами и перемешала общая беда…

Он посмотрел на Бриана и добавил:

– Эта беда коснулась всех народов, и она по-прежнему грозит нам. Наш Мир разрушается… Мне трудно объяснить тебе детали, но снизу, из Сумеречной Зоны, идет новая катастрофа, которая не пощадит никого – ни людей, ни зверозубых, ни хавронов, это стихия, и ей нет разницы, двалг ты, человек или дрон…

Бриан молчал, слушая Рогмана, а в его глазах было такое выражение, будто он стоял и смотрел в пропасть. За время их короткого знакомства воин привык доверять словам блайтера, не раз уже убедившись в их пророческой мудрости, и потому помрачнел, слушая, как тот пытается донести до него суть проблемы. Не все слова он понимал – речь Рогмана сильно изменилась, в ней теперь попадалось множество древних слов, но главное он все же понял.

Да, за такой вестью стоило карабкаться по уровням проклятой пирамиды. Не их вина, что эта весть дурная. Даже из надвигающейся беды можно извлечь пользу, хотя бы в том, что знаешь о ней…

– Ничего нельзя сделать? – наконец глухо спросил он.

– Я еще не все понял… – признал в ответ Рогман. – Кимпс только чуть-чуть приоткрыла передо мной истинную картину Мира. Может быть, я смогу что-то изменить… потому я хочу остаться и делаю выбор в пользу призрака… Я просто боюсь, Бриан, что если буду ждать, то к тому времени, когда оживет мое тело, которое обещала вылечить Кимпс, здесь уже будут властвовать холод и мрак, как уже случилось однажды, много веков назад.

– Рогман, позволь мне остаться с тобой!

– Нет, Бриан, ты должен спуститься вниз, – категорично ответил блайтер.

– Ты прогоняешь меня? Почему?!

– Я не прогоняю, Бриан, я прошу. Тебе предстоит очень трудное задание. Нужно собрать людей и убедить их в том, что надвигается беда… Кимпс говорит, что им нужно идти в одно место… она укажет, где оно расположено. Там есть вход в убежище, куда не проникнет холод.

– Что, это так серьезно?! – бросив обиды, вновь переспросил Бриан, в душе которого все еще теплилась надежда на то, что Рогман преувеличивает опасность.

– Да. Ты должен пройти по селениям и переговорить со старейшинами, убедить их. Потом ты пойдешь в горы, к дронам…

– КУДА?!

– В горы, Бриан. Их тоже нужно предупредить. Зеленокожие имеют такое же право на жизнь, как ты или я.

– Ты точно сошел с ума. Они подпустят меня к себе разве что на выстрел…

– Тебе помогут их двалги. Кимпс заставит их вспомнить свое истинное предназначение. Мы создатели и хозяева этого Мира, Бриан, но такой расклад налагает на нас ответственность за всех в нем живущих.

– Мы люди…

– Мы люди, и у этого слова только что появился новый смысл, – упрямо повторил Рогман. – Наш Мир болен, он разрушается, и если не мы, его создатели, то кто еще может попытаться изменить ход катастрофы?

– Рогман, ты безумец… – сокрушенно произнес воин. – Ты хочешь побороть судьбу, хоть это тебе понятно?!

– Понятно. – Рогман поднял руку и указал на крышку саркофага, где лежало его собственное тело. – Один раз мы с тобой уже побороли судьбу, не находишь?!

* * *

Рогман не думал, что в его положении может настать момент, когда разум перестанет тяготиться новой формой своего существования.

Быть может, втайне он всегда мечтал быть Богом?

Возможно, но только не сейчас и не в данном месте.

Реальность Ковчега оказалась худшим из полигонов, когда-либо созданных для реализации амбиций богоподобного существа. То, чем он был занят, больше напоминало адский труд, чем наслаждение исследования или творчества.

Принципиально для Рогмана не оказалось особых сложностей, связанных с овладением новыми знаниями. Мир Ковчега с готовностью

открывался ему, но то был Мир СТАРОГО Ковчега, исправный, сверкающий, такой, как его преподносили информационно-обучающие программы.

Реальность казалась совсем иной.

Обратившись к доступным сведениям, Рогман быстро уяснил историю катастрофы.

Много веков назад в недрах технического яруса Ковчега произошел взрыв ядерного реактора. Сейчас было невозможно разобраться в причинах трагедии, да и какая разница, что послужило причиной катастрофы – сбой автоматических систем, человеческая халатность или просто роковое стечение обстоятельств, – важны были последствия.

Некоторое время жизнь внутри летящей во мраке космоса искусственной планеты оказалась полностью во власти аварийных систем жизнеобеспечения и контроля. Нарушение коммуникаций отрезало центральный вычислительный и командный центр корабля от всей периферии. Пока немногие из уцелевших при катастрофе людей при поддержке роботов пытались восстановить управляющие цепи, на среднем ярусе искусственного Мира случилось непоправимое. После взрыва реактора и отключения основных энергетических потоков пали непроницаемые силовые барьеры, которые разделяли шесть граничащих между собой экзобиологических зон обитания. Существа, взятые с шести различных планет и уже получившие свой процент генетической акселерации, по-разному переживали катастрофу. Единственное, что можно было сказать со всей очевидностью, – сладко не пришлось никому. В том числе и тем людям, которые в момент катастрофы находились в парковой зоне, у подножия транспортной башни. В этом месте обитало несколько первобытных племен, доставленных на Ковчег с планеты Сентал. Низколобые, лохматые существа, внешне отдаленно похожие на людей, дышали тем же воздухом, что и экипаж Ковчега, к тому же они были рождены под светом схожего солнца, в результате этих совпадений им отвели изолированное пространство внутри парковой зоны, созданной для отдыха экипажа.

Рогман был потрясен, когда понял, что именно сенталы являлись теми существами, кто сумел во время воцарившегося мрака и паники проникнуть в транспортную башню и подняться по ее ярусам до самых залов управления.

Сенталы, а не этнамы или другие народы стали теми, кто вторгся в сектор управления, перебил попавшихся на пути людей и этими действиями спровоцировал активацию программ военного контроля,

которые как раз и довершили катастрофу, наполнив содрогающийся от взрывов Мир новым хаосом разрушений и преследований.

Теперь Рогману стало понятно, почему сенталы жили на задворках самых нижних, наиболее пострадавших от катастрофы ярусов. Они бежали туда, спасаясь от настойчивого преследования идущих по пятам машин. Оставалось удивляться, как этот первобытный народ сумел выжить в условиях бушевавшей на нижних палубах Невидимой Смерти?

Вообще, если разбираться беспристрастно, то именно радиация сыграла исключительную, основополагающую роль в формировании стихийной эволюции обитателей всех нижних палуб Ковчега.

По мнению Кимпс, которая по заданию Рогмана занималась параллельным исследованием причин и последствий той давней катастрофы, именно излучение взорванных реакторов привело к возникновению сообщества этнамов.

Генетическая память не подвела Рогмана, когда на кривой улочке города, задыхаясь от страха и отвращения перед Великолепной Нейрой, он подумал о ней как о старой, драной, облезлой кошке.

Этнамы являлись не кем иным, как мутировавшими представителями семейства кошачьих, и по уровню их развития, произведя какие-то непонятные Рогману вычисления, Кимпс смогла сделать вывод, что с момента катастрофы на борту Ковчега прошло не менее двух тысяч лет, – именно такой срок, по ее мнению, являлся минимально возможным для развития и закрепления на генном уровне прогрессирующих мутаций, вызвавших появление сообщества этнамов на месте обыкновенной популяции домашних любимцев экипажа.

Из таких вот переворачивающих душу откровений медленно складывалось ПОНИМАНИЕ того, какие процессы протекали на борту Ковчега в течение многих веков.

Разум Рогмана бился, будто запутавшийся в силках зверь.

Он действительно попытался объять необъятное. Потоки новой и новой информации оглушали его, сбивали с толка, отвлекали от главного, да и где оно было, это пресловутое «главное»?

Мир продолжал разрушаться на его глазах. Катастрофа, начавшаяся на самых нижних уровнях Мироздания, надвигалась с удручающей скоростью. Теперь Рогман понимал, откуда в Сумеречной Зоне взялись те самые пауки-симбионты, которые едва не растерзали его и Ушастого. Они являлись обитателями тех уровней, где в оболочке Ковчега возникла трещина, стремительно превращающаяся в дыру. Эти твари попросту бежали от холода, что вторгался через разлом толстой обшивки.

Рогман еще не вполне постиг такие понятия, как «безвоздушное пространство», «вакуум», «атмосфера», но один наглядный урок объяснил ему многое в загадочной физике данных терминов.

Кимпс, которая тоже не сидела сложа руки, сумела отыскать на самых нижних уровнях случайно сохранившийся там аппарат наблюдения, так называемый «глаз».

Теперь Рогман смог воочию увидеть самое дно Сумеречной Зоны.

Он никогда не бывал тут в свою короткую бытность блайтером, и теперь эти места возбудили в нем вполне законный интерес. Скользя взглядом по обветшалым, перекошенным стенам тоннелей, через которые неторопливо следовал парящий на высоте одного метра от пола прибор, он вдруг ощутил приступ самой настоящей ностальгии по прошлому…

Однако это иррациональное чувство быстро прошло, стоило «глазу» попасть в зал, непосредственно примыкающий к обшивке Ковчега.

– Здесь когда-то располагались установки утилизации, – пояснила Кимпс, когда в поле зрения Рогмана попали высокие мрачные конструкции, снабженные похожими на ворота зевами, внутрь которых вели тоненькие ниточки монорельсов. – Отходы сжигались в огромных печах, – продолжала вводить его в курс дела Кимпс. – Из золы вырабатывались удобрения, которые шли в районы агропулов.[6]

– Подожди, а как же в таком случае Пасти-Которые-Жрут-Отходы? – спросил Рогман. Он не замечал, что порой его речь представляет собой гремучую смесь научных терминов с теми понятиями и словами, которые достались блайтеру в наследство от языка сенталов.

– Это аварийные источники питания. Атомные конвекторы использовались только в случае непредвиденных обстоятельств. Они разлагают любое вещество на чистую энергию, без сопутствующих обыкновенному сжиганию шлаков, но их нельзя применять повсеместно и постоянно. Пока исправно работали оба реактора Ковчега, использование конвекторов привело бы к ненужной перегрузке энергетических цепей. К тому же сожженный мусор являлся незаменимым источником сырья для некоторых производств.

Пока она говорила, «глаз» по диагонали пересекал внушительный зал крематория.

Источником беды являлась его задняя стена, в том месте, где располагались старые вакуум-створы. Как пояснила Кимпс, в процессе сжигания мусора неизбежно образовывался процент негодных шлаков, которые приходилось выкидывать в космос, за борт Ковчега. Для этой

операции предназначался специальный шлюз – двойные герметичные ворота с переходной камерой между ними. Чтобы при операциях выброса шлаков Ковчег не терял драгоценного воздуха, сначала открывались внутренние ворота шлюза, туда грузились контейнеры с отходами печей, и ворота плотно, герметично запирались. Затем начинали работать насосы, которые откачивали воздух из переходной камеры, и только когда давление в ней падало до значения «вакуум», открывались наружные ворота, и мусор выталкивался в космос.

Сейчас описанный Кимпс механизм выглядел совершенно не таким исправным… «Глазу» пришлось держаться на почтительном расстоянии от вакуум-створов и включить на полную мощность свой микродвигатель, чтобы противостоять напору ураганного ветра, который с воем несся в сторону бреши, увлекая за собой мелкие частицы мусора, собранного воздушным потоком из прилегающих тоннелей.

– Вторичная система герметизации не действует, – сообщила Кимпс. – Я перепроверила все аварийные переборки в секторах нижнего уровня, но они либо повреждены, либо уже были активированы в момент катастрофы реактора.

– То есть сейчас мы не можем преградить путь этому урагану? – сделал свой вывод Рогман.

– Да. Остается послать туда шагающих роботов, из резерва систем боевого контроля, но они слабо приспособлены для ремонтных операций.

– Они не пройдут… – сумрачно поправил ее блайтер, который лучше, чем Кимпс, знал узкие, извилистые и ненадежные тропы Сумеречной Зоны. – Ни одна многотонная машина не пройдет через разрушенные сектора, – пояснил он. – Им не под силу проползти там, где с трудом протиснется человек.

Сделав такой неутешительный вывод, Рогман продолжал смотреть, мысленными приказами оперируя видеокамерой «глаза».

В поле зрения наконец попал сам разлом.

Неизвестно, что стало с наружными воротами, но состояние внутренних не внушало оптимизма. Площадь двух исполинских створок составляла около сорока квадратных метров. Они были выполнены из прочной, толстой стали, особым образом закаленной и легированной, не подверженной коррозии и иным разрушениям, но неумолимое время нашло иную слабину в конструкции. Не сумев справиться с воротами, оно с присущей ему неторопливой неизбежностью набросилось на уплотняющую раму, которая оказалась не так прочна.

Два тысячелетия – огромный срок для любого, пусть даже самого

совершенного механизма. Внутренняя рама не выдержала неторопливого бега времени – она покосилась, просев под весом многотонных створов, и в обшивке образовалась щель. Очевидно, тот же процесс нарушил герметизацию наружных ворот, и тогда воздух Ковчега под давлением ринулся наружу, усугубляя те разрушения, что причинило воротам время.

Теперь это выглядело приблизительно так: две плотно сомкнутые многотонные плиты накренились внутрь и заметно раскачивались под напором бьющего в них ветра. Щель между вывороченной рамой и стеной незначительно колебалась, то уменьшаясь, то увеличиваясь, но даже Рогман без каких-либо расчетов мог с уверенностью сказать: такое положение не сможет сохраняться долго, раскачивание массивных, многотонных плит приведет к тому, что они рухнут…

– Сколько у нас осталось времени, Кимпс?..

– От нескольких месяцев до года, – с готовностью ответила она. – Я произвожу постоянный подсчет истечения воздуха. Пока что задействованных выше регенераторов хватает, чтобы скомпенсировать потери до минимума, но если брешь расширится, то процесс потери атмосферы станет стремительным и необратимым.

* * *

Рогман впервые оказался поставлен перед лицом такой серьезной проблемы. Ему не хватало знаний, способностей, умения оперировать с непонятными терминами, в поисках выхода из катастрофической ситуации ему приходилось попутно вникать во множество неизвестных ему раньше понятий.

Он забыл обо всем. Даже процесс биореконструкции собственного тела уже не занимал его так, как раньше.

Та дыра, через которую истекал воздух Ковчега, зияла в его сознании.

Первым делом он попросил Кимпс отыскать по каналам мнемонической связи своего старого ушастого друга.

Их встреча в виртуальном пространстве Ковчега оказалась короткой и достаточно деловой.

Удивительно, но многие виды, которые самостоятельно эволюционировали на разрушенных временем и катастрофой палубах Ковчега, в первую очередь обрели способность к мнемоническому общению. Это была очень полезная мутация, позволившая диким на первый взгляд существам организовывать эффективные в смысле выживания сообщества.

Шестое чувство быстро прогрессировало. Пауки-симбионты показали

удивительную способность находить свою добычу по телепатическим флюидам агонии, как иной зверь идет по запаху свежепролитой крови…

… – Ушастый, ты меня слышишь?!

– ИИРГ…

– Слушай внимательно, что я тебе скажу. – Рогмана немного обескураживала такая форма общения, но он сумел взять себя в руки. – Снизу идет беда. Весь твой род в опасности. Я знаю, что ты не выносишь солнечный свет, потому и вернулся вниз, когда меня забрал с собой Бриан…

– ААРИ!

– Верю, верю, ты слушай. Если вы не подниметесь наверх, то погибнете от холода. От вас утекает воздух, скоро в Сумеречной Зоне станет нечем дышать. Ты понял?!

– ИИРГ!..

– Веди свое племя вверх, отыщи там человека по имени Бриан. Он знает тебя, а ты знаешь его. Кимпс подружит вас окончательно. Помогай ему во всем, а я попытаюсь помочь всем нам!

В ответ он услышал не звук. Совершенно внезапно из сумрака соткались очертания остроносой мордочки нетопыря. Несколько секунд призрачное создание смотрело на Рогмана своими огромными глазами-блюдцами, а затем оскалило мордочку, высунуло язык, молниеносно лизнуло Рогмана в щеку и исчезло, растворилось, будто его никогда и не было…

Это уже становилось навязчивым наваждением…

Нетопырь давно исчез, а блайтер все еще не мог прийти в себя, ощущая его прикосновение…

Это казалось невозможным, нелогичным – Рогман уже успел усвоить, что в данный момент является лишь набором информационных байт на одном из бесчисленных электронных носителей Ковчега, так отчего же он тогда ощущает прикосновение шероховатого, теплого языка к своей щеке?

С данным аспектом виртуального существования ему еще предстояло разобраться… в будущем.

* * *

Время утекало с той же стремительностью, что и воздух.

Рогман бился в тенетах раскуроченного Мира, все явственнее понимая: он может лишь ненадолго отсрочить гибель всего живого, загнав популяции в несколько сохранившихся бункеров-убежищ. Там, в теснине

замкнутого пространства, они проживут еще некоторое время… пока не вспыхнет с новой силой историческая вражда и те самые бункера не переполнит пролитая кровь.

Слишком многое в его планах строилось на логике, человеколюбии, терпимости – чертах, которые не присущи диким животным, да и разумным существам, по большей части, тоже.

Ковчег неизбежно, семимильными шагами двигался навстречу финалу своей тысячелетней агонии, и Рогман не мог ничего противопоставить этому процессу, кроме жалких потуг самопознания.

Ему даже не было позволено той малости, которая дана остальным существам, – он не мог уповать на Бога, потому что сам по своей сути был Бог.

Теперь он знал, что является единственным человеком на Ковчеге, рожденным по генетической программе экипажа. Его родители в момент катастрофы находились на нижних ярусах гигантского Мира. С ними был и новорожденный младенец, которому еще не успели дать имя.

Когда весь Мир вокруг внезапно сошел с ума и стены принялись валиться одна на другую, а ровные, прямые тоннели прямо на глазах перекручивались в гиблую, замысловатую спираль, его в суматохе всеобщей паники поместили под защиту низкотемпературной капсулы сна, которую потом замуровало обвалившимися обломками.

Две тысячи лет жизнь Рогмана едва теплилась под чутким, недреманным оком верной, но бездушной автоматики.

До тех пор, пока не рухнул участок обветшалой от времени стены, обнаружив проход в скрытое от посторонних глаз помещение.

Эргавс, щедро накормивший аварийный конвектор обломками пластика, невольно подал питание на автоматику криогенной капсулы, перегрузив старые, обветшавшие энергетические цепи. Компьютеру капсулы не оставалось ничего иного, кроме как инициировать процесс экстренного пробуждения…

Сейчас, с высоты своего виртуального существования, Рогман вспоминал детство, все острее и острее осознавая, какую жалкую, убогую жизнь вели населявшие Ковчег народы.

Он остался единственным наследником тех, кто забрал эти народы с родных планет. Тот же самый Эргавс мог бы родиться далеко отсюда, на своей планете, под светом нормального, а не искусственного солнца, прожить по-своему счастливую жизнь и не погибнуть под трехпалыми лапами боевой машины, которая вдруг очнулась от сна, разбуженная необузданной ненавистью блайтера…

Рогман не винил себя в случившемся – в ту пору он являлся клонгом, рабом и действовал, сообразуясь с реалиями своей жизни, но тем глубже и болезненнее становилось растущее в нем сознание ответственности за ВСЕХ, кто бродил сейчас по покореженным палубам Ковчега, скитаясь в поисках лучшей доли под светом шести искусственных солнц…

Наконец, измучившись и не найдя никакого выхода из ситуации внутри Ковчега, он обратил свой взгляд НАРУЖУ.

* * *

– Кимпс, ты можешь объяснить мне, что это такое?

Рогман пристально смотрел в экраны, на которых перемещалось изображение ослепительного шарика, вокруг которого в пространстве зависло несколько более темных горошин меньших размеров. Одна из них в последнее время значительно укрупнилась, будто бы приблизившись к сенсорам наблюдения, разбросанным по обшивке Ковчега.

– Это звездная система, Рогман, – немедленно отозвалась Кимпс. – Звезда имеет девять планет-спутников. Могу привести все характеристики, если хочешь.

– Нет, не нужно. Я все равно не пойму большей половины твоих цифр. Лучше скажи: эта система имелась в полетном плане Ковчега?

– Нет. Она находится в стороне от первоначального курса. Сюда корабль привел неуправляемый дрейф, наступивший после взрыва реакторов. Ковчег достиг границ этой системы около пятисот лет назад и был захвачен силой тяготения звезды, став ее спутником. Вот уже пять веков мы двигаемся по эллиптической орбите внутри данной системы.

В голове Рогмана мелькнула безумная мысль. Поначалу он просто отмел ее как очередной бредовый вариант, но мысль оказалась упрямой: она вернулась к нему, занозой воткнувшись в мозг.

– Кимпс, мы приближаемся к планете? – дрогнувшим от волнения голосом спросил он.

– Да, Рогман. По моим данным, неуправляемый дрейф Ковчега проходит в зоне тяготения данной планеты каждые шестьдесят лет. Мы пройдем в критической близости от нее через три недели…

Что это? Невероятная удача или судьба?

– Кимпс, я бы хотел узнать характеристики планеты. Возможна ли на ней жизнь?

– Я не проводила специального зондирования биосферы, – призналась она. – По внешнему виду облачного покрова и по доминирующим цветам атмосферы я могу тебе сказать, что там присутствует кислород и вода.

Точнее судить трудно. Нужно произвести забор проб воздуха, биохимический анализ атмосферы и прочие тесты.

– Мы можем это осуществить?

– Мне нужно обратиться к системным реестрам. Сейчас я произведу ревизию возможностей бортовой аппаратуры.

* * *

Щель внизу все росла.

Многотонные плиты уже не покачивались, их трясло разрушительной вибрацией, рожденной порывами беснующегося ветра.

Вокруг поврежденной рамы громоздились горы обломков, которые из-за своих размеров не смогли протолкнуться в щель между стеной и отломившимися частями конструкции.

Зал древнего крематория сотрясал адский грохот. В воздухе летали сорванные куски облицовки, порожние контейнеры и прочий хлам. Скорость истекающего в замусоренную щель ветра достигала двухсот метров в секунду.

Жизнь стремительно покидала Сумеречную Зону. Все, что только могло двигаться, ползать, летать, устремилось вверх, к Перевалам Тьмы. Как обычно бывает во времена стихийных бедствий, была на время забыта исконная вражда. Сотни разных существ, до этого даже ни разу не встречавшихся друг с другом, теперь единым потоком убегали от катастрофы.

Там, где раньше располагался Город этнамов, сейчас уже практически невозможно стало дышать: таким разреженным был воздух.

На горных склонах Перевалов Тьмы разыгрывались жестокие и трагические эпизоды борьбы за существование.

Очень малая часть зеленокожих племен вняла голосу своих двалгов. Никто не хотел спускаться вниз, на человеческие равнины, под свет ненавистного желтого солнца. Большинство диких племен в итоге оказалось озабочено тем, чтобы не пропустить прущую снизу невиданную жизнь в границы своих владений.

В ущельях и на горных склонах то и дело вспыхивали схватки между исконными обитателями гор и пришлыми племенами.

Ком противоречий, ненависти, растерянности нарастал, неумолимо сползая с горных вершин в сторону древней лесопарковой зоны…

* * *

Когда наконец не выдержала внутренняя рама старого шлюза,

содрогнулся, казалось, весь Ковчег.

Тонны воздуха устремились в огромную пробоину, унося с собой все: мусор, старое оборудование, мертвые тела…

Близлежащие коридоры Сумеречной Зоны в одно мгновение превратились в воющие трубы, которые всасывали в себя все без разбора.

Рогман в этот момент был занят тем, что рассматривал поверхность планеты, которая уже приблизилась настолько, что заполнила все обозримое пространство в куполе зала управления.

Касательная траектория полета, которая вела Ковчег через поле тяготения бело-голубого шара, вызывала катастрофы как на многострадальном корабле-астероиде, так и на самой планете, где по поверхности океанов вздымались гигантские приливные волны.

К довершению прочего, эта планета уже обладала своей собственной луной, которая хоть и имела сравнимый с Ковчегом размер, но тоже вносила свою существенную лепту в разрушительное противостояние гравитационных полей.

Рогман чувствовал: приближается конец.

Однако уцелевшие в катастрофе и реанимированные по его приказу системы наблюдения выдавали несколько иной прогноз.

– Мы пройдем с минимальными повреждениями, – доложила Кимпс, которая постоянно интерпретировала для Рогмана непонятные ему цифровые данные, то и дело появляющиеся на мониторах, расположенных в залах управления.

– Нет, – внезапно ответил ей Рогман. – Ковчег не должен пролететь мимо.

Его удивило секундное молчание Кимпс. За время их общения он привык, что та отвечает немедленно, какой бы сложный ни был задан ей вопрос.

– Я не в состоянии осуществить посадку спускаемых модулей, – наконец ответила она.

– Я не говорю про модули. Они неисправны, и нет времени их грузить. Я говорю про Ковчег, Кимпс.

– Рогман, это безумие. Это катастрофа.

– А то, что происходит с нами сейчас, – это не катастрофа?! – ответил ей Рогман, еще больше утверждаясь в правильности интуитивно принятого им решения. – Ковчег в очередной раз выйдет из гравитационных тисков, но это уже будет мертвый Ковчег с трупами на борту!.. Ворота вылетели, мы теряем воздух!

– Рогман, мы ведь даже не прозондировали биосферу. Там есть вода и

кислород. Я вижу жизнь, основанную на хлорофилле, но больше никаких данных в пользу того, что кто-то сумеет выжить внизу!

– У нас нет выбора, Кимпс. У нас нет в запасе еще шестидесяти лет! Нет даже дня! Почему же ты противишься мне?!

Произнеся это, он вдруг понял, что попал в точку.

Кимпс именно противилась ему, иной термин казался неприменим.

Почему?!

И вдруг он понял. Это было как вспышка, озарение!..

Его тело закончило цикл биологической реконструкции. Это произошло еще несколько дней назад, и с того самого момента, как Кимпс объявила, что в любую секунду может вернуть его назад, в здоровое, полное сил человеческое тело, ее отношение к Рогману изменилось, просто он не заметил этого!..

Она предчувствовала его уход. Кимпс отчаянно боялась вновь остаться одна. Она понимала, что управляющие системы Ковчега разрушены столь основательно и безнадежно, что этому кораблю в сегодняшнем виде недолго, совсем недолго оставалось дрейфовать в космосе.

Весь энергоресурс работающего реактора уходил на то, чтобы поддерживать жизнь. Она оказалась вне этих систем жизнеобеспечения – забытая программа, набор байт на компьютерном диске, она не была нужна никому, кроме Рогмана, да и тот с минуты на минуту вспомнит о собственном теле и уйдет, чтобы испытать судьбу, ринуться навстречу голубовато-белой планете в катастрофическом снижении и, если повезет, снова жить…

Ковчег умирал и больше не нуждался в ней.

* * *

Несколько минут Рогман молчал, вновь и вновь переваривая свои мрачные мысли.

Планета приближалась. Не так быстро, чтобы на принятие решения оставались секунды, но и не настолько медленно, чтобы можно было позволить себе размышлять часами.

Рогман ощущал, как вокруг него закипает электронная жизнь. Отдельные терминалы гигантских пультов уже работали вовсю, производя непонятные ему вычисления.

Лишний повод понять свою ущербность…

Он не знал, что готовит Кимпс. Существовало два варианта развития событий: либо Ковчег следует своим прежним курсом и благополучно

удаляется от планеты, уходя на новый виток шестидесятилетней орбиты, либо он немного меняет свой курс, чуть-чуть подается вниз и начинает с возрастающим ускорением падать на дно гравитационного колодца планеты.

Оба выхода являются катастрофой для населяющих Ковчег народов, но в первом случае космический холод и вакуум убьют всех без исключения, во втором же оставался шанс выжить для многих… Очень многих…

Рогман смотрел на медленно приближающийся пухлый бело-голубой шар планеты и перебирал в памяти случайные лица.

Их было много на его пути. По большей части они ненавидели его, презирали или боялись. И лишь немногие, единицы, сумели разглядеть в нем друга. Ушастый… Бриан… Гранд… Кимпс… а за их спинами – воющая на разные голоса злая толпа захлебнувшихся от страха народов.

Для Рогмана достаточно было этих четверых, двое из которых уже однажды отдавали ему все самое дорогое в жизни.

Он понял, что попал в ловушку. В какой-то миг его озарило. Он понял: падение на планету для Кимпс означает смерть. Она не может существовать вне Ковчега. Кусок обшивки с каким-нибудь оплавленным электронным блоком, валяющийся в джунглях незнакомой планеты, уже не будет Мнемонической Подсистемой. Она умрет вместе с этим циклопическим кораблем. Для нее пролететь мимо – значит остаться жить.

Для всех остальных – ровно наоборот.

И еще Рогман отчетливо осознал, что в центре этого узла противоречий застряло его живое, реплицированное тело. Кимпс просто сжалась от страха, ожидая, каким будет его следующий шаг. Пока он – электронный фантом, виртуальная личность на носителях Ковчега, они связаны сильнее, чем сиамские близнецы. Но стоит ему потребовать назад излеченную плоть, она останется одна и погибнет в пламени катастрофической посадки…

– Кимпс… – негромко произнес он.

Она откликнулась немедленно, без задержки.

– Да, Рогман?

– Покажись.

Серый туман преданно взметнулся вихрящимися клочьями, и из него вышла женская фигура. Сделав шаг, она застыла в полуметре от Рогмана, доверчиво глядя на него, но он видел: в каждой черточке ее лица застыл испуг. Ожидание приговора.

– Ты слышала, что говорил Бриан, когда я умирал на полу этого зала?

– Конечно…

– Что? Повтори!

– Он не говорил, Рогман, – ответила Кимпс, – он думал. Я слышала его мысли. Он молил, чтобы обитающие тут силы забрали его душу, тело, но только бы спасли тебя!

– И ты подчинилась?

– Да. Это был приказ, созвучный сущности тех людей, чья память живет во мне.

– Теперь послушай, что скажу тебе я.

Рогман протянул руку и коснулся ее пальцев. В этом Мире электронных образов он мог ощущать прикосновения так же остро, как и наяву…

– Я не могу сделать выбор между тобой и остальными живущими, – ощущая дрожь ее пальцев, произнес он. – Я могу приказать тебе посадить Ковчег, и ты выполнишь мой приказ, но умрешь. Я могу промолчать, и тогда погибнут они. Для меня неприемлемы оба варианта.

– Рогман… Они дикие… Я спускалась в этот Мир в твоих поисках. Они злобные, кровожадные, они убивают ради того, чтобы жить. Они убивают даже друг друга. Вспомни, через что ты прошел, как унижали и ненавидели тебя!..

– Я помню. Я помню и то, как моя ненависть погубила народ, меня воспитавший… – ответил Рогман. – Так вот, Кимпс… Ты уже не машина, я это понял. И я уже, наверное, не человек… Помнишь, ты говорила мне, что командные палубы Ковчега это суть отдельный модуль, самостоятельный корабль?

– Да.

– Почему он до сих пор не был восстановлен, не заработал, как раньше? Ведь тут оставалось и сейчас остается множество роботов, которые могли бы устранить последствия катастрофы хотя бы тут?

– Энергия, Рогман. Единственный реактор уцелел на верхних палубах, но он полностью работает на аварийное жизнеобеспечение. Для тех, кто живет внизу.

– Я хочу все изменить. Я собираюсь продать свою душу… – При этих словах Рогмана Кимпс испуганно сжалась. – Я хочу остаться с тобой, в том виде, как я существую сейчас…

Должно быть, она не поверила тому, что он сказал.

Странное поведение для кибернетической системы…

– Рогман?!

– Я приказываю тебе отделить два нижних яруса Ковчега и управлять

их посадкой. Ты ведь можешь сделать это отсюда?

– Да… – дрожащим голосом ответила Кимпс, а потом вдруг прильнула к нему, словно они не были призраками, а являлись самыми что ни на есть материальными людьми, встретившимися вдруг после долгой, очень долгой разлуки…

В глазах Кибернетической Системы стояли слезы.

– Я люблю тебя, Рогман… – прошептала она.

Он не ответил, потому что знал: память тысяч людей, что жила в ней, билась на протяжении тысячелетий мрака неровным пульсом непрожитости и действительно научила ее ЛЮБИТЬ.

* * *

В Мире наступил окончательный хаос.

Казалось, что в движение пришла сама земля.

Повсюду, в самых неожиданных местах, прямо под ногами разверзалась почва, открывая глазу скрытые под ней ворота убежищ.

Представители множества рас и народов метались под светом шести солнц, нигде не находя укрытия от надвигающейся катастрофы.

Потом случилось нечто совсем ужасное. Из открывшихся зевов появились исполинские шагающие машины.

Они сгоняли обезумевших существ в плотные стайки и упорно оттирали их ко входам в убежища. Там, где не помогал обыкновенный ужас, они применяли невидимую стену, которая толкала неразумных тварей в нужном направлении.

Единственными существами, кто сохранил хоть грамм рассудка в этой вакханалии безысходного страха, была горстка людей, помогавшая шагающим машинам, да мечущиеся поверх их голов странные создания с острыми крысиными мордочками и громадными перепончатыми крыльями.

Среди людей выделялся закованный в металлокевлар воин, а среди летучих созданий – вьющийся над его головой нетопырь с четко различимыми шрамами, что тянулись вдоль его спины, рассекая бархатистую шерстку на крохотном теле.

Наконец большинство створов с глухим скрежетом закрылись, оставив внизу, в теснине убежищ, воющие от ужаса и позабывшие про вражду народы. Вместе с ними оказались согнаны животные.

Шесть солнц заметно потускнели, остановившись в зените. Перепаханная земля, вывороченные с корнем деревья, разрушенные жилища – все это придавало бесконечной равнине жуткий вид.

Почва под ногами заметно колебалась. Наверху, под хрустальным куполом, что-то трещало, со звоном осыпаясь вниз.

Прежде чем спуститься в последний открытый зев убежища, в котором только что исчез отправленный туда пинком цефал, Бриан задержался и взглянул на небо.

Ему было страшно.

Побелевшие губы воина шевельнулись, произнеся какие-то слова, адресованные туда, к хрустальному куполу.

– Мы будем помнить тебя, Рогман… – вот что прошептал он.

Древние ворота убежища с лязгом поползли навстречу друг другу, закрываясь за спиной Бриана.

* * *

Во мраке космоса к планете приближался циклопический шар песочно-желтого цвета.

Казалось, он пролетит мимо, не задев даже фиолетовой кромки стратосферы. За шаром тянулся длинный шлейф, состоящий из различного мусора и кристалликов голубоватого льда. Это продолжала истекать замерзающая в вакууме атмосфера Ковчега.

Внизу, под покрывалом облачности, огромные неуклюжие животные задирали свои головы, тревожно глядя на небо. Они еще не знали, что эра их безраздельного правления на планете окончена.

В космосе по поверхности песочно-желтого, изрытого кратерами шара внезапно пробежала трещина. Внутри, под корой пустотелого астероида, грохотали направленные взрывы. Шар сотрясался от корежащих его конвульсий, в космос отлетали каменные глыбы. Одни, вращаясь, уносились прочь, другие под разными углами падали в атмосферу планеты, превращаясь в дождь падучих звезд.

В районе трещины, которая уже походила на глубокое ущелье, сверкнул металл. Расселина, в которой продолжали грохотать взрывы, опоясала шар Ковчега у самой его макушки.

Затем случилось нечто неописуемое, катастрофичное.

По всему периметру разлома внезапно полыхнул ослепительный свет, и две неравные части разделились, отходя друг от друга. Нижняя, похожая на усеченную сферу, под напором взрыва изменила траекторию и полетела навстречу шару планеты, а верхняя, напоминающая украшенный вкраплениями камня сверкающий диск, с ровной нижней плоскостью, – в другую сторону, туда, где призывно сияли россыпи немигающих звезд…

На ровном срезе удаляющегося диска сияли шесть разноцветных

солнц. Они светили еще некоторое время, а потом погасли одно за другим.

Внутренняя система жизнеобеспечения Ковчега была отключена. Теперь вся энергия поступила в распоряжение Кимпс.

Рогман смотрел на удаляющуюся к планете сферу и не знал, что же он должен испытывать в эти мгновения?..

Он отказался от своего физического тела ради тех, кто падал сейчас навстречу пухлой атмосфере… Выживут ли они там? Примет ли их новый Мир? Для скольких народов он сможет стать новой родиной?

Этого он не знал. Но собирался проверить, вернувшись сюда через какое-то время, когда им удастся восстановить командный модуль несуществующего теперь Ковчега.

И еще… он хотел попытаться найти ту звезду, откуда тысячи лет назад отправилась в путь их рукотворная планета. Ну а пока…

– Расчет траектории окончен… – прервал его мысли голос Кимпс, и он почувствовал, как она подошла к нему сзади. Ее рука легла ему на плечо, а голова чуть склонилась вбок, щекоча Рогмана локоном волос. Вкусив запретного плода, она, похоже, не собиралась больше расставаться с иллюзией виртуального тела…

– Они сядут?

– Нет… Они упадут. Но мне удалось рассчитать падение так, что оно приведет Ковчег на мелководье у берега одного из океанов планеты. У них очень много шансов выжить. Очень…

В этот момент усеченная сфера Ковчега коснулась незримой границы, под углом погружаясь в воздушное покрывало планеты.

Вокруг неистовым ореолом вспыхнул огонь, сжирая остатки каменной облицовки.

Через минуту им был виден лишь ослепительный шар, тонущий в покрове облаков…

* * *

Удар потряс планету.

В месте падения Ковчега образовалась циклопическая воронка. Океан, пытаясь заполнить ее, кипел, выбрасывая в атмосферу миллионы тонн пара. Исполинская волна, рожденная ударом, понеслась прочь, сметая все на своем пути.

Ей суждено было трижды обогнуть земной шар клокочущим, пенистым валом, прежде чем она успокоилась, улеглась, разлившись по изувеченным материкам озерами быстро сохнущей грязи.

Мало кто пережил Великий Потоп. Исполинские тела динозавров,

сбитые в бесформенные груды плоти, высились меж озер подсыхающей грязи. Изломанные, вырванные с корнем хвощи и папоротники валялись тут и там, среди мутных, сбегающих по неровностям рельефа ручьев.

В замутившейся атмосфере бушевали грозы. Ливни не прекращались, добавляя свою лепту в общую картину конца света.

Наконец там, где упал Ковчег, наступило затишье.

Над мутным горизонтом встал кроваво-красный шар солнца. Вокруг пенилась и пузырилась грязь, в которой уже начали разлагаться тела мертвых гигантов.

Куски Ковчега, разорванные ударом, раскидало в радиусе сотен километров от воронки, которую, бурля, заполнил океан.

Возле одного из таких обломков, похожего на скалу, и произошло то событие, которое потом останется жить в легендах.

Из черного как ночь разлома, который пересекал бесформенный кусок искусственной планеты, на поверхность подсыхающей грязи уже выбралось небольшое количество животных. Все они боязливо прижимались к земле, настороженно нюхая горячий воздух и совершенно не обращая внимания друг на друга. Им было страшно, и ужас читался во влажных испуганных глазах.

Вслед за животными из расселины выбрался человек. Им был старик со спутанной бородой, в испачканной одежде и с таким же безумным взглядом, как у появившихся незадолго до него животных.

Опасливо спустившись на землю, он попробовал ногой подсохшую корку грязи, растерянно огляделся по сторонам и замер.

Одно из животных, заметив его, со всех ног бросилось к человеку и громко, радостно заблеяло, прижавшись к его ногам.

Старик потрепал по вьющемуся загривку прильнувшую к нему овцу. Взгляд старца был устремлен к кровавому диску встающего над горизонтом солнца.

Он не видел, как за его спиной из расселины выбрался могучий воин, который вел в поводу перепуганного цефала. Над головой воина с громкими криками металась ушастая тварь с широкими кожистыми крыльями.

Подойдя к старику, воин огляделся по сторонам, задержал свой взгляд на багровом шаре встающего солнца и вдруг хрипло спросил, положив свою могучую руку на плечо старика:

– Как тебя зовут, отец?

Старик вздрогнул, повернул голову, испуганно глядя на воина, а затем ответил, признав в Бриане того, кто руководил ими во время конца света:

– Ной… Меня зовут Ной, сынок…

Овца жалобно заблеяла, отчаянно прячась меж ног человека.

– Смотри, отец, теперь это наш Мир, – произнес Бриан, продолжая смотреть на встающее солнце. – И помни, что кто-то отдал жизнь за то, чтобы мы могли ступить на эту землю…

Имя Ноя останется в веках.

А тот, о ком говорил Бриан, вернется сюда спустя три миллиона лет, чтобы увидеть, кто же остался жив, как сложились судьбы различных рас, которые нес в своем чреве Ковчег.

Люди дадут ему совсем другое имя.

Спустившись на Землю, он скажет им:

«ДА НЕ УБИЙ».

Май 1999-го – февраль 2000 года.

г. Псков.

Адрес автора в Интернет: *www.Livadnyy.ru*

notes

Примечания

1

Алтарь – терминал компьютера, приспособленный для восприятия элементарных запросов со стороны первобытных обитателей экзобиологических зон «Ковчега». Очевидно, позднее это название распространилось на все компьютеры без исключения.

2

Пасть-Которая-Жрет-Отходы – атомный конвектор, утилизатор вещества, аварийный источник питания для систем «Ковчега».

З

Холодный перезапуск – полная остановка всех действующих компьютерных программ, включающая очистку данных из оперативной памяти системы и ее новый запуск. Применяется как экстренная мера при сбоях в работе сети.

4

Цефал – нелетающая птица, внешне отдаленно напоминающая современного страуса.

5

ПЗУ – Постоянное запоминающее устройство.

6

Агропул – сельскохозяйственный комплекс с замкнутым циклом воспроизводства растений.